PG
3325
.B4
1865

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Ст. Ле Bednye ludi
Lib. (N 59)
Dostoevskii, Fedor Mikhailovich

БѢДНЫЕ ЛЮДИ

РОМАНЪ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное самимъ авторомъ изданіе.

Изданіе и собственность

Ѳ. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика **Его Императорскаго Величества**, Коммиссіонера Придворной Пѣвческой Капеллы и Дирекціи Императорскихъ театровъ и владѣтеля извѣстнаго торговаго дома И. Пеца, существующаго съ 1785 года.

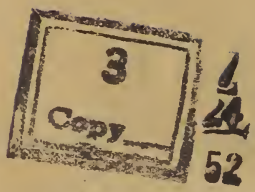
Большая Морская, № 27, въ С. Петербургѣ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. СТЕЛЛОВСКАГО.

1865.

PG 3325
.B4
1865



Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 24-го Іюля, 1865 года.

Въ типографіи Ѳ. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, противъ Юсупова сада, на углу Екатерингоскаго проспекта и Садовой д. Куканова № 2—49.

667

34

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.

Охъ, ужь эти мнѣ сказочники! Нѣтъ чтобы написать что-нибудь полезное, пріятное, усладительное, а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ!... Вотъ ужь запретилъ бы имъ писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься,—а тамъ всякая дребедень и пойдетъ въ голову; право бы запретилъ имъ писать; такъ-таки просто вовсе бы запретилъ.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, до нельзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямица, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочикъ-другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку досталъ, приготовляю бумаги, чиню перо, вдругъ, невзначай, подымаю глаза,—право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки-

*

поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнутъ и прицѣпленъ къ горшку съ бальзаминомъ, точнехонько такъ какъ я вамъ тогда намекалъ; тутъ же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что и вы обо мнѣ думали. И какъ же мнѣ досадно было, голубчикъ мой, что миловиднаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, попишешь что-нибудь, на утро и глаза раскраснѣются, и слезы текутъ, что даже совѣстно передъ чужими бываетъ. Однакоже, въ воображеніи моемъ такъ и засвѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша добренькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцаловалъ васъ, Варинька,—помните ли, ангельчикъ? Знаете ли, голубчикъ мой, мнѣ даже показалось, что вы тамъ мнѣ пальчикомъ погрозили? Такъ ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробнѣе въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка на счетъ занавѣски вашей, Варинька? Премило, не правда ли? Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли ужь знаю, что и вы тамъ обо мнѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опустите занавѣску — значитъ прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, спать пора! Подымите—значитъ съ добрымъ утромъ, Макаръ Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или: каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макаръ Алексѣевичъ? Что же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите ли, душечка моя, какъ это лов-

ко придумано; и писемъ не нужно! Хитро, не правда ли? А вѣдь придумочка-то моя! А что, каковъ я на эти, дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки ожиданій, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, и всегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ—любо-весело! Что это какое утро сего-дня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ, воздухъ дышетъ весенними ароматами, и вся природа оживляется—ну, и остальное тамъ все было тоже соотвѣтственное; все въ порядкѣ, по весеннему. Я даже и помечталъ сегодня довольно пріятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съ птичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы созданной. Тутъ же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и треволненіи, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастію небесныхъ птицъ,—ну и остальное все такое же, сему же подобное; т. е. я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ ней то же самое, все такое же весьма подробно описано. Я къ тому пишу, что вѣдь разныя бываютъ мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна, такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣйливыя, и мечтанія приходятъ нѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а впрочемъ я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое же желаніе въ стишкахъ и пишетъ—

Зачѣмъ я не птица, и хищная птица!

Ну и т. д. Тамъ и еще есть разныя мысли, да Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня, Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не сбирался, а вы, ужь подлинно какъ пташка весенняя, порхнули изъ комнаты и по двору прошли такая веселенькая. Какъ мнѣ-то было весело на васъ глядя! Ахъ, Варинька, Варинька!— вы не грустите; слезами горю помочь нельзя; это я знаю, маточка моя, это я на опытѣ знаю. Теперь же вамъ такъ покойно, да и здоровьемъ вы немного поправились.—Ну, что ваша Ѳедора? Ахъ, какая же она добрая женщина! Вы мнѣ, Варинька, напишите, какъ вы съ нею тамъ живете теперь, и всѣмъ ли вы довольны? Ѳедора-то немного ворчлива; да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею! она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ,—тоже и добрая и вѣрная женщина. А ужь какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! какъ они передаваться-то будутъ? А вотъ какъ-тутъ послалъ Господь на наше счастіе Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветошку какую-нибудь.

Ну, въ какую же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна! Ну, ужь квартира! Прежде вѣдь я жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете:—смирно, тихо; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и незнаете, какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно нумера, все такъ въ рядъ простираются. Ну вотъ и нанимаютъ эти нумера, а въ нихъ по одной комнаткѣ въ каждомъ; живутъ

въ одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте—Ноевъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть (онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ;—умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; Англичанинъ учитель живетъ.—Постойте, я васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша,—очень маленькая и нечистая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокѣ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, нумеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все,—однимъ словомъ, все удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ; что вотъ дескать кухня!—т. е. я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, помаленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше,—можетъ-быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не

думайте, что для другаго чего-нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій, васъ мимоходомъ увидишь—все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. стоитъ. Не по карману! А моя квартира стоитъ мнѣ семь руб. ассигн., да столъ пять цѣлковыхъ вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, за то во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай, и на сахаръ выгадалъ. Оно знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-тв стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ—все сколько-нибудь требуется—ну сапожишки какіе-нибудь платьишко—много ль останется? Вотъ и все мое жалованье Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ.—Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я тамъ купилъ парочку горшкооъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку—не дорого. А вы, можетъ-быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли, все какъ-можно-подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего-нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте, мой ангельчикъ! Расписался я вамъ чуть не

на двухъ листахъ, а на службу давно пора. Цалую ваши пальчики, маточка, и пребываю
Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ,
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Объ одномъ прошу: отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте же, маточка.

Апрѣля 8.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Знаете ли, что придется наконецъ совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макаръ Алексѣевичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю, чего они вамъ стоятъ, какихъ лишеній и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ силахъ вамъ воздать и за тѣ благодѣянія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко стоитъ неосторожно сказать, какъ напр. объ этой герани, ужь вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посрединѣ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте мнѣ самой разбогатѣть! Ѳедора не нарадуется; у насъ теперь словно рай въ комнатѣ,—чисто, свѣтло! Ну, а конфекты зачѣмъ? И право, я сей-

часъ же по письму угадала, что у васъ что-нибудь да не такъ—и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, я думаю, ужь нѣтъ ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и недостаетъ въ письмѣ вашемъ, Макаръ Алексѣевичъ! И ощущенія нѣжныя и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ—все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макаръ Алексѣевичъ! Что вы тамъ не говорите, какъ ни разсчитывайте свои доходы, чтобъ обмануть меня, чтобы показать, что они всѣ сплошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь изъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напр., такую квартиру нанять? Вѣдь васъ безпокоятъ, тревожатъ; вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего нѣтъ около васъ! А вы бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Ѳедора говоритъ, что вы прежде и не въ-примѣръ лучше теперешняго жили. Неужели жь вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы нанимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макаръ Алексѣевичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не пишите при свѣчахъ; зачѣмъ писать? Ваша ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, извѣстна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ, не тратьте на меня столько денегъ. Знаю, что вы меня любите, да сами то вы не богаты... Сегодня я тоже весело встала. Мнѣ было такъ хорошо; Ѳедора давно уже работала, да и мнѣ работу достала. Я такъ обрадовалась; сходила только шелку купить, да и

принялась за работу. Цѣлое утро мнѣ было такъ легко на душѣ, я такъ была весела! А теперь опять все черныя мысли. грустно; все сердце изныло.

Ахъ, что-то будетъ со мною, какова-то будетъ моя судьба! Тяжело то, что я въ такой неизвѣстности, что я не имѣю будущности, что я и предугадывать не могу о томъ, что со мной станется. Назадъ и посмотрѣть страшно. Тамъ все такое горе, что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи. Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей, меня погубившихъ!

Смеркается. Пора за работу. Я вамъ о многомъ хотѣла бы написать, да некогда, къ сроку работа. Нужно спѣшить. Конечно, письма хорошее дѣло; все не такъ скучно. А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете? Отъ-чего это, Макаръ Алексѣевичъ? Вѣдь теперь вамъ близко, да и время иногда у васъ выгадывается свободное. Зайдите, пожалуйста! Я видѣла вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала 20 копѣекъ. Да! чуть-было не забыла: непремѣнно напишите все, какъ можно подробнѣе, о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Что за люди такіе кругомъ васъ, и ладно ли вы съ ними живете? Мнѣ очень хочется все это знать. Смотрите-же, непремѣнно напишите! Сегодня ужь я нарочно уголъ загну. Ложитесь пораньше; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла. Ну, прощайте. Сегодня и тоска, и скучно, и грустно! Знать ужь день такой! Прощайте,

Ваша

Варвара Доброселова.

Апрѣля 8-го.

Милостивая государыня,

Варвара Алексѣевна!

Да, маточка, да, родная моя, знать ужь денекъ такой на мою долю горемычную выдался! Да; подшутили вы надо мной, старикомъ, Варвара Алексѣевна! Впрочемъ, самъ виноватъ, кругомъ виноватъ! Не пускаться бы на старости лѣтъ съ клочкомъ волосъ въ амуры да въ экивоки... И еще скажу, маточка: чуденъ иногда человѣкъ, очень чуденъ. И, святые вы мои! о чемъ заговоритъ занесетъ подъ-часъ! А что выходитъ-то, что слѣдуетъ-то изъ этого? Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь, что убереги меня, Господи! Я, маточка, я не сержусь, а такъ досадно только очень вспоминать обо всемъ, досадно, что я вамъ написалъ такъ фигурно и глупо. И въ должность-то я пошелъ сегодня такимъ гоголемъ-щоголемъ; сіяніе такое было на сердцѣ. На душѣ ни съ того, ни съ сего такой праздникъ былъ; весело было! За бумаги принялся рачительно — да что вышло-то потомъ изъ этого! Ужь потомъ только какъ осмотрѣлся, такъ все стало по прежнему — и сѣренько и темненько. Все тѣ же чернильныя пятна, все тѣ же столы и бумаги, да и я все такой же; такъ какимъ былъ, совершенно такимъ же и остался, — такъ чего же тутъ было на Пегасѣ-то ѣздить? Да изъ чего это вышло то все? Что солнышко проглянуло, да небо полазоревѣло! отъ этого что-ли? Да и что за ароматы такіе, когда на нашемъ дворѣ подъ окнами и чему-чему не случается быть! Знать, это мнѣ все съ-дуру такъ показалось. А вѣдь случается же иногда заблудиться такъ человѣку въ собственныхъ чувствахъ своихъ, да занести околесную. Это ни

отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ излишней, глупой горячности сердца. Домой-то я не пришелъ, а приплелся; ни съ того-ни съ сего голова у меня разболѣлась; ужь это знать все одно къ одному. (Въ спину что ли надуло мнѣ.) Я веснѣ-то обрадовался дуракъ-дуракомъ, да въ холодной шинели пошелъ. И въ чувствахъ-то вы моихъ ошиблись, родная моя! Изліяніе-то ихъ совершенно въ другую сторону приняли. Отеческая пріязнь одушевляла меня, единственная чистая отеческая пріязнь, Варвара Алексѣевна; ибо я занимаю у васъ мѣсто отца роднаго, по горькому сиротству вашему; говорю это отъ души, отъ чистаго сердца, по родственному. Ужь какъ бы тамъ ни было, а я вамъ хоть дальній родной, хоть по пословицѣ и седьмая вода на киселѣ, а все-таки родственникъ, и теперь ближайшій родственникъ и покровитель; ибо тамъ, гдѣ вы ближе всего имѣли право искать покровительства и защиты, нашли вы предательство и обиду. А насчетъ стишковъ скажу я вамъ, маточка, что неприлично мнѣ на старости лѣтъ въ составленіи стиховъ упражняться. Стихи вздоръ! За стишки и въ школахъ теперь ребятишекъ сѣкутъ... вотъ оно что, родная моя.

Что это вы пишете мнѣ, Варвара Алексѣевна, про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брезгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ; такъ чего же на старости-то лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ; да и куда намъ затѣи затѣвать! — Не графскаго рода! — Родитель мой былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. Я не нѣженка! Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартирѣ моей все было не въ примѣръ лучше; попривольнѣе было, маточка. Конечно, и теперешняя моя

квартира хороша, даже въ нѣкоторомъ отношеніи веселѣе, и если хотите разнообразнѣе; я противъ этого ничего не говорю, да все старой жаль. Мы, старые, т. е. пожилые люди, къ старымъ вещамъ какъ къ родному чему, привыкаемъ. Квартирка-то была, знаете, маленькая такая; стѣны были... ну, да что говорить!—стѣны были какъ и всѣ стѣны, не въ нихъ и дѣло, а вотъ воспоминанія-то обо всемъ моемъ прежнемъ на меня тоску нагоняютъ... Странное дѣло — тяжело, а воспоминанія какъ будто пріятныя. Даже что дурно было, на что подъ часъ и досадовалъ, и то въ воспоминаніяхъ какъ-то очищается отъ дурнаго и предстаетъ воображенію моему въ привлекательномъ видѣ. Тихо жили мы, Варинька; я да хозяйка моя, старушка, покойница. Вотъ и старушку-то мою съ грустнымъ чувствомъ припоминаю теперь! Хорошая была она женщина и не дорого брала за квартиру. Она, бывало, все вязала изъ лоскутковъ разныхъ одѣяла на аршинныхъ спицахъ; только этимъ и занималась. Огонь-то мы съ нею вмѣстѣ держали, такъ за однимъ столомъ и работали. Внучка у ней Маша была— ребенкомъ еще помню ее — лѣтъ тринадцати теперь будетъ дѣвочка. Такая шалунья была, веселенькая, все насъ смѣшила: вотъ мы втроемъ такъ и жили. Бывало, въ длинный зимній вечеръ присядемъ къ круглому столу, выпьемъ чайку, а потомъ и за дѣло примемся. А старушка, чтобъ Машѣ не скучно было, да чтобъ не шалила шалунья, сказки, бывало, начнетъ сказывать. И какія сказки-то были! Не то что дитя, и толковый и умный человѣкъ заслушается. Чего! самъ я, бывало, закурю себѣ трубочку, да такъ заслушаюсь, что и про дѣло забуду. А дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопретъ рученкой розовую щечку, ротикъ свой раскроетъ хорошенькій, и чуть страшная сказка,

такъ жмется, жмется къ старушкѣ. А намъ-то любо было смотрѣть на нее; и не увидишь, какъ свѣчка нагоритъ, не слышишь, какъ на дворѣ подъчасъ и вьюга злится и метель мететъ. — Хорошо было намъ жить, Варинька; и вотъ такъ-то мы чуть ли не двадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили. — Да что я тутъ заболтался! Вамъ, можетъ-быть, такая матерія не нравится, да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко,—особливо теперь: время сумерки. Тереза съ чѣмъ-то возится, у меня болитъ голова, да и спина немного болить, да и мысли-то такія чудныя, какъ-будто и онѣ тоже болятъ; грустно мнѣ сегодня, Варинька!—Что же это вы пишите, родная моя? Какъ же я къ вамъ приду? Голубчикъ мой, что люди-то скажутъ? Вѣдь вотъ черезъ дворъ перейдти нужно будетъ, наши замѣтятъ, разспрашивать станутъ,—толки пойдутъ, сплетни пойдутъ, дѣлу дадутъ другой смыслъ. Нѣтъ, ангельчикъ мой, я ужь васъ лучше завтра у всенощной увижу; это будетъ благоразумнѣе и для обоихъ насъ безвреднѣе. Да не взыщите на мнѣ, маточка, за то, что я вамъ такое письмо написалъ; какъ перечелъ, такъ и вижу, что все такое безсвязное. Я, Варинька, старый, неученый человѣкъ; съ-молоду не выучился, а теперь и въ умъ ничего не пойдетъ, коли снова учиться начинать. Сознаюсь, маточка, не мастеръ описывать и знаю, безъ чужаго инаго указанія и пересмѣиванія, что если захочу что-нибудь написать позатѣйливѣе, такъ вздору нагорожу. — Видѣлъ васъ у окна сегодня, видѣлъ какъ вы стору опустили. Прощайте, прощайте, храни васъ, Господь! Прощайте, Варвара Алексѣевна.

Вашъ безкорыстный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

P. S. Я, родная моя, сатиры-то ни объ комъ не пишу теперь. Старъ я сталъ, матушка, Варвара Алексѣевна, чтобъ попусту зубы скалить! и надо мной засмѣются, по русской пословицѣ:— кто, дескать, другому яму роетъ, такъ тотъ... и самъ туда же.

Апрѣля 9-го.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Ну, какъ вамъ не стыдно, другъ мой и благодѣтель, Макаръ Алексѣевичъ, такъ закручиниться и закапризничать. Неужели вы обидѣлись! Ахъ, я часто бываю неосторожна, но не думала, что вы слова мои примете за колкую шутку. Будьте увѣрены, что я никогда не осмѣлюсь шутить надъ вашими годами и надъ вашимъ характеромъ. Случилось же это все по моей вѣтренности, а болѣе потому, что ужасно скучно, а отъ скуки и за что не возьмешься? Я же полагала, что вы сами въ своемъ письмѣ хотѣли посмѣяться. Мнѣ ужасно грустно стало, когда я увидѣла, что вы недовольны мною. Нѣтъ, добрый другъ мой и благодѣтель, вы ошибаетесь, если будете подозрѣвать меня въ нечувствительности и неблагодарности. Я умѣю оцѣнить въ моемъ сердцѣ все, что вы для меня сдѣлали, защитивъ меня отъ злыхъ людей, отъ ихъ гоненія и ненависти. Я вѣчно буду за васъ Бога молить, и если моя молитва доходна къ Богу и небо внемлетъ ей, то вы будете счастливы.

Я сегодня чувствую себя очень нездоровою. Во мнѣ жаръ и ознобъ попеременно. Ѳедора за меня очень безпокоится. Вы напрасно стыдитесь ходить къ намъ, Макаръ Алексѣевичъ. Какое другимъ

дѣло! Вы съ нами знакомы, и дѣло съ концомъ!.. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ. Болѣе писать теперь не о чемъ, да и не могу: ужасно нездоровится. Прошу васъ еще разъ не сердиться на меня и быть увѣрену въ томъ всегдашнемъ почтеніи и въ той привязанности,

съ каковыми честь имѣю пребыть
наипреданнѣйшею и покорнѣйшею
услужницей вашей

Варварой Доброселовой.

Апрѣля 12.

Милостивая Государыня

Варвара Алексѣевна!

Ахъ, маточка моя, что это съ вами! Вѣдь вотъ каждый-то разъ вы меня такъ пугаете. Пишу вамъ въ каждомъ письмѣ, чтобъ вы береглись, чтобъ вы кутались, чтобъ не выходили въ дурную погоду, осторожность во всемъ наблюдали бы, — а вы, ангельчикъ мой, меня и не слушаетесь. Ахъ, голубчикъ мой, ну словно вы дитя какое нибудь! Вѣдь вы слабенькія, какъ соломенка слабенькія, это я знаю. Чуть вѣтерочикъ какой, такъ ужь вы и хвораете. Такъ остерегаться нужно, самой о себѣ стараться, опасностей избѣгать, и друзей своихъ въ горе и въ уныніе не вводить.

Изъявляете желаніе, маточка, въ подробности узнать о моемъ житьѣ-бытьѣ и обо всемъ, меня окружающемъ. Съ радостію спѣшу исполнить ваше желаніе, родная моя. Начну съ начала, маточка: больше порядку будетъ. Во-первыхъ, въ домѣ у насъ на чистомъ входѣ, лѣстницы весьма посредственныя; особливо парадная—чистая, свѣтлая, широкая все чугунъ да красное дерево. За то ужь

про черную и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стѣны такія жирныя, что рука прилипаетъ, когда на нихъ опираешься. На каждой площадкѣ стоятъ сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развѣшаны, окна повыбиты; лоханки стоятъ со всякою нечистью, съ грязью, съ соромъ, съ яичною скорлупою да съ рыбьими пузырями; запахъ дурной... однимъ словомъ, нехорошо.

Я уже описывалъ вамъ расположеніе комнатъ; оно, — нечего сказать, — удобно, это правда, но какъ-то въ нихъ душно, то есть не то, чтобы оно пахло дурно, а такъ, если можно выразиться, немного гнилой, остро-услащенный запахъ какой-то. На первый разъ впечатлѣніе невыгодное, но это все ничего; стóитъ только минуты двѣ побыть у насъ, такъ и пройдетъ и непочувствуешь, какъ все пройдетъ, потому что и самъ какъ-то дурно пропахнешь, и платье пропахнетъ, и руки пропахнутъ, и все пропахнетъ, — ну и привыкнешь. У насъ чижики такъ и мрутъ. Мичманъ ужь пятаго покупаетъ, — не живутъ въ нашемъ воздухѣ да и только. Кухня у насъ большая, обширная, свѣтлая. Правда, по утрамъ чадно немного, когда рыбу или говядину жарятъ, да и нальютъ и намочатъ вездѣ, за то ужь вечеромъ рай. Въ кухнѣ у насъ на веревкахъ всегда бѣлье виситъ старое; а такъ какъ моя комната не далеко, то есть почти примыкаетъ къ кухнѣ, то запахъ отъ бѣлья меня безпокоитъ немного; но ничего: поживешь и попривыкнешь.

Съ самаго ранняго утра, Варинька, у насъ возня начинается, встаютъ, ходятъ, стучатъ, — это поднимаются всѣ, кому надо, кто въ службѣ или такъ, самъ по себѣ; всѣ пить чай начинаютъ. Самовары у насъ хозяйскіе, большею частію, мало

ихъ, ну такъ мы всѣ очередь держимъ; а кто попадетъ не въ очередь со своимъ чайникомъ, такъ сейчасъ тому голову вымоютъ. Вотъ я было попалъ въ первый разъ, да... впрочемъ, что же писать! Тутъ-то я со всѣми и познакомился. Съ мичманомъ съ первымъ познакомился; откровенный такой, все мнѣ разсказалъ: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что за тульскимъ засѣдателемъ, и про городъ Кронштадтъ. Обѣщалъ мнѣ во всемъ покровительствовать, и тутъ же меня къ себѣ на чай пригласилъ. Отыскалъ я его въ той самой комнатѣ, гдѣ у насъ обыкновенно въ карты играютъ. Тамъ мнѣ дали чаю и непремѣнно хотѣли, чтобъ я въ азартную игру съ ними игралъ. Смѣялись ли они, нѣтъ ли надо мною, не знаю; только сами они всю ночь напролетъ проиграли, и когда я вошелъ, такъ тоже играли. Мѣлъ, карты, дымъ такой ходилъ по всей комнатѣ, что глаза ѣло. Играть я не сталъ, и мнѣ сейчасъ замѣтили, что я про философію говорю. Потомъ ужь никто со мною и не говорилъ все время: да я, по правдѣ, радъ былъ тому. Не пойду къ нимъ теперь; азартъ у нихъ, чистый азартъ! Вотъ у чиновника по литературной части бываютъ также собранія по вечерамъ. Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все на тонкой ногѣ.

Ну, Варинька, замѣчу вамъ еще мимоходомъ, что прегадкая женщина наша хозяйка, къ тому же сущая вѣдьма. Вы видѣли Терезу. Ну, что она такое на самомъ-то дѣлѣ? Худая, какъ общипанный, чахлый цыпленокъ. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдони, хозяйскій слуга. Я не знаю, можетъ быть, у него есть и другое какое имя, только онъ и на это откликается; всѣ его такъ зовутъ. Онъ рыжій, чухна какая-то, кри-

вой, курносый, грубіянъ: все съ Терезой бранится, чуть не дерутся. Вообще сказать, жить мнѣ здѣсь не такъ, чтобы совсѣмъ было хорошо... Чтобъ этакъ всѣмъ разомъ ночью заснуть и успокоиться—этого никогда не бываетъ. Ужь вѣчно гдѣ нибудь сидятъ, да играютъ, а иногда и такое дѣлается, что зазорно разсказывать. Теперь ужь я все-таки пообвыкъ, а вотъ удивляюсь, какъ въ такомъ содомѣ семейные люди уживаются. Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ, только не рядомъ съ другими нумерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смирные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородкою. Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкій, хилый такой (встрѣчаемся мы съ нимъ иногда въ корридорѣ); колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужь отъ болѣзни что ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужь я застѣнчивъ подъ-часъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него—жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлый. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно; ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отребьи. Они, я слышалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самаго-то Горшкова непріятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то, что ли ужь, истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны—Господи, Богъ

мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда нибудь порѣзвились, поиграли дѣти, а ужь это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройдти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипываніе, потомъ шопотъ, потомъ опять всхлипываніе, точно какъ-будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

Ну, прощайте, дружочекъ безцѣнный мой, Варинька! Описалъ я вамъ все, какъ умѣлъ. Сегодня я весь день все только объ васъ и думаю. У меня за васъ, родная моя, все сердце изныло. Вѣдь вотъ, душечка моя, я вотъ знаю, что у васъ теплаго салопа нѣтъ. Ужь эти мнѣ петербургскія весны, вѣтры, да дождички со снѣжочкомъ,—ужь это смерть моя, Варинька! Такое благорастворeніе воздуховъ, что убереги меня, Господи! Не взыщите, душечка, на писаніи; слогу нѣтъ, Варинька, слогу нѣтъ никакого. Хоть бы какой нибудь былъ! Пишу, что на умъ взбредетъ, такъ, чтобы васъ только поразвеселить чѣмъ нибудь. Вѣдь вотъ, еслибъ я учился какъ нибудь, дѣло другое; а то вѣдь какъ я учился? даже и не на мѣдныя деньги.

Вашъ всегдашній и вѣрный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Апрѣля 25-го.

М. г. Макаръ Алексѣевичъ!

Сегодня двоюродную сестру мою Сашу встрѣтила! Ужасъ! и она погибнетъ, бѣдная! Услышала

я тоже со стороны, что Анна Ѳедоровна все обо мнѣ вывѣдываетъ. Она, кажется, никогда не перестанетъ меня преслѣдовать. Она говоритъ, что хочетъ *простить меня*, забыть все прошедшее, и что непремѣнно сама навѣститъ меня. Говоритъ, что вы мнѣ вовсе не родственникъ, что она ближе мнѣ родственница, что въ семейныя отношенія наши вы не имѣете никакого права входить, и что мнѣ стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержаніи... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ-соль, что она меня съ матушкой, можетъ быть, отъ голодной смерти избавила, что она насъ поила-кормила, и слишкомъ два съ половиною года на насъ убыточилась, что она намъ сверхъ всего этого долгъ простила. И матушку-то она пощадить не хотѣла! А если бы знала бѣдная матушка, чтó они со мною сдѣлали! Богъ видитъ!.. Анна Ѳедоровна говоритъ, что я по глупости моей своего счастія удержать не умѣла, что она сама меня на счастіе наводила, что она ни въ чемъ остальномъ не виновата, и что я сама за честь свою не умѣла, а, можетъ быть, и не хотѣла вступиться. А кто же тутъ виноватъ, Боже великій! Она говоритъ, что господинъ Быковъ правъ совершенно, и что не на всякой же жениться, которая... да что писать! Жестоко слышать такую неправду, Макаръ Алексѣевичъ! Я не знаю, что со мной теперь дѣлается. Я дрожу, плачу, рыдаю; это письмо я вамъ два часа писала. Я думала, что она по крайней мѣрѣ сознаетъ свою вину предо мною; а она вотъ какъ теперь!—Ради Бога, не тревожьтесь, другъ мой, единственный доброжелатель мой! Ѳедора все преувеличиваетъ: я не больна. Я только простудилась немного вчера, когда ходила на Волково къ матушкѣ панихиду служить. Зачѣмъ вы не пошли вмѣстѣ со

мною;—я васъ такъ просила. Ахъ, бѣдная, бѣдная моя матушка, еслибъ ты встала изъ гроба, еслибъ ты знала, еслибъ ты видѣла, что они со мною сдѣлали!..

В. Д.

Мая 20-го.

Голубчикъ мой, Варинька!

Посылаю вамъ винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорятъ, хорошо, да и докторъ рекомендуетъ для утоленія жажды, такъ только единственно для жажды. Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка; такъ вотъ я вамъ ихъ теперь посылаю. Есть ли у васъ аппетитъ, душечка?—вотъ что главное. Впрочемъ, слава Богу, что все прошло и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются. Воздадимъ благодареніе Небу! А что до книжекъ касается, то достать покамѣстъ нигдѣ не могу. Есть тутъ говорятъ, хорошая книжка одна, и весьма высокимъ слогомъ написанная; говорятъ, что хороша, я самъ не читалъ, а здѣсь очень хвалятъ. Я просилъ ее для себя; обѣщались препроводить. Только будете ли вы-то читать? Вы у меня на этотъ счетъ привередница; трудно угодить на вашъ вкусъ, ужь я васъ знаю, голубчикъ вы мой; вамъ вѣрно все стихотворство надобно, воздыханій, амуровъ,—ну, и стиховъ достану, всего достану; тамъ есть тетрадка одна переписанная.

Я-то живу хорошо. Вы, маточка, обо мнѣ не безпокойтесь, пожалуйста. А что Ѳедора вамъ насказала на меня, такъ все это вздоръ; вы ей скажите, что она налгала, непремѣнно скажите ей, сплетницѣ!.. Я новаго вицъ-мундира совсѣмъ не продавалъ. Да и зачѣмъ, сами разсудите, зачѣмъ

продавать? Вотъ, говорятъ, мнѣ сорокъ рублей серебромъ награжденія выходитъ, такъ зачѣмъ же продавать? Вы, маточка, не безпокойтесь;—она мнительна, Ѳедора-то, она мнительна. Заживемъ мы, голубчикъ мой! Только вы-то, ангельчикъ, выздоравливайте, ради Бога, выздоравливайте, не огорчите старика. Кто это говоритъ вамъ, что я похудѣлъ? Клевета, опять клевета! здоровехонекъ и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горло: вотъ только бы вы-то выздоравливали! Ну, прощайте, мой ангельчикъ; цалую всѣ ваши пальчики и пребываю

вашимъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Ахъ, душенька моя, что это вы опять въ самомъ-дѣлѣ стали писать?.. О чемъ вы блажите-то! да какъ же мнѣ ходить къ вамъ такъ часто, маточка, какъ? я васъ спрашиваю. Развѣ темнотою ночною пользуясь; да вотъ теперь и ночей-то почти не бываетъ: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчикъ, васъ почти совсѣмъ не покидалъ во все время болѣзни вашей, во время безпамятства-то вашего; но и тутъ я и самъ ужь не знаю, какъ я всѣ эти дѣла обдѣлывалъ; да и то потомъ пересталъ ходить; ибо любопытствовать и распрашивать начали. Здѣсь ужь и безъ того сплетня заплелась какая то. Я на Терезу надѣюсь; она не болтлива; но все же, сами разсудите вы, маточка, каково это будетъ, когда они все узнаютъ про насъ? Что-то они подумаютъ и что они скажутъ тогда? — Такъ вотъ вы скрѣпите сердечко, маточка, да переждите до выздоровленія; а

мы потомъ ужь такъ внѣ дома, гдѣ-нибудь рандеву дадимъ.

Іюня 1.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Мнѣ такъ хочется сдѣлать вамъ что-нибудь угодное и пріятное за всѣ ваши хлопоты и старанія обо мнѣ, за всю вашу любовь ко мнѣ, что я рѣшилась наконецъ на скуку порыться въ моемъ коммодѣ и отыскать мою тетрадь, которую теперь и посылаю вамъ. Я начала ее еще въ счастливое время жизни моей. Вы часто съ любопытствомъ разспрашивали о моемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о матушкѣ, о Покровскомъ, о моемъ пребываніи у Анны Ѳедоровны и, наконецъ, о недавнихъ несчастіяхъ моихъ, и такъ нетерпѣливо желали прочесть эту тетрадь, гдѣ мнѣ вздумалось, Богъ-знаетъ для чего, отмѣтить кое-какія мгновенія изъ моей жизни, что я не сомнѣваюсь принести вамъ большое удовольствіе моею посылкою. Мнѣ же какъ-то грустно было перечитывать это. Мнѣ кажется, что я уже вдвое постарѣла съ-тѣхъ-поръ какъ написала въ этихъ запискахъ послѣднюю строчку. Все это писано въ разные сроки. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ! Мнѣ ужасно скучно теперь и меня часто мучитъ безсонница. Прескучное выздоровленіе! *В. Д.*

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія

князя П-го, въ Т-й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо.... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ—и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье;—дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П-й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело: а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Коекакъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты—меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать поутру, послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Онъ былъ ей что-то долженъ.) Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго посѣщенія, батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда-нибудь въ уголокъ за книжку—смирно, тихо, пошевелиться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ

сухо, непривѣтливо было;—гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя — все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу-себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки.... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо!—Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтраму урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. За то какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ-будто по-

слѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, разсказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьозные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда—и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ-знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе; характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слова сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона—все такія грустныя лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до-сихъ-поръ не говорю по-французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужь Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось!... И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы

себѣ до сихъ-поръ не можетъ найдти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что я видно безчувственная, каменная—однимъ словомъ я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужь это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки, она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что

принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужь слишкомъ на свои силы надѣялся, Обнаружила желаніе сойдтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, безпомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась: но такъ какъ дѣлать было нечего, и иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила наконецъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностію. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала: мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизъяснимой, страшной тоски... Тяжкое было время . . . . . .

. . . . . .

II.

Сначала, покамѣстъ еще мы, то-есть я и матушка, не обжились на нашемъ новосельи, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедо-

ровны. Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя, Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо, богаче, чѣмъ бы можно было предполагать; но состояніе ея было загадочно, такъ же какъ и ея занятія. Она всегда суетилась, всегда была озабочена, выѣзжала и выходила по нѣскольку разъ въ день; но что она дѣлала, о чемъ заботилась, и для чего заботилась, этого я никакъ не могла угадать. Знакомство у ней было большое и разнообразное. Къ ней все, бывало, гости ѣздили, и все Богъ-знаетъ какіе люди, всегда по какимъ-то дѣламъ и на минутку. Матушка всегда уводила меня въ нашу комнату, бывало, только-что зазвенитъ колокольчикъ. Анна Ѳедоровна ужасно сердилась за это на матушку и безпрерывно твердила, что ужь мы слишкомъ горды, что не по силамъ горды, что было бы еще чѣмъ гордиться, и по цѣлымъ часамъ не умолкала. Я не понимала тогда этихъ упрековъ въ гордости; точно также я только теперь узнала, или по-крайней-мѣрѣ предугадываю, почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны. Злая женщина была Анна Ѳедоровна; она безпрерывно насъ мучила. До-сихъ-поръ для меня тайна, зачѣмъ именно она приглашала насъ къ себѣ? Сначала она была съ нами довольно ласкова, — а потомъ ужь и выказала свой настоящій характеръ вполнѣ, какъ увидала, что мы совершенно безпомощны и что намъ идти некуда. Впослѣдствіи, со мной она сдѣ-

лалась весьма ласкова, даже какъ-то грубо ласкова, до лести, но сначала и я терпѣла за одно съ матушкой. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богата тѣмъ и рада; было ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось бы родственницы благодѣтельной, христіанской души, сострадательной, такъ еще Богъ-знаетъ, пришлось бы, можетъ-быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего-чего она не говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день-отъ-дня хуже, она видимо чахла, а между-тѣмъ мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили, что очень не нравилось Аннѣ Ѳедоровнѣ; она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться, нужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда-нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала; все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый день былъ

похожъ на предъидущій. Мы жили тихо, какъ-будто и не въ городѣ. Анна Ѳедоровна мало-по-малу утихала, по мѣрѣ того, какъ сама стала вполнѣ сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, никогда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены отъ ея половины корридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упоминала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи — всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно бы было, если бы и я стала учиться, за тѣмъ, что въ пансіонѣ меня не доучили. Матушка съ радостію согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смирно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша безпрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ въ добавокъ былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный уходилъ въ свою комнату. У себя же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое-гдѣ еще училъ,

получалъ кое-какую плату, такъ что чуть бывало у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей,—разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвушка, шалила за одно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ бы раздразнить и вывесть его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно.) Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно какъ онъ прошепталъ: «Злыя дѣти.» Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно и горько и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была для меня нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ. Намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывесть, стало быть, мы насильно заставили его, несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютомъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянья. Говорятъ, что раскаянье облегчаетъ душу—напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбіе. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

*

Съ этого дня, я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Но я была подъ-часъ робка и застѣнчива; въ настоящемъ положеніи моемъ, я ни на что не могла рѣшиться и ограничивалась одними мечтаніями (и Богъ знаетъ какими мечтаніями!). Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ человѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда-либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія; — такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запачканный, дурно-одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ странный до-нельзя. Съ перваго взгляда на него, можно было подумать, что онъ какъ-будто чего-то стыдится, какъ-будто ему себя самого совѣстно. Отъ-того онъ все какъ-то ежился, какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ — я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему — то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только когда кивнешь ему головою и позовешь его — условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войти, когда ему угодно — только

тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ малѣйшихъ способностей, и занималъ самое послѣднее, самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ вздумалъ жениться во второй разъ, и женился на мѣщанкѣ. При новой женѣ, въ домѣ все пошло вверхъ дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла. Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба. Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника Покровскаго и бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то школу. Интересовался же онъ имъ потому, что зналъ его покойную мать, которая еще въ дѣвушкахъ была облагодѣтельствована Анной Ѳедоровной, и выдана ею за мужъ за чиновника Покровскаго. Господинъ Быковъ, другъ и короткій знакомый Анны Ѳедоровны, движимый великодушіемъ, далъ за невѣстой пять тысячъ рублей приданаго. Куда эти деньги пошли— неизвѣстно. Такъ мнѣ разсказывала все это Анна Ѳедоровна; самъ же студентъ Покровскій никогда не любилъ говорить о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что его мать была очень хороша собою, и мнѣ странно кажется, почему она такъ неудачно вышла за мужъ, за такого незначительнаго человѣка... Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, года четыре спустя послѣ замужества.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ какую-то гимназію, и потомъ въ университетъ. Господинъ Быковъ, весьма часто пріѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его своимъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоровьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его, и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбы, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Жена его бивала, сослала жить въ кухню и до того довела, что онъ наконецъ привыкъ къ побоямъ и дурному обхожденію и не жаловался. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминанія ли о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говорить больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Чаще же приходить онъ не смѣлъ, потому-что молодой Покровскій терпѣть не могъ отцовскихъ посѣщеній. Изъ всѣхъ его недостатковъ, безспорно первымъ и важнѣйшимъ было неуваженіе къ отцу. Впрочемъ, и старикъ былъ подъ-часъ пренеснснѣйшимъ существомъ на свѣтѣ. Во-первыхъ, онъ былъ ужасно любопытенъ, во-вторыхъ разговорами и разспросами, самыми пустыми и безтолковыми,

онъ поминутно мѣшалъ сыну заниматься, и наконецъ являлся иногда въ нетрезвомъ видѣ. Сынъ понемногу отучалъ старика отъ пороковъ, отъ любопытства и отъ поминутнаго болтанія, и наконецъ довелъ до того, что тотъ слушалъ его во всемъ, какъ оракула, и рта не смѣлъ разинуть безъ его позволенія.

Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ, обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня минутъ двадцать, бывало, разспрашивалъ — что, каковъ Петинька? здоровъ ли онъ? въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается ли чѣмъ-нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокоивала, то старикъ наконецъ рѣшался войти и тихо-тихо, осторожно-осторожно отворялъ двери, просовывалъ сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями, — все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ-нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петиньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ, и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподымался съ мѣста и объяснялъ «что, дескать, я такъ, Петинька, я на минутку. Я, вотъ, далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ.» И потомъ безмолвно, по-

корно бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накипѣвшее горе и не выказать его сыну.

Но когда сынъ приметъ, бывало отца хорошо, то старикъ себя не слышитъ отъ радости. Удовольствіе проглядывало въ его лицѣ, въ его жестахъ, въ его движеніяхъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ всегда приподымался немного со стула, и отвѣчалъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ, и всегда стараясь употреблять отборнѣйшія, т. е. самыя смѣшныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про-себя отвѣтъ шепчетъ, какъ-бы желая поправиться. Если же удавалось отвѣчать хорошо, то старикъ охорашивался, оправлялъ на себѣ жилетку, галстухъ, фракъ и принималъ видъ собственнаго достоинства. А бывало до того ободрялся, до того простиралъ свою смѣлость, что тихонько вставалъ со стула, подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какую нибудь книжку, и даже тутъ же прочитывалъ что-нибудь, какая бы ни была книга. Все это онъ дѣлалъ съ видомъ притворнаго равнодушія и хладнокровія, какъ-будто бы онъ и всегда могъ такъ хозяйничать съ сыновними книгами, какъ будто ему и не въ диковину ласка сына. Но мнѣ разъ случилось видѣть, какъ бѣднякъ испугался, когда Покровскій просилъ его не трогать книгъ. Онъ смѣшался, заторопился, поставилъ книгу вверхъ ногами, потомъ хотѣлъ поправиться, перевернулъ и поставилъ обрѣзомъ наружу, улыбался, краснѣлъ, и не зналъ чѣмъ загладить свое преступленіе. Покровскій своими совѣтами отучалъ понемногу старика отъ дурныхъ наклонностей, и какъ только видѣлъ его раза

три сряду въ трезвомъ видѣ, то при первомъ посѣщеніи давалъ ему на прощаньи по четвертачку, по полтинничку или больше. Иногда покупалъ ему сапоги, галстухъ или жилетку. За то старикъ въ своей обновѣ былъ гордъ какъ пѣтухъ. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблоковъ, и все бывало толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и въ добавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ бывало, смѣшно намъ подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила. Но старикъ ненавидѣлъ Анну Ѳедоровну, хотя былъ предъ нею тише воды, ниже травы.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ по прежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ внѣ классовъ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ-нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Ѳедоровны, я тихонько вошла въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и право не знаю отъ-чего мнѣ вздумалось войти къ нему. До сихъ поръ я никогда и не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Въ этотъ разъ сердце у меня би-

лось такъ сильно, такъ сильно, что казалось изъ груди хотѣло выпрыгнуть. Я осмотрѣлась кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На стѣнахъ прибито было пять длинныхъ полокъ съ книгами. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Меня посѣтила страшная мысль, и въ мѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство досады овладѣло мною. Мнѣ казалось, что моей дружбы, моего любящаго сердца было мало ему. Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги... Тутъ я завистливо поглядѣла на длинныя полки, которыя ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣлось, и я тутъ же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной и какъ можно скорѣе. Не знаю, можетъ-быть я думала, что научившись всему, что онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ; не думая, не останавливаясь схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и краснѣя, блѣднѣя дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу, рѣшившись прочесть ее ночью, у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу, и увидала какое-то старое, полусгнившее, все изъѣденное червями латинское сочиненіе. Я воротилась, не теряя времени. Только-что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ корридорѣ и чьи-то близкіе шаги. Я заспѣшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что когда я вынула одну, всѣ остальныя раздались сами собою, и сплотнились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось

болѣе мѣста. Втиснуть книгу у меня недоставало силъ. Однакожь я толкнула книги какъ только могла сильнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться — сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книги съ шумомъ посыпались на полъ. Дверь отворилась и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ, когда кто-нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите же о моемъ ужасѣ, когда книги, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всевозможной величины и толщины, ринулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столомъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было-хотѣла бѣжать, но было поздно. — Кончено, думаю, кончено! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвлюсь какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвчонка! Я большая дура!! — Покровскій разсердился ужасно.—«Ну вотъ этого не доставало еще! закричалъ онъ. Ну не стыдно ли вамъ такъ шалить!.. Уймете-сь-ли вы когда нибудь?» и самъ бросился подбирать книги. Я было-нагнулась помогать ему. — «Не нужно, не нужно, закричалъ онъ. Лучше бы вы сдѣлали, еслибъ не ходили туда, куда васъ не просятъ.» — Но впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя:—«Ну когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь вы на себя посмотрите, вѣдь ужь вы не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь вамъ уже пятьнадцать лѣтъ!»—И тутъ, вѣроятно, желая повѣрить, справедливо ли то, что я ужь не маленькая, онъ взглянулъ на меня и покраснѣлъ до ушей. Я не понимала; я стояла передъ

нимъ и смотрѣла на него во всѣ глаза въ изумленіи. Онъ привсталъ, подошелъ съ смущеннымъ видомъ ко мнѣ, смѣшался ужасно, что-то заговорилъ, кажется въ чемъ-то извинялся, можетъ-быть въ томъ, что только теперь замѣтилъ, что я такая большая дѣвушка. Наконецъ я поняла. Я не помню, что со мной тогда сталось;—я смѣшалась, потерялась, покраснѣла еще больше Покровскаго, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Я не знала, что мнѣ оставалось дѣлать, куда было дѣваться отъ стыда. Одно то, что онъ засталъ меня въ своей комнатѣ! Цѣлыхъ три дня я на него взглянуть не могла. Я краснѣла до слезъ. Мысли самыя страшныя, мысли смѣшныя вертѣлись въ головѣ моей. Одна изъ нихъ самая сумасбродная, была та, что я хотѣла идти къ нему, объясниться съ нимъ, признаться ему во всемъ, откровенно разсказать ему все, и увѣрить его, что я поступила не какъ глупая дѣвочка, но съ добрымъ намѣреніемъ. Я было и совсѣмъ рѣшилась идти, но, слава Богу, смѣлости не достало. Воображаю, что бы я надѣлала! Мнѣ и теперь обо всемъ этомъ вспоминать совѣстно.

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже не спала одну ночь, ухаживая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лекарства. На вторую ночь я измучилась совершенно. По временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабые стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновеніе, а потомъ дремота опять одолѣвала меня. Я мучилась. Я не знаю—я не могу

припомнить себѣ — но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснулась въ ужасѣ. Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отъ чего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ; тоска сдавила мое сердце... Я вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго, страшно-тягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь, и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Я помню только то, что я очнулась на его рукахъ. Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подалъ мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала.—«Вы больны, вы сами очень больны», сказалъ онъ, взявъ меня за руку: «у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягьте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного... Ложитесь же, ложитесь!» продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы; глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня только тогда, когда пришло время давать матушкѣ лекарство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ, приготовилась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись въ этотъ разъ не засыпать, Покровскій часовъ въ одиннадцать постучался въ нашу комнату. Я отворила. «Вамъ скучно сидѣть одной», сказалъ онъ мнѣ; — «вотъ

вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ.» Я взяла; я не помню, какая эта была книга; врядъ ли я тогда въ нее заглянула, хоть всю ночь не спала. Странное внутреннее волненіе не давало мнѣ спать; я не могла оставаться на одномъ мѣстѣ; нѣсколько разъ вставала съ креселъ и начинала ходить по комнатѣ. Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я такъ была рада вниманію Покровскаго. Я гордилась безпокойствомъ и заботами его обо мнѣ. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровскій не заходилъ болѣе; и я знала, что онъ не придетъ, и загадывала о будущемъ вечерѣ.

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужь всѣ улеглись, Покровскій отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Я не помню теперь ни одного слова изъ того, что мы сказали тогда другъ другу; помню только, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты... Съ этого вечера началась первая завязка нашей дружбы. Во все продолженіе болѣзни матушки, мы каждую ночь по нѣскольку часовъ проводили вмѣстѣ. Я мало по малу побѣдила свою застѣнчивость, хотя, послѣ каждаго разговора нашего, все еще было за что на себя подосадовать. Впрочемъ, я съ тайною радостію и съ гордымъ удовольствіемъ видѣла, что онъ изъ-за меня забывалъ свои несносныя книги. Случайно, въ шутку, разговоръ зашелъ разъ о паденіи ихъ съ полки. Минута была странная, я какъ-то *слишкомъ* была откровенна и чистосердечна; горячность, странная восторженность увлекли меня, и я призналась ему во всемъ... въ томъ, что мнѣ хотѣ-

лось учиться, что нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ... Повторяю, что я была въ престранномъ расположеніи духа; сердце мое было мягко, въ глазахъ стояли слезы,—я не утаила ничего, и разсказала все, все — про мою дружбу къ нему, про желаніе любить его, жить съ нимъ заодно сердцемъ, утѣшить его, успокоить его. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, съ замѣшательствомъ, съ изумленіемъ, и не сказалъ мнѣ ни слова. Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось, что онъ меня не понимаетъ, что онъ, можетъ быть, надо мною смѣется. Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла; точно, я была въ какомъ-то припадкѣ. Онъ схватилъ мои руки, цаловалъ ихъ, прижималъ къ груди своей, уговаривалъ, утѣшалъ меня; онъ былъ сильно тронутъ; не помню, что онъ мнѣ говорилъ, но только я и плакала и смѣялась и опять плакала, краснѣла, не могла слова вымолвить отъ радости. Впрочемъ, не смотря на волненіе мое, я замѣтила, что въ Покровскомъ все-таки оставалось какое-то смущеніе и принужденіе. Кажется онъ не могъ надивиться моему увлеченію, моему восторгу, такой внезапной, горячей, пламенной дружбѣ. Можетъ быть ему было только любопытно сначала; впослѣдствіи нерѣшительность его исчезла, и онъ, съ такимъ же простымъ, прямымъ чувствомъ, какъ и я, принималъ мою привязанность къ нему, мои привѣтливыя слова, мое вниманіе, и отвѣчалъ на все это тѣмъ же вниманіемъ, такъ же дружелюбно и привѣтливо, какъ искренній другъ мой, какъ родной братъ мой. Моему сердцу было такъ тепло, такъ хорошо!... Я не скрывалась, не таилась ни въ чемъ; онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ.

И право не помню, о чемъ мы не переговорили съ нимъ въ эти мучительные и вмѣстѣ сладкіе часы нашихъ свиданій, ночью, при дрожащемъ свѣтѣ лампадки, и почти у самой постели моей бѣдной больной матушки?.. Обо всемъ, что на умъ приходило, что съ сердца срывалось, что просилось высказаться,—и мы почти были счастливы... Охъ, это было и грустное и радостное время, — все вмѣстѣ; и мнѣ и грустно и радостно теперь вспоминать о немъ. Воспоминанія, радостныя ли, горькія ли, всегда мучительны; по крайней мѣрѣ такъ у меня; но и мученіе это сладостно. И когда сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, тогда воспоминанія свѣжатъ и живятъ его, какъ капли росы въ влажный вечеръ, послѣ жаркаго дня, свѣжатъ и живятъ бѣдный, чахлый цвѣтокъ, сгорѣвшій отъ зноя дневнаго.

Матушка выздоравливала, но я еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровскій давалъ мнѣ книги; я читала, сначала, чтобъ не заснуть, потомъ внимательнѣе, потомъ съ жадностію; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ. Новыя мысли, новыя впечатлѣнія разомъ, обильнымъ потокомъ прихлынули къ моему сердцу. И чѣмъ болѣе волненія, чѣмъ болѣе смущенія и труда стоилъ мнѣ пріемъ новыхъ впечатлѣній, тѣмъ милѣе они были мнѣ, тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ вдругъ, втолпились они въ мое сердце, не давая ему отдохнуть. Какой-то странный хаосъ сталъ возмущать все существо мое. Но это духовное насиліе не могло и не въ силахъ было разстроить меня совершенно. Я была слишкомъ мечтательна и это спасло меня.

Когда кончилась болѣзнь матушки, наши вечернія свиданія и длинные разговоры прекратились;

намъ удавалось иногда мѣняться словами, часто пустыми и малозначущими, но мнѣ любо было давать всему свое значеніе, свою цѣну особую, подразумѣваемую. Жизнь моя была полна, я была счастлива, покойно, тихо-счастлива. Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровскій. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по-своему, и наконецъ разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непремѣнно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена обѣщалась купить ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполнѣ и болталъ обо всемъ, что ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непремѣнно рѣшилась напомнить о своей дружбѣ Покровскому и что нибудь подарить ему. Но что? Наконецъ я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ рукодѣльемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоитъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была по крайней мѣрѣ рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непремѣнно бы помогла; но тог-

да всѣ бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ; да къ тому же этотъ подарокъ обратился бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. А за труды его со мною я хотѣла быть ему на всегда одолженною безъ какой бы то ни было уплаты, кромѣ дружбы моей.—Наконецъ я выдумала какъ выйдти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостинномъ дворѣ можно купить книгу иногда въ полъ-цѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало-подержанную и почти совершенно новую. Я положила непремѣнно отправиться въ Гостинный дворъ. Такъ и случилось; на завтра же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ и у Анны Ѳедоровны. Матушкѣ повездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣнилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастію, я нашла весьма скоро Пушкина, и въ весьма красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться!.. Бѣдная Матрена не понимала, что со мной дѣлается, и зачѣмъ я вздумала покупать столько книгъ. Но ужасъ! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ никакъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ упросила. Онъ уступилъ, но только два съ полтиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барышня хорошая, а что для друга-

го-кого онъ ни за что бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей не доставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другаго стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормошили совсѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего не предлагали они ему и чего-чего не хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забитый какой нибудь, и не зналъ за что взяться изъ того, что ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила—что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ памяти, можетъ быть не менѣе Петиньки. — Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ любитъ книжки, такъ вотъ я и покупаю ихъ для него...—Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь въ добавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни прицѣнится, все рубль серебромъ, два рубля, три рубля серебромъ; ужь онъ къ большимъ книгамъ и не прицѣнивался, а такъ только завистливо на нихъ посматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вертѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ вполголоса, а вотъ развѣ отсюдова что нибудь — и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, пѣсенники, альманахи; это все было очень дешево. Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его: это все ужасные пустяки. — Ахъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ вы посмотрите только, какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книж-

ки! — И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ на распѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣдныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила много ли у него денегъ? — Да вотъ — тутъ бѣдненькій вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленую газетную бумажку—вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать. Я его тотчасъ потащила къ моему букинисту.—Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоитъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ. Старикъ обезумѣлъ отъ радости, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навьючилъ на него всю нашу общую библіотеку. Мой старичекъ наложилъ книгъ во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочикъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренезамѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала.

Тайная радость, тайное удовольствіе, что я легко читала доселѣ въ его странныхъ ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазкомъ, исчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе; наконецъ онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко, въ полголоса: — послушайте, Варвара Алексѣевна... знаете ли что, Варвара Алексѣевна?..—старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ.—Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, т. е. отъ себя, съ своей стороны; я же возьму тогда одну одиннадцатую, и ужь тоже подарю отъ себя, т. е. собственно съ своей стороны. Такъ вотъ, видите ли — и у васъ будетъ что нибудь подарить, и у меня будетъ что нибудь подарить; у насъ обоихъ будетъ что нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него; онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора.—Да зачѣмъ же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ? — Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужь это такъ...—я вѣдь оно того... — однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите ли, объяснился онъ наконецъ. — Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подъ-часъ... т. е. я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... придерживаюсь того, что нехорошо... т. е. знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ-нибудь грустно сдѣлается; или что нибудь изъ нехорошаго случится, такъ я и не удержусь подъ часъ, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Онъ, вотъ видите ли, Варвара Алексѣевна, сердится, бранитъ меня и мнѣ морали разныя

читаетъ. Такъ вотъ-бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправляюсь и начинаю вести себя хорошо. Что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ, потому что у меня и денегъ-то почти никогда не бываетъ, развѣ случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала не долго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. «Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я: вы подарите ихъ ему всѣ». — Какъ всѣ? т. е. книжки всѣ?—«Ну да, книжки всѣ». — И отъ себя?—«Отъ себя».—Отъ одного себя? то-есть, отъ своего имени? — «Ну да, отъ своего имени...» Я, кажется, очень ясно толковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ задумавшись, да! это будетъ очень хорошо, это было бы весьма хорошо, только вы-то какъ же, Варвара Алексѣевна?— «Ну, да я ничего не подарю».—Какъ! закричалъ старикъ, почти испугавшись; такъ вы ничего Петинькѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите? Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, за тѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ-нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я бы рада была подарить что-нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія. — «Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я, и вы будете рады, то и я буду рада, потому что въ тайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила». Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все

это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возился, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его наконецъ изъ дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, прилично заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Аннѣ Ѳедоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ; потомъ сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно вести себя хорошо, и что, если человѣкъ не ведетъ себя хорошо, то значитъ, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человѣка; исчислилъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія, и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно хорошо. Что онъ и прежде чувствовалъ справедливость сыновнихъ наставленій, что онъ все это давно чувствовалъ и все на сердцѣ слагалъ, но теперь и на дѣлѣ сталъ удерживаться. Въ доказательство чего даритъ книги на скопленныя имъ, въ продолженіе долгаго времени, деньги.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ же налгать, когда нужда пришла! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровскій тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили

обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала. Покровскій былъ ко мнѣ внимателенъ и все искалъ случая поговорить со мною наединѣ, но я не давалась. Это былъ лучшій день въ цѣлые четыре года моей жизни.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія; начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отъ чего, можетъ быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ будто отказывается писать далѣе. Вотъ отъ чего, можетъ быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житья-бытья въ счастливые дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ когда кончится.

Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго.

Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя, послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неутомимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ-нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ не могъ за нездоровьемъ. Къ тому же долго бы нужно было ждать перваго оклада жалованья. Короче, Покровскій видѣлъ вездѣ только однѣ неудачи; характеръ его портился; Здоровье его разстраивалось; онъ этого не примѣчалъ. Подступила осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по сво-

имъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ нибудь мѣста,—что его внутренно мучило; промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ, и наконецъ слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе.... Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Я почти не оставляла его комнаты во все продолженіе его болѣзни, ухаживала за нимъ и прислуживала ему. Часто не спала цѣлыя ночи. Онъ рѣдко былъ въ памяти; часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ... и тутъ-то я услышала многое изъ его обстоятельствъ, чего прежде не знала и о чемъ даже не догадывалась. Въ первое время болѣзни его, всѣ наши смотрѣли на меня какъ-то странно; Анна Ѳедоровна качала головою. Но я посмотрѣла всѣмъ прямо въ глаза и за участіе мое къ Покровскому, меня не стали осуждать болѣе—по крайней мѣрѣ матушка.

Иногда Покровскій узнавалъ меня, но это было рѣдко. Онъ былъ почти все время въ безпамятствѣ. Иногда по цѣлымъ ночамъ онъ говорилъ съ кѣмъ-то долго, долго, неясными темными словами, и хриплый голосъ его глухо отдавался въ тѣсной его комнатѣ, словно въ гробу; мнѣ тогда становилось страшно. Особенно въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ какомъ-то испугѣ. Анна Ѳедоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умретъ къ утру непремѣнно.

Старикъ Покровскій цѣлую ночь провелъ въ корридорѣ, у самой двери въ комнату сына; тутъ ему послали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смо-

трѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и безсмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ про-себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать; я разбудила отца. Покровскій былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Чудно! Я не могла плакать; но душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго, долго, коснѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безпокоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять начиналъ просить жалобно, хриплымъ, глухимъ голосомъ; но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить; но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ я поняла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсъ у окна и открыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсъ; но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дро-

жащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломоваго извощика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Ѳедоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дни, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостію все хлопоталъ около гроба; то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ было ужь собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ—словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. — Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извощикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюр-

тука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила наконецъ за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цаловала ее и на-взрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой! . . . . . .

. . . . . .

Іюня 11.

Какъ я благодарна вамъ за вчерашнюю прогулку на острова, Макаръ Алексѣевичъ! Какъ тамъ свѣжо, хорошо, какая тамъ зелень!—Я такъ давно не видала зелени;—когда я была больна, мнѣ все казалось, что я умереть должна и что умру непремѣнно;—судите же, что я должна была вчера ощущать, какъ чувствовать!—Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мнѣ было очень хорошо, очень легко, но въ самыя лучшія минуты мои мнѣ всегда отъ чего-то грустно. А что я плакала, такъ это пустяки; я и сама не знаю, отъ чего я все плачу. Я больно, раздражительно чувствую; впечатлѣнія мои болѣзненны. Безоблачное, блѣдное небо, закатъ солнца, вечернее за-

тишье,—все это,—я ужь не знаю,—но я какъ-то настроена была вчера принимать всѣ впечатлѣнія тяжело и мучительно, такъ что сердце переполнялось и душа просила слезъ. Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? Все это трудно сердцу сказывается, а пересказывать еще труднѣе. Но вы меня, можетъ быть, и поймете.—И грусть и смѣхъ! Какой вы, право, добрый, Макаръ Алексѣевичъ! Вчера вы такъ и смотрѣли мнѣ въ глаза, чтобъ прочитать въ нихъ то, что я чувствую, и восхищались восторгомъ моимъ. Кусточекъ ли, аллея, полоса воды—ужь вы тутъ; такъ и стоите передо мной, охорашиваясь, и все въ глаза мнѣ заглядываете, точно вы мнѣ свои владѣнія показывали. Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце, Макаръ Алексѣевичъ. За это-то я васъ и люблю. Ну, прощайте. Я сегодня опять больна; вчера я ноги промочила и отъ того простудилась; Ѳедора тоже чѣмъ-то больна, такъ что мы обѣ теперь хворыя. Не забывайте меня, заходите почаще.

Ваша

В. Д.

Іюня 12.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

А я-то думалъ, маточка, что вы мнѣ все вчерашнее настоящими стихами опишите, а у васъ и всего-то вышелъ одинъ простой листикъ. Я къ тому говорю, что вы хотя и мало мнѣ въ листкѣ вашемъ написали, но за то необыкновенно хорошо и сладко описали. И природа и разныя картины сельскія, и все остальное про чувства — однимъ словомъ, все это вы очень-хорошо описали. А вотъ у меня такъ нѣтъ таланту. Хоть десять страницъ намарай, никакъ ничего не выходитъ,

ничего не опишешь. Я ужь пробовалъ.—Пишете вы мнѣ, родная моя, что я человѣкъ добрый, незлобивый, ко вреду ближняго неспособный, и благость Господню, въ природѣ являемую, разумѣющій, и разныя наконецъ похвалы воздаете мнѣ. Все это правда, маточка, все это совершенная правда; я и дѣйствительно таковъ, какъ вы говорите, и самъ это знаю; но какъ прочтешь такое какъ вы пишете, такъ поневолѣ умилится сердце, а потомъ разныя тягостныя разсужденія придутъ. А вотъ прослушайте меня, маточка, я кое-что разскажу вамъ, родная моя.

Начну съ того, что было мнѣ всего семьнадцать годочковъ, когда я на службу явился, и вотъ уже скоро тридцать лѣтъ стукнетъ моему служебному попришу. Ну, нечего сказать, износилъ я виц-мундировъ довольно; возмужалъ, поумнѣлъ, людей посмотрѣлъ; пожилъ, могу сказать, что пожилъ на свѣтѣ, такъ, что меня хотѣли даже разъ къ полученію креста представить. Вы, можетъ-быть, не вѣрите, а я вамъ, право, не лгу. Такъ что-же, маточка,—нашлись на все это злые люди! А скажу я вамъ, родная моя, что я хоть и темный человѣкъ, глупый человѣкъ пожалуй, но сердце-то у меня такое же, какъ и у другаго кого. Такъ знаете ли, Варинька, что сдѣлалъ мнѣ злой человѣкъ? А срамно сказать, что онъ сдѣлалъ; спросите — отъ-чего сдѣлалъ? А отъ-того, что я смирненькій, а отъ-того, что я тихонькій, а отъ-того, что добренькій! Не пришелся имъ по нраву, такъ вотъ и пошло на меня. Сначала началось тѣмъ, что «дескать вы, Макаръ Алексѣевичъ, того да сего»; а потомъ стало — «что, дескать у Макара Алексѣевича, и не спрашивайте». А теперь заключили тѣмъ, что — «ужь конечно, это Макаръ Алексѣевичъ!» Вотъ, маточка, видите ли,

какъ дѣло пошло: все на Макара Алексѣевича; они только и умѣли сдѣлать, что въ пословицу ввели Макара Алексѣевича въ цѣломъ вѣдомствѣ нашемъ. Да мало того, что изъ меня пословицу и чуть ли не бранное слово сдѣлали,—до сапоговъ, до мундира, до волосъ, до фигуры моей добрались: все не по нихъ, все передѣлать нужно! И вѣдь это все съ незапамятныхъ временъ каждый Божій день повторяется. Я привыкъ, потому-что я ко всему привыкаю, потому-что я смирный человѣкъ, потому-что я маленькій человѣкъ; но однакоже за что это все? Что я кому дурнаго сдѣлалъ? Чинъ перехватилъ у кого нибудь, что ли? Передъ высшими кого-нибудь очернилъ? Награжденіе перепросилъ! Кабалу стряпалъ что ли какую-нибудь? Да грѣхъ вамъ и подумать-то такое, маточка! Ну куда мнѣ все это? Да вы только разсмотрите, родная моя, имѣю ли я способности, достаточныя для коварства и честолюбія? Такъ за что же напасти такія на меня, прости Господи? Вѣдь вы же находите меня человѣкомъ достойнымъ, а вы не въ примѣръ лучше ихъ всѣхъ, маточка. Вѣдь какая самая наибольшая гражданская добродѣтель? Отнеслись намедни въ частномъ разговорѣ Евстафій Ивановичъ, что наиважнѣйшая добродѣтель гражданская — деньгу умѣть зашибить. Говорили они шуточкой (я знаю, что шуточкой), нравоученіе же то, что не нужно быть никому въ тягость собою;—а я никому не въ тягость! У меня кусокъ хлѣба есть свой; правда, простой кусокъ хлѣба, подъ-часъ даже черствый: но онъ есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну чтожъ дѣлать! Я вѣдь и самъ знаю, что я немного дѣлаю тѣмъ, что переписываю; да все-таки я этимъ горжусь: я работаю, я потъ проливаю. Ну чтожъ тутъ въ самомъ-дѣлѣ такого, что пере-

писываю! Что, грѣхъ переписывать что ли? «Онъ дескать переписываетъ!» Да что же тутъ безчестнаго такого? Письмо такое четкое, хорошее, пріятно смотрѣть, и его превосходительство довольны; я для нихъ самыя важныя бумаги переписываю. Ну, слогу нѣтъ, вѣдь я это самъ знаю, что нѣтъ его проклятаго; вотъ потому-то я и службой не взялъ, и даже вотъ къ вамъ теперь, родная моя, пишу спроста, безъ затѣй и такъ, какъ мнѣ мысль на сердце ложится... Я это все знаю; да однакоже, еслибы всѣ сочинять стали, такъ кто же бы сталъ переписывать? Я вотъ какой вопросъ дѣлаю, и васъ прошу отвѣчать на него, маточка. Ну, такъ я и сознаю теперь, что я нуженъ, что я необходимъ, и что нечего вздоромъ человѣка съ толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ, — вотъ она крыса какая! — Впрочемъ, довольно объ этой матеріи, родная моя; я вѣдь и не о томъ хотѣлъ говорить, да такъ погорячился немного. Все-таки пріятно отъ времени до времени себѣ справедливость воздать. Прощайте, родная моя, голубчикъ мой, утѣшительница вы моя добренькая! Зайду, непремѣнно къ вамъ зайду, провѣдаю васъ, моя ясочка. А вы не скучайте покамѣстъ. Книжку вамъ принесу. Ну, прощайте же, Варинька.

Вашъ сердечный доброжелатель
Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 20-го.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Пишу я къ вамъ наскоро, спѣшу, работу къ сроку кончаю. Видите ли въ чемъ дѣло: можно

покупку сдѣлать хорошую. Ѳедора говоритъ, что продается у ея знакомаго какого-то вицъ-мундиръ форменный, совершенно новёхонькій, нижнее платье, жилетка и фуражка, и, говорятъ, все весьма дешево; такъ вотъ вы бы купили. Вѣдь вы теперь не нуждаетесь, да и деньги у васъ есть; вы сами говорите, что есть. Полноте пожалуйста, не скупитесь; вѣдь это все нужное. Посмотрите-ка на себя, въ какомъ вы старомъ платье ходите. Срамъ! все въ заплаткахъ. Новаго-то у васъ нѣтъ; это я знаю, хоть вы и увѣряете, что есть. Ужь Богъ знаетъ, куда вы его съ рукъ сбыли. Такъ послушайтесь же меня, купите пожалуйста. Для меня это сдѣлайте; коли меня любите, такъ купите.

Вы мнѣ прислали бѣлья въ подарокъ; но послушайте, Макаръ Алексѣевичъ, вѣдь вы разоряетесь. Шутка ли, сколько вы на меня истратили,—ужасъ сколько денегъ! Ахъ, какъ же вы любите мотать! Мнѣ не нужно; все это было совершенно лишнее. Я знаю, я увѣрена, что вы меня любите; право лишнее напоминать мнѣ это подарками; а мнѣ тяжело ихъ принимать отъ васъ; я знаю, чего они вамъ стоятъ. Единожды навсегда—полноте; слышите ли? Прошу васъ, умоляю васъ. Просите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, прислать продолженіе записокъ моихъ, желаете, чтобъ я ихъ докончила. Я не знаю, какъ написалось у меня и то, что у меня написано! Но у меня силъ не достанетъ говорить теперь о моемъ прошедшемъ; я и думать объ немъ не желаю; мнѣ страшно становится отъ этихъ воспоминаній. Говорить же о бѣдной моей матушкѣ, оставившей свое бѣдное дитя въ добычу этимъ чудовищамъ, мнѣ тяжелѣе всего. У меня сердце кровью обливается при одномъ воспоминаніи. Все это еще такъ свѣжо: я не успѣла оду-

маться, не только успокоиться, хотя всему этому уже слишкомъ годъ. Но вы знаете все.

Я вамъ говорила о теперешнихъ мысляхъ Анны Ѳедоровны; она меня же винитъ въ неблагодарности и отвергаетъ всякое обвиненіе о сообществѣ ея съ господиномъ Быковымъ! Она зоветъ меня къ себѣ; говоритъ, что я христарадничаю, что я по худой дорогѣ пошла. Говоритъ, что если я ворочусь къ ней, то она берется уладить все дѣло съ господиномъ Быковымъ, и заставитъ его загладить всю вину его передо мною. Она говоритъ, что г. Быковъ хочетъ мнѣ дать приданое. Богъ съ ними! Мнѣ хорошо и здѣсь съ вами, у доброй моей Ѳедоры, которая своею привязанностію ко мнѣ напоминаетъ мнѣ мою покойницу няню. Вы хоть дальній родственникъ мой, но защищаете меня своимъ именемъ. А ихъ я не знаю; я позабуду ихъ, если смогу. Чего еще они хотятъ отъ меня? Ѳедора говоритъ, что это все сплетни, что они оставятъ наконецъ меня. Дай-то Богъ!

В. Д.

Іюня 21-го.

Голубушка моя, маточка!

Хочу писать, а не знаю съ чего начать. Вѣдь вотъ какъ же это странно, маточка, что мы теперь такъ съ вами живемъ. Я къ тому говорю, что я никогда моихъ дней не проводилъ въ такой радости. Ну, точно домкомъ и семействомъ меня благословилъ Господь! Дѣточка вы моя, хорошенькая! да что это вы тамъ толкуете про четыре рубашечки-то, которыя я вамъ послалъ. Вѣдь надобно же вамъ ихъ было, — я отъ Ѳедоры узналъ. Да мнѣ, маточка, это особое счастіе васъ удовлетво-

рять; ужь это мое удовольствіе, ужь вы меня оставьте, маточка; не троньте меня и не прекословьте мнѣ. Никогда со мною не бывало такого, маточка. Я вотъ въ свѣтъ пустился теперь. Во-первыхъ, живу вдвойнѣ, потому-что и вы тоже живете весьма близко отъ меня и на утѣху мнѣ; а во-вторыхъ, пригласилъ меня сегодня на чай одинъ жилецъ, сосѣдъ мой, Ратазяевъ, тотъ самый чиновникъ, у котораго сочинительскіе вечера бываютъ. Сегодня собраніе; будемъ литературу читать. Вотъ мы теперь какъ, маточка, — вотъ! Ну, прощайте. Я вѣдь это все такъ написалъ безо всякой видимой цѣли, и единственно для того, чтобъ увѣдомить васъ о моемъ благополучіи. Приказали вы, душенька, черезъ Терезу сказать, что вамъ шелчку цвѣтнаго для вышиванья нужно: куплю, маточка, куплю, и шелчку куплю. Завтра же буду имѣть наслажденіе удовлетворить васъ вполнѣ. Я и купить-то гдѣ знаю. А самъ теперь пребываю

другомъ вашимъ искреннимъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 22-го.

М. г. Варвара Алексѣевна!

Увѣдомляю васъ, родная моя, что у насъ въ квартирѣ случилось прежалостное происшествіе, истинно-истинно жалости достойное! Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькій. Я не знаю только отчего, скарлатина что ли была какая-то, Господь его знаетъ! Навѣстилъ я этихъ Горшковыхъ. Ну, маточка, вотъ бѣдно-то у нихъ! И какой безпорядокъ! Да и не диво: все семейство живетъ въ одной комнатѣ, только что ширмочками для благопристойности разгороженной. У нихъ

ужь и гробикъ стоитъ—простенькій, но довольно хорошенькій гробикъ; готовый купили, мальчикъ-то былъ лѣтъ девяти; надежды, говорятъ, подавалъ. А жалость смотрѣть на нихъ, Варинька! Мать не плачетъ, но такая грустная, бѣдная. Имъ, можетъ-быть, и легче, что вотъ ужь одинъ съ плечъ долой; — а у нихъ еще двое осталось, грудной, да дѣвочка маленькая, такъ, лѣтъ шести будетъ съ небольшимъ. Что за пріятность, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что вотъ-де страдаетъ ребенокъ, да еще дѣтище родное, а ему и помочь даже нѐчѣмъ! Отецъ сидитъ въ старомъ, засаленномъ фракѣ, на изломанномъ стулѣ. Слезы текутъ у него, да можетъ-быть и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся. Такой онъ чудной! Все краснѣетъ, когда съ нимъ заговоришь, смѣшается и не знаетъ, что отвѣчать. Маленькая дѣвочка, дочка, стоитъ прислонившись къ гробу, да такая, бѣдняжка, скучная, задумчивая! А не люблю я, маточка Варинька, когда ребенокъ задумывается; смотрѣть непріятно! Кукла какая-то изъ тряпокъ на полу возлѣ нея лежитъ, — не играетъ; на губахъ пальчикъ держитъ; стоитъ себѣ — не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ѣла. Грустно, Варинька — а?

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 25-го.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Посылаю вамъ вашу книжку обратно. Это пренегодная книжонка! — и въ руки брать нельзя. Откуда выкопали вы такую драгоцѣнность? Кромѣ шутокъ, неужели вамъ нравятся такія книжки, Макаръ Алексѣевичъ? Вотъ мнѣ такъ обѣщались на-дняхъ достать чего-нибудь почитать. Я и съ вами подѣ-

люсь, если хотите. А теперь до свиданія. Право некогда писать болѣе.

В. Д.

Іюня 26-го.

Милая Варинька! Дѣло-то въ томъ, что я дѣйствительно не читалъ этой книжонки, маточка. Правда, прочелъ нѣсколько, вижу, что блажь, такъ ради смѣхотворства одного написано, чтобы людей смѣшить; ну, думаю, оно должно быть и въ самомъ дѣлѣ весело; авось и Варинькѣ понравится; взялъ да и послалъ ее вамъ.

А вотъ обѣщался мнѣ Ратазяевъ дать почитать чего-нибудь настоящаго литературнаго, ну вотъ вы и будете съ книжками, маточка. Ратазяевъ-то смекаетъ,—дока; самъ пишетъ, ухъ, какъ пишетъ! Перо такое бойкое и слогу пропасть, т. е. этакъ въ каждомъ словѣ, — чего-чего, — въ самомъ пустомъ, вотъ-вотъ въ самомъ обыкновенномъ, подломъ словѣ, что хоть бы и я иногда Фальдони или Терезѣ сказалъ, вотъ и тутъ у него слогъ есть. Я и на вечерахъ у него бываю. Мы табакъ куримъ, а онъ намъ читаетъ, часовъ до пяти читаетъ, а мы все слушаемъ. Объяденіе, а не литература! Прелесть такая, цвѣты, просто цвѣты; со всякой страницы букетъ вяжи! Онъ обходительный такой, добрый, ласковый. Ну, что я передъ нимъ, ну что?—Ничего. Онъ человѣкъ съ репутаціей, а я что?—Просто—не существую; а и ко мнѣ благоволитъ. Я ему кое-что переписываю. Вы только не думайте, Варинька, что тутъ продѣлка какая-нибудь, что онъ вотъ именно оттого и благоволитъ ко мнѣ, что я переписываю. Вы сплетнямъ-то не вѣрьте, маточка, вы сплетнямъ-то подлымъ не вѣрьте! Нѣтъ, это я самъ отъ себя, по своей волѣ, для его удовольствія дѣлаю, а что онъ ко

мнѣ благоволитъ, такъ это ужь онъ для моего удовольствія дѣлаетъ. Я деликатность-то поступка понимаю, маточка. Онъ добрый, очень добрый человѣкъ и безподобный писатель.

А хорошая вещь литература, Варинька, очень хорошая; это я отъ нихъ третьяго дня узналъ. Глубокая вещь! Сердце людей укрѣпляющая, поучающая, и — разное тамъ еще обо всемъ объ этомъ въ книжкѣ у нихъ написано. Очень хорошо написано! Литература — это картина, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ картина и зеркало; страсти, выраженье, критика такая тонкая, поученіе къ назидательности и документъ. Это я все у нихъ наметался. Откровенно скажу вамъ, маточка, что вѣдь сидишь между ними, слушаешь (тоже какъ и они трубку куришь, пожалуй)—а какъ начнутъ они состязаться, да спорить объ разныхъ матеріяхъ, такъ ужь тутъ я просто пасую, тутъ, маточка, намъ съ вами чисто пасовать придется. Тутъ я просто болванъ-болваномъ оказываюсь, самаго себя стыдно, такъ что цѣлый вечеръ пріискиваешь, какъ бы въ общую-то матерію хоть полсловечка ввернуть, да вотъ этого-то полсловечка какъ нарочно и нѣтъ! И пожалѣешь, Варинька, о себѣ, что самъ-то не того, да не такъ; что по пословицѣ — выросъ, а ума не вынесъ; Вѣдь что я теперь въ свободное время дѣлаю?— Сплю, дуракъ-дуракомъ. А то бы вмѣсто спанья-то ненужнаго можно было бы и пріятнымъ заняться; этакъ сѣсть бы да и пописать. И себѣ полезно и другимъ хорошо. Да что, маточка, вы посмотрите-ка только, сколько берутъ они, прости имъ Господь! Вотъ хоть бы и Ратазяевъ,—какъ беретъ! Что ему листъ написать? Да онъ въ иной день и по пяти писывалъ, а по триста рублей, говоритъ за листъ беретъ. Тамъ анекдотецъ какой-нибудь, или изъ

любопытнаго что нибудь—пятьсотъ, дай не дай, хоть тресни, да дай! а нѣтъ—такъ мы и по тысячѣ другой разъ въ карманъ кладемъ! Каково, Варвара Алексѣевна? Да что!—Тамъ у него стишковъ тетрадочка есть, и стишокъ все такой небольшой—семь тысячъ, маточка, семь тысячъ проситъ, подумайте. Да вѣдь это имѣніе недвижимое, домъ капитальный! Говоритъ, что пять тысячъ даютъ ему, да онъ не беретъ. Я его урезониваю, говорю — возьмите-дескать, батюшка, пять-то тысячъ отъ нихъ, да и плюньте имъ,—вѣдь деньги пять тысячъ! — нѣтъ, говоритъ, семь дадутъ, мошенники.—Увертливый право такой!

А что, маточка, ужь если на то пошло, такъ я вамъ, такъ и быть, выпишу изъ *Итальянскихъ страстей* мѣстечко. Это у него сочиненіе такъ-называется. Вотъ прочтите-ка, Варинька, да посудите сами.

. . . «Владиміръ вздрогнулъ, и страсти бѣшено заклокотали въ немъ и кровь вскипѣла...

— «Графиня, вскричалъ онъ, графиня! Знаете ли вы какъ ужасна эта страсть, какъ безпредѣльно это безуміе? Нѣтъ, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бѣшено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальетъ бѣшенаго, клокочущаго восторга души моей! Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрывающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..

— «Владиміръ!.. прошептала графиня внѣ себя, склоняясь къ нему на плечо...

— «Зинаида! закричалъ восторженный Смѣльскій.

«Изъ груди его испарился вздохъ. Пожаръ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ на алтарѣ любви, и взбороздилъ грудь несчастныхъ страдальцевъ.

— «Владиміръ!.. шептала въ упоеніи графиня.

Грудь ея вздымалась, щеки ея багровѣли, очи горѣли...

«Новый, ужасный бракъ былъ совершенъ!. . . .

. . . . . .

«Черезъ полчаса старый графъ вошелъ въ будуаръ жены своей.

— «А что, душечка, не приказать ли, для дорогаго гостя, самоварчикъ поставить? сказалъ онъ, потрепавъ жену по щекѣ».

Ну вотъ, я васъ спрошу, маточка, послѣ этого— ну, какъ вы находите? Правда, немножко вольно, въ этомъ спору нѣтъ, но за то хорошо. Ужь что хорошо, такъ хорошо! А вотъ, позвольте, я вамъ еще отрывочекъ выпишу изъ повѣсти: *Ермакъ и Зюлейка.*

Представьте себѣ маточка, что казакъ Ермакъ, дикій и грозный завоеватель Сибири, влюбленъ въ Зюлейку, дочь сибирскаго царя Кучума, имъ въ полонъ взятую. Событіе прямо изъ временъ Ивана Грознаго, какъ вы видите. Вотъ разговоръ Ермака и Зюлейки.

— «Ты любишь меня, Зюлейка! О, повтори, повтори!..

— «Я люблю тебя, Ермакъ, прошептала Зюлейка.

— «Небо, и земля, благодарю васъ! я счастливъ!.. Вы дали мнѣ все, все, къ чему съ отроческихъ лѣтъ стремился взволнованный духъ мой. Такъ вотъ куда вела ты меня, моя звѣзда путеводная; такъ вотъ для чего ты привела меня сюда, за Каменный-Поясъ! Я покажу всему свѣту мою Зюлейку, и люди, бѣшеныя чудовища, не посмѣютъ обвинять меня! О, если имъ понятны эти тайныя страданія ея нѣжной души, если они способны видѣть цѣлую поэму въ одной слезинкѣ моей Зюлейки! О, дай мнѣ стереть поцалуями эту

слезинку, дай мнѣ выпить ее, эту небесную слезинку... неземная!

— «Ермакъ, сказала Зюлейка: — свѣтъ золъ, люди несправедливы! Они будутъ гнать, они осудятъ насъ, мой милый Ермакъ! Что будетъ дѣлать бѣдная дѣва, взросшая среди родныхъ снѣговъ Сибири, въ юртѣ отца своего, въ вашемъ холодномъ, ледяномъ, бездушномъ, самолюбивомъ свѣтѣ? Люди не поймутъ меня, желанный мой, мой возлюбленный!

— «Тогда казацкая сабля взовьется надъ ними и свиснетъ! вскричалъ Ермакъ, дико блуждая глазами.»

Каковъ же теперь Ермакъ, Варинька, когда онъ узнаетъ, что его Зюлейка зарѣзана. Слѣпой старецъ Кучумъ, пользуясь темнотою ночи, прокрался, въ отсутствіе Ермака, въ его шатеръ и зарѣзалъ дочь свою, желая нанесть смертельный ударъ Ермаку, лишившему его скипетра и короны.

«Любо мнѣ шаркать желѣзомъ о камень!» закричалъ Ермакъ въ дикомъ остервененіи, точа булатный ножъ свой о шаманскій камень. Мнѣ нужно ихъ крови, крови! Ихъ нужно пилить, пилить, пилить!!!»

И послѣ всего этого, Ермакъ, будучи не въ силахъ пережить свою Зюлейку, бросается въ Иртышъ, и тѣмъ все кончается.

Ну, а это, напримѣръ, такъ, маленькій отрывочекъ, въ шуточно-описательномъ родѣ, собственно для смѣхотворства написанный:

«Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вотъ тотъ самый, что укусилъ за ногу Прокофія Ивановича. Иванъ Прокофьевичъ человѣкъ крутаго характера, но за то рѣдкихъ добродѣтелей; напротивъ того, Прокофій Ивановичъ чрезвычайно любитъ рѣдьку съ медомъ. Вотъ когда

еще была съ нимъ знакома Пелагея Антоновна... А вы знаете Пелагею Антоновну? Ну, вотъ та самая, которая всегда юбку надѣваетъ на изнанку».

Да вѣдь это умора, Варинька, просто умора! Мы со смѣху катались, когда онъ читалъ намъ это. Этакой онъ, прости его Господи! Впрочемъ, маточка, оно хоть и немного затѣйливо, и ужь слишкомъ игриво, но за то невинно, безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей. Нужно замѣтить, маточка, что Ратазяевъ прекраснаго поведенія, и потому превосходный писатель, не то что другіе писатели.

А что, въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь вотъ иногда придетъ же мысль въ голову... ну что, если бъ я написалъ что-нибудь, ну, что тогда будетъ? Ну вотъ, напримѣръ, положимъ, что вдругъ, ни съ того-ни съ сего, вышла бы въ свѣтъ книжка, подъ титуломъ—*Стихотворенія Макара Дѣвушкина!* Ну, что бы вы тогда сказали, мой ангельчикъ? Какъ бы вамъ это представилось и подумалось? А я про себя скажу, маточка, что какъ моя книжка-то вышла бы въ свѣтъ, такъ я бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ бы показаться. Вѣдь каково это было бы, когда бы всякій сказалъ, что вотъ-де идетъ сочинитель литературы и піита Дѣвушкинъ, что вотъ, дескать, это и есть самъ Дѣвушкинъ! Ну, что бы я тогда, напримѣръ, съ моими сапогами сталъ дѣлать? Они у меня, замѣчу вамъ мимоходомъ, маточка, почти всегда въ заплаткахъ, да и подметки, по правдѣ сказать, отстаютъ иногда весьма не благопристойно. Ну, что тогда бъ было, когда бы всѣ узнали, что вотъ у сочинителя Дѣвушкина сапоги въ заплаткахъ! Какая-нибудь тамъ контесса-дюшесса узнала бы, ну, что бы она-то, душка, сказала? Она-то, можетъ-быть, и не замѣтила бы: ибо, какъ я полагаю, контессы не зани-

маются сапогами, къ тому же чиновничьими сапогами (потому-что вѣдь сапоги сапогамъ рознь), да ей бы разсказали про все, свои бы пріятели меня выдали. Да вотъ Ратазяевъ бы первый выдалъ; онъ къ графинѣ В. ѣздитъ; говоритъ, что каждый разъ бываетъ у ней, и за-просто бываетъ. Говоритъ, душка такая она, литературная, говоритъ, дама такая. Петля этотъ Ратазяевъ!

Да впрочемъ довольно объ этой матеріи; я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ потѣшить. Прощайте, голубчикъ мой! Много я вамъ тутъ настрочилъ, но это собственно отъ-того, что я сегодня въ самомъ веселомъ душевномъ расположеніи. Обѣдали-то мы всѣ вмѣстѣ сегодня у Ратазяева, такъ (шалуны они, маточка!) пустили въ ходъ такой романеи... ну да ужь что вамъ писать объ этомъ! Вы только смотрите, не придумайте тамъ чего про меня, Варинька. Я вѣдь это все такъ. Книжекъ пришлю, непремѣнно пришлю... Ходитъ здѣсь по рукамъ Поль-де-Кока одно сочиненіе, только Поль-де-Кока-то вамъ, маточка, и не будетъ... Ни-ни! для васъ Поль-де-Кокъ не годится. Говорятъ про него, маточка, что онъ всѣхъ критиковъ петербургскихъ въ благородное негодованіе приводитъ. Посылаю вамъ фунтикъ конфетокъ,—нарочно для васъ купилъ. Скушайте, душечка, да при каждой конфеткѣ меня поминайте. Только леденецъ-то вы не грызите, а такъ пососите его только, а то зубки разболятся. А вы, можетъ-быть, и цукаты любите?—вы напишите. Ну, прощайте же, прощайте. Христосъ съ вами, голубчикъ мой. А я пребуду навсегда

вашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ,

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 27.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Ѳедора говоритъ, что если я захочу, то нѣкоторые люди съ удовольствіемъ примутъ участіе въ моемъ положеніи, и выхлопочутъ мнѣ очень хорошее мѣсто въ одинъ домъ, въ гувернантки. Какъ вы думаете, другъ мой—идти или нѣтъ? Конечно, я вамъ тогда не буду въ тягость, да и мѣсто, кажется, выгодное; но съ другой стороны, какъ-то жутко идти въ незнакомый домъ. Они какіе-то помѣщики. Станутъ обо мнѣ узнавать, начнутъ разспрашивать, любопытствовать—ну что́ я скажу тогда? Къ тому же я такая нелюдимка, дикарка; люблю пообжиться въ привычномъ углѣ надолго. Какъ-то лучше тамъ, гдѣ привыкнешь: хоть и съ горемъ по-поламъ живешь, а все-таки лучше. Къ тому же на выѣздъ; да еще Богъ знаетъ какая должность будетъ; можетъ-быть, просто дѣтей нянчить заставятъ. Да и люди-то такіе: мѣняютъ ужь третью гувернантку въ два года. Посовѣтуйте же мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ, ради Бога, идти или нѣтъ?—Да что вы никогда сами не зайдете ко мнѣ? изрѣдка только глаза покажете. Почти только по воскресеньямъ у обѣдни и видимся. Экой же вы нелюдимъ какой! Вы точно какъ я! А вѣдь я вамъ почти родная. Не любите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, а мнѣ иногда одной очень грустно бываетъ. Иной разъ, особенно въ сумерки, сидишь себѣ одна одинешенька. Ѳедора уйдетъ куда-нибудь. Сидишь, думаешь-думаешь, — вспоминаешь все старое, и радостное и грустное, — все идетъ передъ глазами, все мелькаетъ какъ изъ тумана. Знакомыя лица являются (я почти наяву начинаю видѣть)—матушку вижу чаще всего... А какіе бы-

ваютъ сны у меня! Я чувствую, что здоровье мое разстроено; я такъ слаба; вотъ и сегодня, когда вставала утромъ съ постели, мнѣ дурно сдѣлалось; сверхъ того у меня такой дурной кашель! Я чувствую, я знаю, что скоро умру. Кто-то меня похоронитъ? Кто-то за гробомъ моимъ пойдетъ? Кто-то обо мнѣ пожалѣетъ?.. И вотъ придется, можетъ-быть, умереть въ чужомъ мѣстѣ, въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углѣ!.. Боже мой, какъ грустно жить, Макаръ Алексѣевичъ!—Что вы меня, другъ мой, все конфектами кормите? Я право не знаю откудова вы денегъ столько берете? Ахъ, другъ мой, берегите деньги, ради Бога, берегите ихъ. — Ѳедора продаетъ коверъ, который я вышила; даютъ 50 руб. ассигн. Это очень хорошо: я думала меньше будетъ. Я Ѳедорѣ дамъ три цѣлковыхъ, да себѣ сошью платьице, такъ простенькое, потеплѣе. Вамъ жилетку сдѣлаю, сама сдѣлаю, и матеріи хорошей выберу.

Ѳедора мнѣ достала книжку—*Повѣсти Бѣлкина*, которую вамъ посылаю, если захотите читать. Пожалуйста только не запачкайте и не задержите: книга чужая;—это Пушкина сочиненіе. Два года тому назадъ мы читали эти повѣсти вмѣстѣ съ матушкой, и теперь мнѣ такъ грусто было ихъ перечитывать. Если у васъ есть какія-нибудь книги, то пришлите мнѣ, — только въ такомъ случаѣ, когда вы ихъ не отъ Ратазяева получили. Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что-нибудь напечаталъ. Какъ это вамъ нравятся его сочиненія, Макаръ Алексѣевичъ? Такіе пустяки...— Ну, прощайте! какъ я заболталась! Когда мнѣ грустно, такъ я рада болтать, хоть объ чемъ-нибудь. Это лекарство: тотчасъ легче сдѣлается, а особливо, если выскажешь все, что лежитъ на сердцѣ. Прощайте, прощайте, мой другъ!

Ваша *В. Д.*

Іюня 28.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Полно кручиниться! Какъ же это не стыдно вамъ! Ну полноте, ангельчикъ мой; какъ это вамъ такія мысли приходятъ? Вы не больны, душечка, вовсе не больны; вы цвѣтете, право, цвѣтете; блѣдненьки немножко, а все-таки цвѣтете. И что это у васъ за сны да за видѣнія такія! Стыдно, голубчикъ мой, полноте; вы плюньте на сны-то эти, просто плюньте. Отъ-чего же я сплю хорошо? Отъ-чего же мнѣ ничего не дѣлается? Вы посмотрите-ка на меня, маточка. Живу себѣ, сплю покойно, здоровехонекъ, молодецъ-молодцомъ; любо смотрѣть. Полноте, полноте, душечка, стыдно. Исправьтесь. Я вѣдь головку-то вашу знаю, маточка, чуть что-нибудь найдетъ, вы ужь и пошли мечтать, да тосковать о чемъ-то. Ради меня, перестаньте, душенька. Въ люди идти?—никогда! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Да и что это вамъ думается такое, что́ это находитъ на васъ? Да еще и на выѣздъ! Да нѣтъ же, маточка, не позволю, вооружаюсь всѣми силами противъ такого намѣренія. Мой фракъ старый продамъ, и въ одной рубашкѣ стану ходить по улицамъ, а ужь вы у насъ нуждаться не будете. Нѣтъ, Варинька, нѣтъ; ужь я знаю васъ! Это блажь, чистая блажь! А что вѣрно, такъ это то, что во всемъ Ѳедора одна виновата: она, видно, глупая баба, васъ на все надоумила. А вы ей, маточка, не вѣрьте. Да вы еще вѣрно не знаете всего-то, душенька?... Она баба глупая, сварливая, вздорная; она и мужа своего покойника со свѣту выжила. Или она, вѣрно, васъ разсердила тамъ какъ-нибудь? Нѣтъ, нѣтъ, маточка, ни за что! И я то какъ же буду тогда, что мнѣ-то останется дѣлать? Нѣтъ, Варинька

душенька, вы это изъ головки-то выкиньте. Чего вамъ не достаетъ у насъ? Мы на васъ не нарадуемся, вы насъ любите,—такъ и живите себѣ тамъ смирненько; шейте или читайте, а пожалуй и не шейте,—все равно, только съ нами живите. А то вы сами посудите, ну на что это будетъ похоже тогда?... Вотъ я вамъ книжекъ достану, а потомъ, пожалуй и опять куда-нибудь гулять соберемся. Только вы-то полноте, маточка, полноте, наберитесь ума и изъ пустяковъ не блажите! Я къ вамъ приду, и въ весьма скоромъ времени, только вы за это-мое прямое и откровенное признаніе примите: не хорошо, душенька, очень не хорошо! Я, конечно, неученый человѣкъ и самъ знаю, что неученый, что на мѣдныя деньги учился, да я не къ тому и рѣчь клоню, не во мнѣ тутъ и дѣло-то, а за Ратазяева заступлюсь, воля ваша. Онъ мнѣ другъ, потому я за него и заступлюсь. Онъ хорошо пишетъ, очень, очень, и опять-таки очень хорошо пишетъ. Не соглашаюсь я съ вами и никакъ не могу согласиться. Писано цвѣтисто, отрывисто, съ фигурами, разныя мысли есть; очень хорошо! Вы, можетъ-быть, безъ чувства читали, Варинька, или не въ духѣ были, когда читали, на Ѳедору за что-нибудь разсердились, или что-нибудь у васъ тамъ нехорошее вышло. Нѣтъ, вы прочтите-ка это съ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы и въ расположеніи духа пріятномъ находитесь, вотъ, наприм., когда конфетку во рту держите—вотъ когда прочтите. Я не спорю (кто же противъ этого), есть и лучше Ратазяева писатели, есть даже и очень лучшіе, но и они хороши, и Ратазяевъ хорошъ; они хорошо пишутъ, и онъ хорошо пишетъ. Онъ себѣ особо, онъ такъ себѣ пописываетъ, и очень хорошо дѣлаетъ, что пописываетъ. Ну, прощайте, маточка; писать болѣе не

могу; нужно спѣшить, дѣло есть. Смотрите же, маточка, ясочка ненаглядная, успокойтесь, и Господь да пребудетъ съ вами, а я пребываю

вашимъ вѣрнымъ другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Спасибо за книжку, родная моя, прочтемъ и Пушкина; а сегодня я, по вечеру, непремѣнно зайду къ вамъ.

Дорогой мой Макаръ Алексѣевичъ!

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, мнѣ не житье между вами. Я раздумала и нашла, что очень дурно дѣлаю, отказываясь отъ такого выгоднаго мѣста. Тамъ будетъ у меня по-крайней-мѣрѣ хоть вѣрный кусокъ хлѣба; я буду стараться, я заслужу ласку чужихъ людей, даже постараюсь перемѣнить свой характеръ, если будетъ надобно. Оно, конечно, больно и тяжело жить между чужими, искать чужой милости, скрываться и принуждать себя, да Богъ мнѣ поможетъ. Не оставаться же вѣкъ нелюдимкой. Со мною ужь бывали такіе же случаи. Я помню, когда я, бывало, еще маленькая, въ пансіонъ хаживала. Бывало, все воскресенье дома рѣзвишься, прыгаешь, иной разъ и побранитъ матушка,—все ничего, все хорошо на сердцѣ, свѣтло на душѣ. Станетъ подходить вечеръ и грусть нападетъ смертельная, нужно въ девять часовъ въ пансіонъ идти, а тамъ все чужое, холодное, строгое, гувернантки по понедѣльникамъ такія сердитыя, такъ и щемитъ, бывало, за душу, плакать хочется; пойдешь въ уголокъ и поплачешь одна одинешенька, слезы скрываешь—скажутъ лѣнивая; а я вовсе не о томъ и плачу, бывало, что учиться надобно.—Ну что жь? я привыкла, и по-

томъ, когда выходила изъ пансіона, такъ тоже плакала, прощаясь съ подружками. Да и не хорошо я дѣлаю, что живу въ тягость обоимъ вамъ. Эта мысль — мнѣ мученье. Я вамъ откровенно говорю все это, потому-что привыкла быть съ вами откровенною. Развѣ я не вижу, какъ Ѳедора встаетъ каждый день ранымъ-ранехонько, да за стирку свою принимается, и до поздней ночи работаетъ?—а старыя кости любятъ покой. Развѣ я не вижу, что вы на меня разоряетесь, послѣднюю копѣйку ребромъ ставите, да на меня ее тратите? не съ вашимъ состояніемъ, мой другъ! Пишете вы, что послѣднее продадите, а меня въ нуждѣ не оставите. Вѣрю, другъ мой, я вѣрю въ ваше доброе сердце,—но это вы теперь такъ говорите. Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ? Вы знаете сами—я больная всегда; я не могу такъ же какъ и вы работать, хотя бы душею рада была, да и работа не всегда бываетъ. Что же мнѣ остается? Надрываться съ тоски, глядя на васъ обоихъ, сердечныхъ. Чѣмъ я могу оказать вамъ хоть малѣйшую пользу? И отъ-чего я вамъ такъ необходима, другъ мой? Что я вамъ хорошаго сдѣлала? Я только привязана къ вамъ всею душею, люблю васъ крѣпко, сильно, всѣмъ, сердцемъ, но— горька судьба моя!—я умѣю любить, и могу любить, но только, а не творить добро, не платить вамъ за ваши благодѣянія. Не держите же меня болѣе, подумайте и скажите ваше послѣднее мнѣніе. Въ ожиданіи пребываю

васъ любящая

В. Д.

Іюля 1.

Блажь, блажь, Варинька, просто блажь! Оставь васъ такъ, такъ вы тамъ головкой своей и чего-чего не передумаете. И то не такъ, и это не такъ! А я вижу теперь, что это все блажь. Да чего же вамъ недостаетъ у насъ, маточка, вы только это скажите! Васъ любятъ, вы насъ любите, мы всѣ довольны и счастливы—чего же болѣе? Ну! а что́ вы въ чужихъ-то людяхъ будете дѣлать? Вѣдь вы вѣрно еще не знаете, что такое чужой человѣкъ?... Нѣтъ, вы меня извольте-ка поразспросить, такъ я вамъ скажу, что такое чужой человѣкъ. Знаю я его, маточка; хорошо знаю; случалось хлѣбъ его ѣсть. Золъ онъ, Варинька, золъ, ужь такъ золъ, что сердечка твоего не достанетъ, такъ онъ его истерзаетъ укоромъ, попрекомъ да взглядомъ дурнымъ. У насъ вамъ тепло, хорошо,—словно въ гнѣздышкѣ пріютились. Да и насъ-то вы какъ безъ головы оставите. Ну, что мы будемъ дѣлать безъ васъ; что я, старикъ, буду дѣлать тогда? Вы намъ не нужны? Не полезны? Какъ не полезны? Нѣтъ, вы, маточка, сами разсудите какъ же вы не полезны? Вы мнѣ очень полезны, Варинька. Вы этакое вліяніе имѣете благотворное... Вотъ я объ васъ думаю теперь и мнѣ весело.... Я вамъ иной разъ письмо напишу и всѣ чувства въ немъ изложу, на что подробный отвѣтъ отъ васъ получаю.—Гардеробцу вамъ накупилъ, шляпку сдѣлалъ; отъ васъ коммиссія подъ-часъ выходитъ какая-нибудь, я и коммиссію.... Нѣтъ, какъ же вы не полезны? Да и что я одинъ буду дѣлать на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ-быть, объ этомъ и не подумали, Варинька; нѣтъ, вы именно объ этомъ подумайте—что вотъ-дескать, на что онъ будетъ безъ меня-то годиться? Я привыкъ къ вамъ, родная моя.—А

то что изъ этого будетъ? Пойду къ Невѣ да и дѣло съ концомъ. Да, право же будетъ такое, Варинька; что же мнѣ безъ васъ дѣлать останется! Ахъ, душечка моя, Варинька! Хочется, видно, вамъ, чтобы меня ломовой извощикъ на Волково свезъ; чтобы какая-нибудь тамъ нищая старуха-пошлепница одна мой гробъ провожала, чтобы меня тамъ пескомъ засыпали, да прочь пошли, да одного тамъ оставили. Грѣшно, грѣшно маточка! Право, грѣшно, ей-Богу, грѣшно! Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочикъ мой, Варинька, и если вы, дружочикъ мой, спросите мнѣнія моего на счетъ вашей книжки, то я скажу, что въ жизнь мою не случалось мнѣ читать такихъ славныхъ книжекъ. Спрашиваю я теперь себя, маточка, какъ же это я жилъ до-сихъ поръ такимъ олухомъ, прости Господи? Что дѣлалъ? Изъ какихъ я лѣсовъ? Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! совсѣмъ ничего не знаю! Я вамъ, Варинька, спроста скажу,—я человѣкъ не ученый; читалъ я до сей поры мало, очень мало читалъ, да почти ничего: *Картину человѣка*, умное сочиненіе, читалъ; *Мальчика, наигрывающаго разныя штучки на колокольчикахъ* читалъ, да *Ивиковы журавли*—вотъ только и всего, а больше ничего никогда не читалъ. Теперь я *Станціоннаго смотрителя* здѣсь въ вашей книжкѣ прочелъ; вѣдь вотъ скажу я вамъ, маточка, случается же такъ, что живешь, а не знаешь, что подъ бокомъ тамъ у тебя книжка есть, гдѣ вся-то жизнь твоя какъ по пальцамъ разложена. Да и что самому прежде не въ догадъ было, такъ вотъ здѣсь, какъ начнешь читать въ такой книжкѣ, такъ самъ все, помаленьку, и припомнишь и разыщешь и разгадаешь. И наконецъ, вотъ отъ-чего еще я полюбилъ вашу книжку: иное твореніе, какое тамъ ни

есть, читаешь-читаешь, иной разъ хоть тресни—такъ хитро, что какъ-будто бы его и не понимаешь. Я, напримѣръ,—я тупъ, я отъ природы моей тупъ, такъ я не могу слишкомъ важныхъ сочиненій читать; а это читаешь,—словно самъ написалъ; точно это, примѣрно говоря, мое собственное сердце, какое ужь оно тамъ ни есть, взялъ его, людямъ выворотилъ изнанкой, да и описалъ все подробно—вотъ какъ! Да и дѣло-то простое, Богъ мой; да чего! право, и я также бы написалъ; отъ-чего же бы и не написалъ?—Вѣдь я то же самое чувствую, вотъ совершенно такъ, какъ и въ книжкѣ, да я и самъ въ такихъ же положеніяхъ подъ-часъ находился, какъ примѣрно сказать этотъ Самсонъ-то Выринъ, бѣдняга. Да и сколько между нами-то ходитъ Самсоновъ Выриныхъ, такихъ же горемыкъ сердечныхъ! И какъ ловко описано все! Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочелъ, что онъ спился, грѣшный, такъ, что память потерялъ, горькимъ сдѣлался и спитъ-себѣ цѣлый день подъ овчиннымъ тулупомъ, да горе пуншикомъ захлебываетъ, да плачетъ жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминаетъ о заблудшей овечкѣ своей, объ дочкѣ Дуняшѣ! Нѣтъ, это натурально! вы прочтите-ка; это натурально! это живетъ! Я самъ это видалъ;—это вотъ все около меня живетъ; вотъ хоть Тереза—да чего далеко ходить!—вотъ хоть бы и нашъ бѣдный чиновникъ—вѣдь онъ, можетъ-быть, такой же Самсонъ Выринъ, только у него другая фамилія, *Горшковъ*.—Дѣло-то оно общее, маточка, и надъ вами и надо мной можетъ случиться. И графъ, что́ на Невскомъ или на набережной живетъ, и онъ будетъ то же самое, такъ-только казаться будетъ другимъ, потому-что у нихъ все по-своему, по

высшему тону, но и онъ будетъ тоже самое, все можетъ случиться, и со мною то же самое можетъ случиться. Вотъ оно что, маточка, а вы еще тутъ отъ насъ отходить хотите; да вѣдь грѣхъ, Варинька, можетъ застигнуть меня. И себя и меня сгубить можете, родная моя. Ахъ, ясочка вы моя, выкиньте, ради Бога, изъ головки своей всѣ эти вольныя мысли, и не терзайте меня напрасно. Ну гдѣ же, птенчикъ вы мой слабенькій, не оперившійся, гдѣ же вамъ самое-себя прокормить, отъ погибели себя удержать, отъ злодѣевъ защититься! Полноте, Варинька поправьтесь; вздорныхъ совѣтовъ и наговоровъ не слушайте, а книжку вашу еще разъ прочтите, со вниманіемъ прочтите: вамъ это пользу принесетъ.

Говорилъ я про «Станціоннаго смотрителя» Ратазяеву. Онъ мнѣ сказалъ, что это все старое, и что теперь все пошли книжки съ картинками, и съ разными описаніями; ужь я право въ толкъ не взялъ хорошенько, что онъ тутъ говорилъ такое. Заключилъ же, что Пушкинъ хорошъ, и что онъ святую Русь прославилъ, и много еще мнѣ про него говорилъ. Да, очень хорошо, Варинька, очень хорошо; прочтите-ка книжку еще разъ со вниманіемъ, совѣтамъ моимъ послѣдуйте, и послушаніемъ своимъ меня старика осчастливьте. Тогда самъ Господь наградитъ васъ, моя родная, непремѣнно наградитъ.

Вашъ искренній другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ.

Ѳедора принесла мнѣ сегодня пятнадцать рублей серебромъ. Какъ она была рада, бѣдная, когда я ей три цѣлковыхъ дала! Пишу вамъ на-ско-

ро. Я теперь крою вамъ желетку,—прелесть какая матерія, — желтенькая съ цвѣточками. Посылаю вамъ одну книжку; тутъ все разныя повѣсти; я прочла кое-какія, прочтите одну изъ нихъ подъ названіемъ *Шинель*.—Вы меня уговариваете въ театръ идти вмѣстѣ съ вами; не дорого ли это будетъ? Развѣ ужь куда-нибудь въ галлерею. Я ужь очень давно не была въ театрѣ, да и право не помню когда. Только опять все боюсь, не дорого ли будетъ стóить эта затѣя? Ѳедора только головой покачиваетъ. Она говоритъ, что вы совсѣмъ не по достаткамъ жить начали; да я и сама это вижу; сколько вы на меня одну истратили! Смотрите, другъ мой, не было бы бѣды. Ѳедора и такъ мнѣ говорила про какіе-то слухи— что вы имѣли кажется споръ съ вашей хозяйкой за неуплату ей денегъ; я очень боюсь за васъ. Ну, прощайте; я спѣшу. Дѣло есть маленькое; я перемѣняю ленты на шляпкѣ.

P. S. Знаете ли, если мы пойдемъ въ театръ, то я надѣну мою новенькую шляпку, а на плеча черную мантилью. Хорошо ли это будетъ?

Іюля 7.

М. Г. Варвара Алексѣевна!

....Такъ вотъ я все про вчерашнее.—Да, маточка, и на насъ въ ѐно время блажь находила. Врѣзался въ эту актрисочку, по уши врѣзался, да это бы еще ничего; а самое-то чудное то, что я ее почти совсѣмъ не видалъ, и въ театрѣ былъ всего одинъ разъ, а при всемъ томъ врѣзался. Жили тогда со мною стѣнка объ стѣнку человѣкъ пятеро молодаго, раззадорнаго народу. Сошелся я съ ними, по неволѣ сошелся, хотя всег-

да былъ отъ нихъ въ пристойныхъ границахъ. Ну, чтобы не отстать, я и самъ имъ во всемъ поддакиваю. Насказали они мнѣ объ этой актрискѣ! Каждый вечеръ, какъ только театръ идетъ, вся компанія—на нужное у нихъ никогда гроша не бывало—вся компанія отправлялась въ театръ, въ галлерею, и ужъ хлопаютъ-хлопаютъ, вызываютъ-вызываютъ эту актриску—просто бѣснуются! А потомъ и заснуть не дадутъ; всю ночь напролетъ объ ней толкуютъ, всякой ее своей Глашей зоветъ. всѣ въ одну въ нее влюблены, у всѣхъ одна канарейка на сердцѣ. Раззадорили они и меня беззащитнаго; я тогда еще молоденекъ былъ. Самъ не знаю какъ очутился я съ ними въ театрѣ, въ четвертомъ ярусѣ, въ галлереѣ. Видѣть-то я одинъ только краешекъ занавѣски видѣлъ, за то все слышалъ. У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькій;—звонкій, соловьиный, медовый! Мы всѣ руки у себя отхлопали, кричали-кричали—однимъ словомъ, до насъ чуть не добрались, одного ужъ и вывели правда. Пришелъ я домой,—какъ въ чаду хожу! въ карманѣ только одинъ цѣлковый рубль оставался, а до жалованья еще добрыхъ дней десять. Такъ какъ вы думали, маточка? На другой день, прежде чѣмъ на службу идти, завернулъ я къ парфюмёру французу, купилъ у него духовъ какихъ-то, да мыла благовоннаго на весь капиталъ—ужъ и самъ не знаю зачѣмъ я тогда накупилъ всего этого? Да и не обѣдалъ дома, а все мимо ея оконъ ходилъ. Она жила на Невскомъ, въ четвертомъ этажѣ. Пришелъ домой, часочикъ какой-нибудь тамъ отдохнулъ, и опять на Невскій пошелъ, чтобы только мимо ея окошекъ пройдти. Полтора мѣсяца я ходилъ такимъ образомъ, волочился за нею; извощиковъ-лихачей нанималъ поминутно, и все мимо

ея оконъ концы давалъ: замотался совсѣмъ, задолжалъ, а потомъ ужь и разлюбилъ ее:—наскучило! Такъ вотъ что актриска изъ порядочнаго человѣка сдѣлать въ состояніи, маточка! Впрочемъ молоденекъ-то я, молоденекъ былъ тогда!...

М. Д.

Іюля 8.

Милостивая государыня моя,

Варвара Алексѣевна!

Книжку вашу, полученную мною 6-го сего мѣсяца, спѣшу возвратить вамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу въ семъ письмѣ моемъ объясниться съ вами. Дурно, маточка, дурно то, что вы меня въ такую крайность поставили. Позвольте, маточка: всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то безропотно и въ страхѣ повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ. — Состою я уже около тридцати лѣтъ на службѣ; служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ; грѣха за собою большаго не знаю. Конечно, кто же въ маломъ не грѣшенъ?

Всякій грѣшенъ, и даже вы грѣшны, маточка! Но въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; даже крестикъ выходилъ— ну да ужь что! Все это вы по совѣсти должны бы были знать, маточка, и онъ долженъ бы былъ знать; ужь какъ взялся описывать, такъ долженъ бы былъ все знать. Нѣтъ, я этого не ожидалъ отъ васъ, маточка: нѣтъ, Варинька! вотъ отъ васъ-то именно такого и не ожидалъ.

Какъ! Такъ послѣ этого и жить себѣ смирно нельзя, въ уголочкѣ своемъ, — каковъ ужь онъ тамъ ни есть,—жить водой не замутя, по пословицѣ, никого не трогая, зная страхъ Божій, да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались, да не подсмотрѣли—что дескать какъ ты себѣ тамъ по домашнему, что вотъ есть ли, напримѣръ, у тебя жилетка хорошая, водится ли у тебя, что слѣдуетъ изъ нижняго платья; есть ли сапоги, да и чѣмъ подбиты они; что ѣшь, что пьешь, что переписываешь?... Да и что же тутъ такого, маточка, что вотъ хоть бы и я, гдѣ мостовая плоховата, пройду иной разъ на цыпочкахъ, что я сапоги берегу! Зачѣмъ писать про другаго, что вотъ-де онъ иной разъ нуждается, что чаю не пьетъ? А точно всѣ и должны ужь такъ непремѣнно чай пить! Да развѣ я смотрю въ ротъ каждому, что дескать какой онъ тамъ кусокъ жуетъ? Кого же я обижалъ такимъ-образомъ? Нѣтъ, маточка, зачѣмъ же другихъ обижать, когда тебя не затрогиваютъ! Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ что значитъ оно: служишь-служишь, ревностно, усердно,—чего!—и начальство само тебя уважаетъ

(ужь какъ бы тамъ ни было, а все-таки уважаетъ), — и вотъ кто-нибудь подъ самымъ носомъ твоимъ, безо всякой видимой причины, ни съ того ни съ сего, испечетъ тебѣ пасквиль. Конечно, правда, иногда сошьешь себѣ, что-нибудь новое,— радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, напримѣръ, съ такимъ сладострастіемъ надѣваешь;—это правда, я ощущалъ, потому-что пріятно видѣть свою ногу въ тонкомъ щегольскомъ сапогѣ,—это вѣрно описано! Но я все-таки истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ-то Ѳедоровичъ безъ вниманія книжку такую пропустили, и за себя не вступились. Правда, что онъ еще молодой сановникъ, и любитъ подъ-часъ покричать; но отъ-чего же и не покричать? Отъ-чего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь. Ну да положимъ и такъ, напримѣръ, для тона распечь — ну и для тона можно; нужно пріучать; нужно острастку давать; потому-что—между нами будь это, Варинька—нашъ братъ ничего безъ остраски не сдѣлаетъ, всякій наровитъ только гдѣ-нибудь числиться, что вотъ дескать, я тамъ-то и тамъ-то, а отъ дѣла-то бочкомъ да стороночкой. А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разночинный; — это въ порядкѣ вещей! Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, маточка, что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другаго распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было. Истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ такую обиду пропустили безъ вниманія!

И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мнѣ за это шинель кто-нибудь изъ

читателей сдѣлаетъ, что ли? Сапоги, что ли новые купитъ?—Нѣтъ, Варинька, прочтетъ, да еще продолженія потребуетъ. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься носъ подъ-часъ показать—куда бы тамъ ни было, потому-что пересуда трепещешь, потому-что изъ всего, что ни есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пасквиль сработаютъ, и вотъ ужь вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературѣ ходитъ, все напечатано, прочитано, осмѣяно, пересужено! Да тутъ и на улицу нельзя показаться будетъ; вѣдь тутъ это все такъ доказано, что нашего брата по одной походкѣ узнаешь теперь. Ну, добро бы онъ подъ концомъ-то хоть исправился, что-нибудь бы смягчилъ, помѣстилъ бы, напримѣръ, хоть послѣ того пункта, какъ ему бумажки на голову сыпали:— что вотъ дескать при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ, послушествовалъ старшимъ (тутъ бы примѣръ можно какой-нибудь), никому зла не желалъ, вѣрилъ въ Бога и умеръ (если ему хочется, чтобы онъ ужь непремѣнно умеръ)—оплаканный. А лучше всего было бы не оставлять его умирать, бѣднягу, а сдѣлать бы такъ, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилъ бы его въ свою канцелярію, повысилъ чиномъ и далъ бы хорошій окладъ жалованья, такъ что, видите ли, какъ бы это было: зло было бы наказано, а добродѣтель восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи всѣ бы ни съ чѣмъ и остались. Я бы, напримѣръ, такъ сдѣлалъ; а то, что тутъ у него особеннаго, что у него тутъ хорошаго? Такъ, пустой какой-то примѣръ изъ вседневнаго, подлаго быта. Да и какъ вы-то рѣшились мнѣ такую книжку прислать,

родная моя. Да вѣдь это злонамѣренная книжка, Варинька; это просто неправдоподобно, потому-что и случиться не можетъ, чтобы былъ такой чиновникъ. Да вѣдь послѣ такого надо жаловаться, Варинька, формально жаловаться.

Покорнѣйшій слуга вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 27.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Послѣднія происшествія и письма ваши испугали, поразили меня и повергли въ недоумѣніе, а разсказы Ѳедоры объяснили мнѣ все. Но за чѣмъ же было такъ отчаяваться и вдругъ упасть въ такую бездну, въ какую вы упали, Макаръ Алексѣевичъ? Ваши объясненія вовсе не удовольствовали меня. Видите ли, была ли я права, когда настаивала взять то выгодное мѣсто, которое мнѣ предлагали? Къ тому же и послѣднее мое приключеніе пугаетъ меня не на шутку. Вы говорите, что любовь ваша ко мнѣ заставила васъ таиться отъ меня. Я и тогда уже видѣла, что многимъ обязана вамъ, когда вы увѣряли, что издерживаете на меня только запасныя деньги свои, которыя, какъ говорили, у васъ въ ломбардѣ на всякій случай лежали. Теперь же, когда я узнала, что у васъ вовсе не было никакихъ денегъ, что вы, случайно узнавши о моемъ бѣдственномъ положеніи и тронувшись имъ, рѣшились издержать свое жалованье, забравъ его впередъ, и продали даже свое платье, когда я больна была,—теперь я, открытіемъ всего этого, поставлена въ такое мучительное положеніе, что до-сихъ-поръ незнаю какъ принять все это и что думать объ этомъ. Ахъ! Макаръ Алек-

сѣевичъ! вы должны были остановиться на первыхъ благодѣяніяхъ своихъ, внушенныхъ вамъ состраданіемъ и родственною любовью, а не расточать деньги впослѣдствіи на ненужное. Вы измѣнили дружбѣ нашей, Макаръ Алексѣевичъ, потому-что не были откровенны со мною, и теперь, когда я вижу, что ваше послѣднее пошло мнѣ на наряды, на конфекты, на прогулки, на театръ и на книги, — то за все это я теперь дорого плачу сожалѣніемъ о своей непростительной вѣтренности (ибо я принимала отъ васъ все, не заботясь о васъ самихъ); и все то, чѣмъ вы хотѣли доставить мнѣ удовольствіе, обратилось теперь въ горе для меня и оставило по себѣ одно безполезное сожалѣніе. Я замѣтила вашу тоску въ послѣднее время, и хотя сама тоскливо ожидала чего-то, но то, что случилось теперь, мнѣ и въ умъ не входило. Какъ! вы до такой уже степени могли упасть духомъ, Макаръ Алексѣевичъ! Но что теперь о васъ подумаютъ, что теперь скажутъ о васъ всѣ, кто васъ знаетъ? Вы, котораго я и всѣ уважали за доброту души, скромность и благоразуміе, вы теперь вдругъ впали въ такой отвратительный порокъ, въ которомъ, кажется, никогда не были замѣчены прежде. Что со мною было, когда Ѳедора разсказала мнѣ, что васъ нашли на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ и привезли на квартиру съ полиціей! Я остолбенѣла отъ изумленія, хотя и ожидала чего-то необыкновеннаго, потому-что вы четыре дня пропадали. Но подумали ли вы, Макаръ Алексѣевичъ, что скажутъ ваши начальники, когда узнаютъ настоящую причину вашего отсутствія? Вы говорите, что надъ вами смѣются всѣ, что всѣ узнали о нашей связи, и что и меня упоминаютъ въ насмѣшкахъ своихъ сосѣди ваши. Не обращайте вниманія на это, Макаръ Алексѣевичъ, и ради Бога, успокой-

тесь. Меня пугаетъ еще ваша исторія съ этими офицерами; я объ ней темно слышала. Растолкуйте мнѣ, что это все значитъ? Пишете вы, что боялись открыться мнѣ, боялись потерять вашимъ признаніемъ мою дружбу, что были въ отчаяніи, не зная чѣмъ помочь мнѣ въ моей болѣзни, что продали все, чтобы поддержать меня и не пускать въ больницу, что задолжали сколько возможно задолжать, и имѣете каждый день непріятности съ хозяйкой,—но скрывая все это отъ меня, вы выбрали худшее. Но вѣдь теперь же я все узнала. Вы совѣстились заставить меня сознаться, что я была причиною вашего несчастнаго положенія, а теперь вдвое болѣе принесли мнѣ горя своимъ поведеніемъ. Все это меня поразило, Макаръ Алексѣевичъ. Ахъ, другъ мой! несчастіе заразительная болѣзнь. Несчастнымъ и бѣднымъ нужно сторониться другъ отъ друга, чтобъ еще болѣе не заразиться. Я принесла вамъ такія несчастія, которыхъ вы и не испытывали прежде въ вашей скромной и уединенной жизни. Все это мучитъ и убиваетъ меня.

Напишите мнѣ теперь все откровенно, что съ вами было и какъ вы рѣшились на такой поступокъ. Успокойте меня, если можно. Не самолюбіе заставляетъ меня писать теперь о моемъ спокойствіи, но моя дружба и любовь къ вамъ, которыя ничѣмъ не изгладятся изъ моего сердца. Прощайте. Жду отвѣта вашего съ нетерпѣніемъ. Вы худо думали обо мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ.

Васъ сердечно любящая
Варвара Доброселова.

Іюля 28.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Ну ужъ, какъ теперь все кончено и все мало

по малу приходитъ въ прежнее положеніе, то вотъ что скажу я вамъ, маточка: вы безпокоитесь объ томъ, что обо мнѣ подумаютъ, на что спѣшу объявить вамъ, Варвара Алексѣевна, что амбиція моя мнѣ дороже всего. Въ слѣдствіе чего и донося вамъ объ несчастіяхъ моихъ и всѣхъ этихъ безпорядкахъ, увѣдомляю васъ, что изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по прежнему. Одного боюсь: сплетень боюсь. Дома у насъ хозяйка кричитъ, а теперь, когда я съ помощію вашихъ десяти рублей уплатилъ ей часть долга, только ворчитъ, а болѣе ничего. Что же касается до прочихъ, то и они ничего; у нихъ только не нужно денегъ въ займы просить, а то и они ничего. А въ заключеніе объясненій моихъ, скажу вамъ, маточка, что ваше уваженіе ко мнѣ считаю я выше всего на свѣтѣ и тѣмъ утѣшаюсь теперь во временныхъ безпорядкахъ моихъ. Слава Богу, что первый ударъ и первыя передряги миновали, и вы приняли это такъ, что не считаете меня вѣроломнымъ другомъ и себялюбцемъ за то, что я васъ у себя держалъ и обманывалъ васъ, не въ силахъ будучи съ вами разстаться и любя васъ, какъ моего ангельчика. Рачительно теперь принялся за службу и должность свою сталъ исправлять хорошо. Евстафій Ивановичъ хоть бы слово сказалъ, когда я мимо ихъ вчера проходилъ. Не скрою отъ васъ, маточка, что убиваютъ меня долги мои и худое положеніе моего гардероба, но это опять ничего, и объ этомъ тоже молю васъ— не отчаявайтесь, маточка. Посылаете мнѣ еще полтинничекъ, Варинька, и этотъ полтинничекъ мнѣ мое сердце пронзилъ. Такъ такъ-то оно теперь стало, такъ вотъ оно какъ! т. е. это не я, старый дуракъ, вамъ, ангельчику, помогаю, а вы,

сироточка моя бѣдненькая, мнѣ! Хорошо сдѣлала Ѳедора, что достала денегъ. Я покамѣстъ не имѣю надеждъ никакихъ, маточка, на полученіе, а если чуть возродятся какія-нибудь надежды, то отпишу вамъ обо всемъ подробно. Но сплетни, сплетни меня безпокоятъ болѣе всего. Прощайте, мой ангельчикъ. Цалую вашу ручку и умоляю васъ выздоравливать. Пишу отъ-того не подробно, что въ должность спѣшу, ибо стараніемъ и раченіемъ хочу загладить всѣ вины мои въ упущеніи по службѣ; дальнѣйшее же повѣствованіе о всѣхъ происшествіяхъ и о приключеніи съ офицерами откладываю до вечера.

Васъ уважающій и васъ сердечно любящій

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 28.

Эхъ, Варинька, Варинька! Вотъ именно-то теперь грѣхъ на вашей сторонѣ и на совѣсти вашей останется. Письмецомъ-то своимъ вы меня съ толку послѣдняго сбили, озадачили, да ужъ только теперь, какъ я на досугѣ во внутренность сердца моего проникъ, такъ и увидѣлъ, что правъ былъ, совершенно былъ правъ. Я не про дебошъ мой говорю (ну его, маточка, ну его!), а про то, что я люблю васъ и что вовсе не неблагоразумно мнѣ было любить васъ, вовсе не неблагоразумно. Вы, маточка, не знаете ничего; а вотъ еслибы знали только отъ-чего это все, отъ-чего это я долженъ васъ любить, такъ вы бы не то сказали. Вы это все резонное-то только такъ говорите, а я увѣренъ, что на сердцѣ-то у васъ вовсе не то.

Маточка моя, я и самъ-то не знаю и не помню хорошо всего, что было у меня съ офицерами. Нужно вамъ замѣтить, ангельчикъ мой, что до то-

го времени я былъ въ смущеніи ужаснѣйшемъ. Вообразите себѣ, что уже цѣлый мѣсяцъ, такъ сказать, на одной ниточкѣ крѣпился. Положеніе было пребѣдственное. Отъ васъ-то я скрывался, да и дома тоже, но хозяйка моя шуму и крику надѣлала. Оно бы мнѣ и ничего. Пусть бы кричала баба негодная, да одно то, что срамъ, а второе то, что она, Господь ее знаетъ какъ, объ нашей связи узнала, и такое про нее на весь домъ кричала, что я обомлѣлъ да и уши заткнулъ. Да дѣло-то въ томъ, что другіе своихъ ушей не затыкали, а напротивъ развѣсили ихъ. Я и теперь, маточка, куда мнѣ дѣваться не знаю...

И вотъ, ангельчикъ мой, все-то это, весь-то этотъ сбродъ всяческаго бѣдствія и доканалъ меня окончательно. Вдругъ странныя вещи слышу я отъ Ѳедоры, что въ домъ къ вамъ явился недостойный искатель и оскорбилъ васъ недостойнымъ предложеніемъ; что онъ васъ оскорбилъ, глубоко оскорбилъ, я по себѣ сужу, маточка, потому что и я самъ глубоко оскорбился. Тутъ-то я, ангельчикъ вы мой, и свихнулся, тутъ-то я и потерялся и пропалъ совершенно. Я, другъ вы мой, Варинька, выбѣжалъ въ бѣшенствѣ какомъ-то неслыханномъ, я къ нему хотѣлъ идти, грѣховоднику, я ужь и не зналъ, что я дѣлать хотѣлъ, потому что я не хочу, чтобы васъ, ангельчика моего, обижали. Ну, грустно было! а на ту пору дождь, слякоть, тоска была страшная!.. Я было ужь воротиться хотѣлъ... Тутъ-то я и палъ, маточка. Я Емелю встрѣтилъ, Емельяна Ильича, онъ чиновникъ, т. е. былъ чиновникъ, а теперь ужь не чиновникъ, потому что его отъ насъ выключили. — Онъ ужь, я и не знаю, что дѣлаетъ, какъ-то тамъ мается; вотъ мы съ нимъ и пошли.—Тутъ—ну, да что вамъ, Варинька, ну весело что ли про несча-

стія друга своего читать, бѣдствія его и исторію искушеній, имъ претерпѣнныхъ? На третій день, вечеромъ, ужь это Емеля подбилъ меня, я и пошелъ къ нему, къ офицеру-то. Адресъ-то я у нашего дворника спросилъ. Я, маточка, ужь если къ слову сказать пришлось, давно за этимъ молодцомъ примѣчалъ; слѣдилъ его, когда еще онъ въ домѣ у насъ квартировалъ. Теперь-то я вижу, что я неприличіе сдѣлалъ, потому что я не въ своемъ видѣ былъ, когда обо мнѣ ему доложили. Я, Варинька, ничего, по правдѣ, и не помню; помню, только, что у него было очень много офицеровъ, или это двоилось у меня—Богъ знаетъ. Я не помню также, что я говорилъ, только я знаю, что я много говорилъ въ благородномъ негодованіи моемъ. Ну, тутъ-то меня и выгнали, тутъ-то меня и съ лѣстницы сбросили, то есть оно не то, чтобы со всѣмъ сбросили, а только такъ вытолкали. Вы ужь знаете, Варинька, какъ я воротился; вотъ оно и все. Конечно, я себя уронилъ, и амбиція моя пострадала, но вѣдь этого никто не знаетъ, изъ постороннихъ-то никто, кромѣ васъ, не знаетъ; ну, а въ такомъ случаѣ, это все равно, что какъ бы его и не было. Можетъ быть, это и такъ, Варинька, какъ вы думаете? Что мнѣ только достовѣрно извѣстно, такъ это-то, что прошлый годъ у насъ Аксентій Осиповичъ такимъ же образомъ дерзнулъ на личность Петра Петровича, но по секрету, онъ это сдѣлалъ по секрету. Онъ его зазвалъ въ сторожевскую комнату, я это все въ щелочку видѣлъ, да ужь тамъ онъ какъ надобно было и распорядился, но благороднымъ образомъ, потому что этого никто не видалъ, кромѣ меня; ну, а я ничего, то есть я хочу сказать, что я не объявлялъ никому. Ну, а послѣ этого Петръ Петровичъ и Аксентій Осиповичъ ничего. Петръ Пе-

тровичъ, знаете, амбиціонный такой, такъ онъ и никому не сказалъ, такъ что они теперь и кланяются и руки жмутъ. Я не спорю, я, Варинька, съ вами спорить не смѣю, я глубоко упалъ, и что всего ужаснѣе, въ собственномъ мнѣніи своемъ проигралъ, но ужь это вѣрно мнѣ такъ на роду было написано, ужь это вѣрно судьба, — а отъ судьбы не убѣжишь, сами знаете. — Ну, вотъ и подробное объясненіе несчастій моихъ и бѣдствій, Варинька, вотъ—все такое, что хоть бы и не читать, такъ въ ту же пору.—Я немного нездоровъ, маточка моя; и всей игривости чувствъ лишился. Посему теперь свидѣтельствуя вамъ мою привязанность, любовь и уваженіе, пребываю, милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна,

покорнѣйшимъ слугою вашимъ,

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюля 29-го.

Милостивый государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Я прочла ваши оба письма, да такъ и ахнула! Послушайте, другъ мой, вы или отъ меня умалчиваете что нибудь и написали мнѣ только часть всѣхъ непріятностей вашихъ, или... право, Макаръ Алексѣевичъ, письма ваши еще отзываются какимъ-то разстройствомъ... Приходите ко мнѣ, ради Бога, приходите сегодня; да послушайте, вы знаете, ужь такъ прямо приходите къ намъ обѣдать. Я ужь и не знаю, какъ вы тамъ живете и какъ съ хозяйкой вашей уладились. Вы объ этомъ обо всемъ ничего не пишете и какъ будто съ намѣреніемъ умалчиваете. Такъ до свиданія, другъ мой; заходите къ намъ непремѣнно сегодня; да

ужь лучше бы вы сдѣлали, еслибъ и всегда приходили къ намъ обѣдать. Ѳедора готовитъ очень хорошо. Прощайте.

Ваша

Варвара Доброселова.

Августа 1-го,

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Рады вы, матушка, что Богъ вамъ случай послалъ въ свою очередь за добро добромъ отслужить и меня отблагодарить. Я этому вѣрю, Варинька, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, и не въ укоръ вамъ говорю,—только не попрекайте меня, какъ тогда, что я на старости лѣтъ замотался. Ну, ужь былъ грѣхъ такой, чтожь дѣлать!—если ужь хотите непремѣнно, чтобы тутъ грѣхъ какой былъ: только вотъ, отъ васъ-то, дружечикъ мой, слушать такое мнѣ многаго стоитъ! А вы на меня не сердитесь, что я это говорю; у меня въ груди-то, маточка, все изныло. Бѣдные люди капризны;—это ужь такъ отъ природы устроено. Я это и прежде чувствовалъ. Онъ, бѣдный-то человѣкъ, онъ взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждаго прохожаго косо глядитъ, да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову,—дескать, не про него ли тамъ что говорятъ? Что вотъ, дескать, чтоже онъ такой неказистый? чтобы онъ такое именно чувствовалъ? что вотъ, напримѣръ, каковъ онъ будетъ съ этого боку, каковъ будетъ съ того боку? И вѣдомо каждому, Варинька, что бѣдный человѣкъ хуже ветошки и никакого ни отъ кого уваженія получить не можетъ, что ужь тамъ ни пиши! они-то, пач-

куны-то эти, что ужь тамъ ни пиши—все будетъ въ бѣдномъ человѣкѣ такъ, какъ и было. А отъ чего же такъ и будетъ по прежнему? А отъ того, что ужь у бѣднаго человѣка, поихнему, все наизнанку должно быть; что ужь у него ничего не должно быть завѣтнаго, тамъ амбиціи какой нибудь ни-ни-ни! Вонъ Емеля говорилъ намедни, что ему гдѣ-то подписку дѣлали, такъ ему за каждый гривенникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, оффиціальный осмотръ дѣлали. Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ—анъ нѣтъ: они заплатили за то, что имъ бѣднаго человѣка показывали. Нынче, маточка, и благодѣянія-то какъ-то чудно дѣлаются... а, можетъ быть, и всегда такъ дѣлались, кто ихъ знаетъ! Или не умѣютъ они дѣлать, или ужь мастера большіе — одно изъ двухъ. Вы можетъ быть, этого не знали, ну, такъ вотъ вамъ! Въ чемъ другомъ мы насъ, а ужь въ этомъ извѣстны! А почему бѣдный человѣкъ знаетъ все это, да думаетъ все такое? А почему? — ну, по опыту! А отъ кого, напримѣръ, что онъ знаетъ, что есть подъ бокомъ у него такой господинъ, что вотъ идетъ куда нибудь къ ресторану да говоритъ самъ съ собой: что вотъ, дескать, эта голь-чиновникъ, что будетъ ѣсть сегодня? а я сте-папильйотъ буду ѣсть, а онъ, можетъ быть, кашу безъ масла ѣсть будетъ. — А какое ему дѣло, что я буду кашу безъ масла ѣсть? Бываетъ такой человѣкъ, Варинька, бываетъ, что только объ такомъ и думаетъ. И они ходятъ, пасквиланты неприличные, да смотрятъ, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь, али носочкомъ однимъ; что де, вотъ у такого-то чиновника, такого-то вѣдомства, титулярнаго совѣтника, изъ сапога голые пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны—и потомъ тамъ себѣ это все и описываютъ.

и дрянь такую печатаютъ... А какое тебѣ дѣло, что у меня локти продраны? Да, ужь если вы мнѣ простите, Варинька, грубое слово, такъ я вамъ скажу, что у бѣднаго человѣка на этотъ счетъ тотъ же самый стыдъ, какъ и у васъ, примѣромъ сказать, дѣвическій. Вѣдь вы передъ всѣми—грубое-то словцо мое простите—разоблачаться не станете; вотъ такъ точно и бѣдный человѣкъ не любитъ, чтобы въ его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то тамъ его отношенія будутъ семейныя—вотъ. А то, что было тогда обижать меня, Варинька, купно со врагами моими, на честь и амбицію честнаго человѣка посягающими!

Да и въ присутствіи-то я сегодня сидѣлъ такимъ медвѣженкомъ, такимъ воробьемъ ощипаннымъ, что чуть самъ за себя со стыда не сгорѣлъ. Стыденько мнѣ было. Варинька! Да, ужь натурально робѣешь, когда сквозь одежду голые локти свѣтятся, да пуговки на ниточкахъ мотаются. А у меня, какъ нарочно, все это было въ такомъ безпорядкѣ! Поневолѣ упадаешь духомъ. Чего!.. самъ Степанъ Карловичъ сегодня началъ было по дѣлу со мной говорить, говорилъ-говорилъ, да какъ будто невзначай и прибавилъ:«Эхъ вы, батюшка Макаръ Алексѣевичъ!» да и не договорилъ остальнаго-то объ чемъ онъ думалъ, а только я ужь самъ обо всемъ догадался, да такъ покраснѣлъ, что даже лысина моя покраснѣла. Оно въ сущности-то и ничего, да все-таки безпокойно, на размышленія наводитъ тяжкія. Ужь не провѣдали ли чего они! А Боже сохрани, ну, какъ объ чемъ нибудь провѣдали! Я, признаюсь, подозрѣваю, сильно подозрѣваю одного человѣчка. Вѣдь этимъ злодѣямъ нипочемъ! выдадутъ! всю частную твою жизнь ни за грошъ выдадутъ;—святаго ничего не имѣется.

Я знаю теперь, чья это штука: это Ратазяева

штука. Онъ съ кѣмъ-то знакомъ въ нашемъ вѣдомствѣ, да вѣрно такъ, между разговоромъ, и передалъ ему все съ прибавленіями; или пожалуй, разсказалъ въ своемъ вѣдомствѣ, а оно выползло въ наше вѣдомство. А въ квартирѣ у насъ всѣ все до послѣдняго знаютъ, и къ вамъ въ окно пальцемъ показываютъ; это ужь я знаю, что показываютъ. А какъ я вчера къ вамъ обѣдать пошелъ, то всѣ они изъ оконъ повысовывались, а хозяйка сказала, что вотъ, дескать, чортъ съ младенцемъ связались, да и васъ она назвала потомъ неприлично. Но все же это ничто передъ гнуснымъ намѣреніемъ Ратазяева насъ съ вами въ литературу свою помѣстить и въ тонкой сатирѣ насъ описать; онъ это самъ говорилъ, а мнѣ добрые люди изъ нашихъ пересказали. Я ужь и думать ни о чемъ не могу, маточка, и рѣшиться не знаю на что. Нечего грѣха таить, прогнѣвили мы Господа Бога, ангельчикъ мой! Вы, маточка, мнѣ книжку какую-то хотѣли, ради скуки, прислать. А ну ее, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небылица въ лицахъ! И романъ вздоръ, и для вздора написанъ, такъ, празднымъ людямъ читать: повѣрьте мнѣ, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте. И что тамъ, если они васъ заговорятъ Шекспиромъ какимъ нибудь, что, дескать, видишь ли, въ литературѣ Шекспиръ есть,—такъ и Шекспиръ вздоръ, все это сущій вздоръ, и все для одного пасквиля сдѣлано!

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 2.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Не безпокойтесь ни объ чемъ; дастъ Господь

Богъ все уладится. Ѳедора достала и себѣ и мнѣ кучу работы, и мы превесело принялись за дѣло; можетъ-быть, и все поправимъ. Подозрѣваетъ она, что всѣ мои послѣднія непріятности не чужды Анны Ѳедоровны; но теперь мнѣ все равно. Мнѣ сегодня какъ-то необыкновенно весело. Вы хотите занимать деньги; — сохрани васъ Господи! послѣ не оберетесь бѣды, когда отдавать будетъ нужно. Лучше живите-ка съ нами покороче, приходите къ намъ почаще и не обращайте вниманія на вашу хозяйку. Что же касается до остальныхъ враговъ и недоброжелателей вашихъ, то я увѣрена, что вы мучаетесь напрасными сомнѣніями, Макаръ Алексѣевичъ! Смотрите, вѣдь я вамъ говорила прошедшій разъ, что у васъ слогъ чрезвычайно неровный. Ну, прощайте, до свиданья. Жду васъ непремѣнно къ себѣ.

Ваша

В. Д.

Августа 3.

Ангельчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Спѣшу вамъ сообщить, жизненочикъ вы мой, что у меня надежды родились кое-какія. Да позвольте, дочечка вы моя — пишете, ангельчикъ, чтобъ мнѣ займовъ не дѣлать? Голубчикъ вы мой, невозможно безъ нихъ; ужь и мнѣ-то худо, да и съ вами-то, чего добраго, что-нибудь вдругъ да не такъ! вѣдь вы слабенькія; такъ вотъ я къ тому и пишу, что занять-то непремѣнно нужно. Ну такъ я и продолжаю.

— Замѣчу вамъ, Варвара Алексѣевна, что въ присутствіи я сижу рядомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Это не съ тѣмъ Емельяномъ, котораго вы знаете. Этотъ, такъ-же какъ и я, титулярный

совѣтникъ, и мы съ нимъ во всемъ нашемъ вѣдомствѣ чуть ли не самые старые, коренные служивые. Онъ добрая душа, безкорыстная душа, да неразговорчивый такой, и всегда настоящимъ медвѣдемъ смотритъ. За то дѣловой, перо у него чистый англійскій почеркъ, и если ужь всю правду сказать, то не хуже меня пишетъ,—достойный человѣкъ! Коротко мы съ нимъ никогда не сходились, а такъ только, по обычаю, прощайте да здравствуйте; да если подъ часъ мнѣ ножичекъ надобился, то случалось попрошу—дескать, дайте, Емельянъ Ивановичъ, ножичка, однимъ словомъ, было только то, что общежитіемъ требуется. Вотъ онъ и говоритъ мнѣ сегодня: Макаръ Алексѣевичъ, что, дескать, вы такъ призадумались? Я вижу, что добра желаетъ мнѣ человѣкъ, да и открылся ему—дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ, т. е. всего не сказалъ, да и Боже сохрани, никогда не скажу, потому-что сказать-то нѣтъ духу, а такъ кое въ чемъ открылся ему, что вотъ, дескать, стѣсненъ, и тому подобное. «А вы бы, батюшка», говоритъ Емельянъ Ивановичъ: «вы бы заняли; вотъ хоть бы у Петра Петровича заняли, онъ даетъ на проценты; я занималъ; и процентъ беретъ пристойный—неотягчительный.» Ну, Варинька, вспрыгнуло у меня сердечко. Думаю-думаю, авось Господь ему на душу положитъ, Петру Петровичу благодѣтелю, да и дастъ онъ мнѣ взаймы. Самъ ужь и разсчитываю, что вотъ бы-де и хозяйкѣ-то заплатилъ и вамъ бы помогъ, да и самъ бы кругомъ обчинился, а то такой срамъ: жутко даже на мѣстѣ сидѣть, кромѣ того, что вотъ зубоскалы-то наши смѣются, Богъ съ ними! Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходятъ; ну, сохрани Боже, бросятъ взоръ на меня, да примѣтятъ, что я одѣтъ неприлично! А у нихъ

главное — чистота и опрятность. Они-то, пожалуй, и ничего не скажутъ, да я то отъ стыда умру, — вотъ какъ это будетъ. Вслѣдствіе чего, я, скрѣпившись и спрятавъ свой стыдъ въ дырявый карманъ, направился къ Петру Петровичу, и надежды-то полнъ, и ни живъ ни мертвъ отъ ожиданія — все вмѣстѣ. Ну, что же, Варинька, вѣдь все вздоромъ и кончилось! Онъ что-то былъ занятъ, говорилъ съ Ѳедосѣемъ Ивановичемъ. Я къ нему подошелъ съ боку да и дернулъ его за рукавъ: дескать, Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! — Онъ оглянулся, а я продолжаю: что, дескать, вотъ такъ и такъ, рублей тридцать, и т. д. — Онъ сначала было не понялъ меня, а потомъ, когда я объяснилъ ему все, такъ онъ и засмѣялся, да и ничего, замолчалъ. Я опять къ нему съ тѣмъ же. А онъ мнѣ — закладъ у васъ есть? — А самъ уткнулся въ свою бумагу, пишетъ и на меня не глядитъ. — Я немного оторопѣлъ. Нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ, заклада нѣтъ, — да и объясняю ему — что вотъ, дескать, какъ будетъ жалованье, такъ я и отдамъ, непремѣнно отдамъ, первымъ долгомъ почту. — Тутъ его кто-то позвалъ, я подождалъ его, онъ воротился, да и сталъ перо чинить, а меня какъ-будто не замѣчаетъ. А я все про свое — что, дескать, Петръ Петровичъ, нельзя ли какъ-нибудь? Онъ молчитъ и какъ-будто не слышитъ, я постоялъ-постоялъ, ну, думаю, попробую въ послѣдній разъ, да и дернулъ его за рукавъ. Онъ хоть бы что-нибудь вымолвилъ, очинилъ перо, да и сталъ писать; я и отошелъ. Они, маточка, видите ли, можетъ-быть и достойные люди всѣ, да гордые, очень гордые, — что мнѣ! Куда намъ до нихъ, Варинька! Я къ тому вамъ и писалъ все это. — Емельянъ Ивановичъ тоже засмѣялся, да головой покачалъ, за то обнадежилъ меня, сер-

дечный. Емельянъ Ивановичъ достойный человѣкъ. Обѣщалъ онъ меня рекомендовать одному человѣку; человѣкъ-то этотъ, Варинька, на Выборгской живетъ, тоже даетъ на проценты, 14-го класса какой-то. Емельянъ Ивановичъ говоритъ, что́ этотъ уже непремѣнно дастъ; я завтра, ангельчикъ мой, пойду, — а? Какъ вы думаете? Вѣдь бѣда не занять! Хозяйка меня чуть съ квартиры не гонитъ и обѣдать мнѣ давать не соглашается. Да и сапоги-то у меня больно худы, маточка, да и пуговокъ нѣтъ... да того ли еще нѣтъ у меня! А ну какъ изъ начальства-то кто-нибудь замѣтитъ подобное неприличіе? Бѣда, Варинька, бѣда, просто бѣда!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 4.

Любезный Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите сколько-нибудь денегъ; я бы ни за что не попросила у васъ помощи въ теперешнихъ обстоятельствахъ, но если бы вы знали, каково мое положеніе! Въ этой квартирѣ намъ никакъ нельзя оставаться. У меня случились ужаснѣйшія непріятности, и если бы вы знали, въ какомъ я теперь разстройствѣ и волненіи! Вообразите, другъ мой: сегодня утромъ входитъ къ намъ человѣкъ незнакомый, пожилыхъ лѣтъ, почти старикъ, съ орденами. Я изумилась, не понимая чего ему нужно у насъ? Ѳедора вышла въ это время въ лавочку. Онъ сталъ меня разспрашивать, какъ я живу и что дѣлаю, и не дождавшись отвѣта, объявилъ мнѣ, что онъ дядя того офицера; что онъ очень сердитъ на племянника за его дурное поведеніе, и за то, что онъ ославилъ насъ на весь

домъ; сказалъ, что племянникъ его мальчишка и вѣтрогонъ, и что онъ готовъ взять меня подъ свою защиту; не совѣтовалъ мнѣ слушать молодыхъ людей, прибавилъ, что онъ соболѣзнуетъ обо мнѣ какъ отецъ, что онъ питаетъ ко мнѣ отеческія чувства, и готовъ мнѣ во всемъ помогать. Я вся краснѣла, не знала что и подумать, но не спѣшила благодарить. Онъ взялъ меня насильно за руку, потрепалъ меня по щекѣ, сказалъ, что я прехорошенькая, и что онъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что у меня есть на щекахъ ямочки (Богъ знаетъ, что онъ говорилъ!), и наконецъ хотѣлъ меня поцаловать, говоря, что онъ уже старикъ (онъ былъ такой гадкой!) — Тутъ вошла Ѳедора. Онъ немного смутился и опять заговорилъ, что чувствуетъ ко мнѣ уваженіе за мою скромность и благонравіе, и что очень желаетъ, чтобы я его не чуждалась. Потомъ отозвалъ въ сторону Ѳедору и подъ какимъ-то страннымъ предлогомъ хотѣлъ дать ей сколько-то денегъ. Ѳедора, разумѣется, не взяла. Наконецъ онъ собрался домой, повторилъ еще разъ всѣ свои увѣренія, сказалъ, что еще разъ ко мнѣ пріѣдетъ и привезетъ мнѣ сережки (кажется, онъ самъ былъ очень смущенъ); совѣтовалъ мнѣ перемѣнить квартиру и рекомендовалъ мнѣ одну прекрасную квартиру, которая у него на примѣтѣ и которая мнѣ ничего не будетъ стоить; сказалъ, что онъ очень полюбилъ меня за тѣмъ, что я честная и благоразумная дѣвушка, совѣтовалъ остерегаться развратной молодежи и наконецъ объявилъ, что знаетъ Анну Ѳедоровну, и что Анна Ѳедоровна поручила ему сказать мнѣ, что она сама навѣститъ меня. Тутъ я все поняла. Я не знаю, что со мною сталось; въ первый разъ въ жизни я испытывала такое положеніе; я изъ себя вышла; я застыдила его со-

всѣмъ. Ѳедора помогла мнѣ и почти выгнала его изъ квартиры. Мы рѣшили, что это все дѣло Анны Ѳедоровны: иначе съ какой стороны ему знать о насъ?

Теперь я къ вамъ обращаюсь, Макаръ Алексѣевичъ, и молю васъ о помощи. Не оставляйте меня, ради Бога, въ такомъ положеніи! Займите; пожалуйста, хоть сколько нибудь достаньте денегъ, намъ не на что съѣхать съ квартиры, а оставаться здѣсь никакъ нельзя болѣе: такъ и Ѳедора совѣтуетъ. Намъ нужно по крайней мѣрѣ рублей 25; я вамъ эти деньги отдамъ; я ихъ заработаю; Ѳедора мнѣ на-дняхъ еще работы достанетъ, такъ, что если васъ будутъ останавливать большіе проценты, то вы не смотрите на нихъ и согласитесь на все. Я вамъ все отдамъ, только ради Бога не оставьте меня помощію. Мнѣ многаго стоитъ безпокоить васъ теперь, когда вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ одного вся надежда моя! Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, подумайте обо мнѣ, и дай вамъ Богъ успѣха!

В. Д.

Августа 4.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Вотъ эти-то всѣ удары неожиданные и потрясаютъ меня! Вотъ такія-то бѣдствія страшныя и убиваютъ духъ мой! Кромѣ того, что сбродъ этихъ лизоблюдниковъ разныхъ и старикашекъ негодныхъ васъ, моего ангельчика, на болѣзненный одръ свести хочетъ, кромѣ этого всего — они и меня, лизоблюды-то эти, извести хотятъ. И изведутъ, клятву кладу, что изведутъ! Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умереть готовъ, чѣмъ вамъ не помочь! — Не помоги я вамъ, такъ ужь тутъ смерть моя,

Варинька, тутъ ужь чистая, настоящая смерть, а помоги, такъ вы тогда у меня улетите, какъ пташка изъ гнѣздышка, которую совы-то эти, хищныя птицы заклевать собирались. Вотъ это то меня и мучаетъ, маточка. Да и вы-то, Варинька, вы-то какія жестокія! Какъ же вы это? Васъ мучаютъ, васъ обижаютъ, вы, птенчикъ мой, страдаете, да еще горюете, что меня безпокоить нужно, да еще обѣщаетесь долгъ заработать, то-есть, по правдѣ сказать, убиваться будете съ вашимъ здоровьемъ слабенькимъ, чтобъ меня къ сроку выручить. Да вѣдь вы, Варинька, только подумайте, о чемъ вы толкуете! Да зачѣмъ же вамъ шить, зачѣмъ же работать, головку свою бѣдную заботою мучить, ваши глазки хорошенькіе портить и здоровье свое убивать? Ахъ, Варинька, Варинька! видите ли, голубчикъ мой, я никуда не гожусь, и самъ знаю, что никуда не гожусь, но я сдѣлаю такъ, что буду годиться! Я все превозмогу, я самъ работы посторонней достану, переписывать буду разныя бумаги разнымъ литераторамъ, пойду къ нимъ, самъ пойду, навяжусь на работу; потому-что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, я это знаю, что ищутъ, а вамъ себя изнурять не дамъ; пагубнаго такого намѣренія не дамъ вамъ исполнить. Я, ангельчикъ мой, непремѣнно займу, и скорѣе умру, чѣмъ не займу. И пишете, голубушка вы моя, чтобы я проценту не испугался большаго — и не испугаюсь, маточка, не испугаюсь, ничего теперь неиспугаюсь. Я, маточка, попрошу 40 рублей ассигнаціями; вѣдь не много, Варинька, какъ вы думаете? Можно ли сорокъ-то рублей мнѣ съ перваго слова повѣрить? то-есть, я хочу сказать, считаете ли вы меня способнымъ внушить, съ перваго взгляда, вѣроятіе и довѣренность? По физіономіи-то, по первому взгляду, можно ли судить обо

мнѣ благопріятнымъ образомъ? Вы припомните, ангельчикъ, способенъ ли я ко внушенію-то? Какъ вы тамъ отъ себя полагаете? Знаете ли, страхъ такой чувствуется, — болѣзненно, истинно сказать болѣзненно! Изъ сорока рублей двадцать пять отлагаю на васъ, Варинька; два цѣлковыхъ хозяйкѣ, а остальное назначено для собственной траты. Видите ли, хозяйкѣ-то слѣдовало бы дать и побольше, даже необходимо; но вы сообразите все дѣло, маточка, перечтите-ка всѣ мои нужды, такъ и увидите, что ужь никакъ нельзя болѣе дать, слѣдовательно, нечего и говорить объ этомъ, да и упоминать не нужно. На рубль серебромъ куплю сапоги; я ужь и не знаю, способенъ ли я буду въ старыхъ-то завтра въ должность явиться. Платочекъ шейный тоже былъ бы необходимъ, ибо старому скоро годъ минетъ; но такъ какъ вы мнѣ изъ стараго фартучка вашего не только платокъ, но и манишку выкроить обѣщались, то я о платкѣ и думать больше не буду. Такъ вотъ сапоги и платокъ есть. Теперь пуговки, дружокъ мой! вѣдь вы согласитесь, крошечка моя, что мнѣ безъ пуговокъ быть нельзя; а у меня чуть-ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могутъ такой безпорядокъ замѣтить, да скажутъ — да что скажутъ! Я, маточка, и не услышу, что скажутъ; ибо умру, умру, на мѣстѣ умру, такъ-таки возьму да и умру отъ стыда, отъ мысли одной!—Охъ, маточка!—Да вотъ еще останется отъ всѣхъ необходимостей трехрублевикъ; такъ вотъ это на жизнь, и на полфунтика табачку; потому-что, ангельчикъ мой, я безъ табаку-то жить не могу, а ужь вотъ девятый день трубки въ ротъ не бралъ. Я бы, по совѣсти говоря, купилъ бы, да и вамъ ничего не сказалъ, да совѣстно. Вотъ у васъ тамъ бѣда, вы послѣд-

няго лишаетесь, а я здѣсь разными удовольствіями наслаждаюсь; такъ вотъ для того и говорю вамъ все это, чтобы угрызенія совѣсти не мучили. Я вамъ откровенно признаюсь, Варинька, я теперь въ крайне-бѣдственномъ положеніи, то-есть рѣшительно ничего подобнаго никогда со мной не бывало. Хозяйка презираетъ меня, уваженія ни отъ кого нѣтъ никакого; недостатки страшнѣйшіе, долги; а въ должности, гдѣ отъ своего брата чиновника и прежде мнѣ не было масляницы, — теперь маточка, и говорить нечего. Я скрываю, я тщательно отъ всѣхъ все скрываю, и самъ скрываюсь, и въ должность-то вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ. Вѣдь это вамъ только признаться достаетъ у меня силы душевной... А ну, какъ не дастъ! Ну, нѣтъ лучше, Варинька, и не думать объ этомъ, и такими мыслями заранѣе не убивать души своей. Къ тому и пишу это, чтобы предостеречь васъ, чтобы сами вы объ этомъ не думали и мыслію злою не мучились. Ахъ, Боже мой, что это съ вами-то будетъ тогда! Оно, правда и то, что вы тогда съ этой квартиры не съѣдете, и я буду съ вами, — да, нѣтъ, ужь я и не ворочусь тогда, я просто сгину куда-нибудь, пропаду. Вотъ я вамъ здѣсь расписался, а побриться бы нужно, оно все благообразнѣе, а благообразіе всегда умѣетъ найдти. Ну, дай-то Господи! Помолюсь, да и въ путь!

М. Дѣвушкинъ.

Августа 5.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Ужь хоть вы-то бы не отчаявались! И такъ горя довольно. — Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; больше никакъ не могу. Купите себѣ тамъ

что вамъ болѣе нужно, чтобы хоть до завтра прожить какъ-нибудь. У насъ у самихъ почти ничего не осталось, а завтра ужь и не знаю что будетъ. Грустно, Макаръ Алексѣевичъ! Впрочемъ, не грустите; не удалось, такъ что жь дѣлать! Ѳедора говоритъ, что еще не бѣда, что можно до времени и на этой квартирѣ остаться, что если бы и переѣхали, такъ все бы не много выгадали, и что если захотятъ, такъ вездѣ насъ найдутъ. Да только все какъ-то не хорошо здѣсь оставаться теперь. Если бы не грустно было, я бы вамъ кое-что написала.

Какой у васъ странный характеръ, Макаръ Алексѣевичъ! Вы ужь слишкомъ-сильно все принимаете къ сердцу; отъ этого вы всегда будете несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Я внимательно читаю всѣ ваши письма и вижу, что въ каждомъ письмѣ вы обо мнѣ такъ мучаетесь и заботитесь, какъ никогда о себѣ не заботились. Всѣ, конечно, скажутъ, что у васъ доброе сердце, но я скажу, что оно ужь слишкомъ доброе. Я вамъ даю дружескій совѣтъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я вамъ благодарна, очень благодарна за все, что вы для меня сдѣлали, я все это очень чувствую; такъ судите же, каково мнѣ видѣть, что вы и теперь, послѣ всѣхъ вашихъ бѣдствій, которыхъ я была невольною причиною,—что и теперь живете только тѣмъ, что я живу: моими радостями, моими горестями, моимъ сердцемъ! Если принимать все чужое такъ къ сердцу и если такъ сильно всему сочувствовать, то, право, есть отъ-чего быть несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Сегодня, когда вы вошли ко мнѣ послѣ должности, я испугалась глядя на васъ. Вы были такой блѣдный, перепуганный, отчаянный: на васъ лица не было, — и все отъ-того, что вы боялись мнѣ разсказать о своей неудачѣ, боялись меня

огорчить, меня испугать, а какъ увидѣли, что я чуть не засмѣялась, то у васъ почти все отлегло отъ сердца. Макаръ Алексѣевичъ! вы не печальтесь, не отчаявайтесь, будьте благоразумнѣе, — прошу васъ, умоляю васъ объ этомъ. Ну, вотъ вы увидите, что все будетъ хорошо, все перемѣнится къ лучшему; а то вамъ тяжело будетъ жить, вѣчно тоскуя, и болѣе чужимъ горемъ. Прощайте, мой другъ; умоляю васъ не безпокойтесь слишкомъ обо мнѣ.

В. Д.

Августа 5-го.

Голубчикъ мой Варинька!

Ну, хорошо, ангельчикъ мой, хорошо! Вы рѣшили, что еще не бѣда отъ-того, что я денегъ не досталъ. Ну, хорошо, я спокоенъ, я счастливъ на вашъ счетъ. Даже радъ, что вы меня, старика, не покидаете и на этой квартирѣ останетесь. Да ужь если все говорить, такъ и сердце-то мое все радостію переполнилось, когда я увидѣлъ, что вы обо мнѣ, въ своемъ письмецѣ, такъ хорошо написали и чувствамъ моимъ должную похвалу воздали. Я это не отъ гордости говорю, но отъ-того, что вижу какъ вы меня любите, когда объ сердцѣ моемъ такъ безпокоитесь. Ну, хорошо; что ужь теперь объ сердцѣ-то моемъ говорить! Сердце само-по-себѣ; — а вотъ вы наказываете, маточка, чтобы я малодушнымъ не былъ. Да, ангельчикъ мой, пожалуй и самъ скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ, рѣшите сами, маточка моя, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду!—Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить. А главное, родная моя, что я не для себя

и тужу, не для себя и страдаю; по мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить, я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего; человѣкъ-то я простой, маленькій;— но что люди скажутъ? — Враги-то мои, злые—то языки эти всѣ что заговорятъ, когда безъ шинели пойдешь? Вѣдь для людей и въ шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для нихъ же носишь. Сапоги въ такомъ случаѣ, маточка, душечка вы моя, нужны мнѣ для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало,—повѣрьте, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте; меня старика, знающаго свѣтъ и людей, послушайте, а не пачкуновъ какихъ-нибудь и марателей.

А я вамъ еще и не разсказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня. А того я натерпѣлся, столько тяготы душевной въ одно утро вынесъ, чего иной и въ цѣлый годъ не вынесетъ. Вотъ оно было какъ:—пошелъ во первыхъ я, ранымъ-ранешенько, чтобы и его-то застать, да и на службу поспѣть. Дождь былъ такой, слякоть такая была сегодня! Я, ясочка моя, въ шинель-то закутался, иду-иду, да все думаю:—Господи! прости, дескать, мои согрѣшенія и пошли исполненіе желаній.—Мимо...ской церкви прошелъ, перекрестился, во всѣхъ грѣхахъ покаяся, да вспомнилъ, что недостойно мнѣ съ Господомъ Богомъ уговариваться. Погрузился я въ себя самаго, и глядѣть ни на что не хотѣлось; такъ ужь не разбирая дороги пошелъ. На улицахъ было пусто, а кто встрѣчался, такъ все такіе занятые, озабоченные, да и не диво: кто въ такую пору раннюю и въ такую погоду гулять пойдетъ! Артель работниковъ испачканныхъ повстрѣчалась со мною; затолкали меня мужичье! Робость нашла

на меня, жутко становилось, ужь я объ деньгахъ-то и думать, по правдѣ, не хотѣлъ, — на авось такъ на авось! У самаго Воскресенскаго моста у меня подошва отстала, такъ что ужь и самъ не знаю на чемъ я пошелъ. А тутъ нашъ писарь Ермолаевъ повстрѣчался со мною, вытянулся, стоитъ глазами провожаетъ, словно на водку проситъ; эхъ, братецъ, подумалъ я; на водку, ужь какая тутъ водка! Усталъ я ужасно, пріостановился, отдохнулъ немного, да и потянулся дальше. Нарочно разглядывалъ, къ чему бы мыслями прилѣпиться, развлечься, пріободриться: да нѣтъ — ни одной мысли ни къ чему не могъ прилѣпить, да и загрязнился въ добавокъ такъ, что самаго себя стыдно стало. Увидѣлъ наконецъ я издали домъ деревянный желтый, съ мезониномъ въ родѣ бельведера— ну, такъ, думаю, такъ оно и есть, такъ и Емельянъ Ивановичъ говорилъ,—Маркова домъ. (Онъ и есть этотъ Марковъ, маточка, что на проценты даетъ). Я ужь и себя тутъ не вспомнилъ, и вѣдь зналъ, что Маркова домъ, а спросилъ-таки будочника—чей, дескать, это, братецъ, домъ? Будочникъ такой грубіянъ, говоритъ нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цѣдитъ, — да ужь такъ говоритъ, это Маркова домъ.—Будочники эти всѣ такіе нечувствительные, а что мнѣ будочникъ? — А вотъ все какъ-то было впечатлѣніе дурное и непріятное, словомъ, все одно къ одному; изо всего что-нибудь выведешь сходное съ своимъ положеніемъ, и это всегда такъ бываетъ. Мимо дома-то я три конца далъ по улицѣ, и чѣмъ больше хожу, тѣмъ хуже становится; — нѣтъ, думаю, не дастъ, ни за что не дастъ! И человѣкъ-то я незнакомый, и дѣло-то мое щекотливое, и фигурой я не беру — ну, думаю, какъ судьба рѣшитъ; чтобы послѣ только не каяться,

за попытку не съѣдятъ же меня,—да и отворилъ потихоньку калитку. А тутъ другая бѣда: навязалась на меня дрянная, глупая собаченка дворная; лѣзетъ изъ кожи, заливается! — И вотъ такіе-то подлые, мелкіе случаи и взбѣсятъ всегда человѣка, маточка, и робость на него наведутъ, и всю рѣшимость, которую заранѣ обдумалъ, уничтожатъ; такъ что я вошелъ въ домъ ни живъ, ни мертвъ, вошелъ да прямо еще на бѣду, — не разглядѣлъ что такое внизу въ потьмахъ у порога, ступилъ да и споткнулся объ какую-то бабу, а баба молоко изъ подойника въ кувшины цѣдила, и все молоко пролила. Завизжала, затрещала глупая баба,—дескать куда ты, батюшка, лѣзешь, чего тебѣ надо? да и пошла причитать про нелегкое. Я, маточка, это къ тому замѣчаю, что всегда со мной такое же случалось въ подобнаго рода дѣлахъ; знать ужь мнѣ написано такъ; вѣчно-то я зацѣплюсь за что-нибудь постороннее. Высунулась на шумъ старая вѣдьма и чухонка хозяйка, я прямо къ ней,— здѣсь, дескать, Марковъ живетъ? Нѣтъ, говоритъ; постояла, оглядѣла меня хорошенько. — «А вамъ что до него?» Я объясняю ей, что дескать такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ,—ну, и про остальное; — говорю, дѣльцо есть. Старуха кликнула дочку — вошла и дочка, дѣвочка въ лѣтахъ босоногая,—«кликни отца; онъ наверху у жильцевъ,— пожалуйте». Вошелъ я. Комната ничего, на стѣнахъ картинки висятъ, все генераловъ какихъ-то портреты, диванъ стоитъ, столъ круглый, резеда, бальзаминчики—думаю-думаю не убраться ли полно мнѣ по добру по здорову, уйти или нѣтъ? и вѣдь ей-ей, маточка, хотѣлъ убѣжать! Я лучше, думаю, завтра приду; и погода лучше будетъ, и я-то пережду,—а сегодня вонъ и молоко пролито, и генералы-то смотрятъ такіе сердитые... Я ужь и къ

двери, да онъ то вошелъ—такъ себѣ, сѣденькій, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревкой подпоясанъ. Освѣдомился къ чему и какъ, а я ему: дескать, такъ и такъ, вотъ Емельянъ Ивановичъ,—рублей сорокъ, говорю; дѣло такое—да и не договорилъ. Изъ глазъ его увидалъ, что проиграно дѣло. «Нѣтъ, ужь что, говоритъ, дѣло, у меня денегъ нѣтъ; а что у васъ закладъ что ли какой?» Я было сталъ объяснять, что дескать заклада нѣтъ, а вотъ Емельянъ Ивановичъ,—объясняю, однимъ словомъ, что нужно. Выслушавъ все—нѣтъ, говоритъ, что Емельянъ Ивановичъ! у меня денегъ нѣтъ. — Ну, думаю, такъ, все такъ; зналъ я про это, предчувствовалъ—ну, просто, Варинька, лучше бы было, если бы земля подо мной разступилась; холодъ такой, ноги окоченѣли, мурашки по спинѣ пробѣжали. Я на него смотрю, а онъ на меня смотритъ, да чуть не говоритъ — что дескать, ступай-ка ты, братъ, здѣсь тебѣ нечего дѣлать—такъ что, еслибъ въ другомъ случаѣ было бы такое же, такъ совсѣмъ бы засовѣстился.— Да что вамъ, зачѣмъ деньги надобны?—(вѣдь вотъ про что спросилъ, маточка!) Я было ротъ разинулъ, чтобы только такъ не стоять даромъ, да онъ и слушать не сталъ—нѣтъ, говоритъ, денегъ нѣтъ; я бы, говоритъ, съ удовольствіемъ. Ужь я ему представлялъ, представлялъ, говорю, что вѣдь я немножко, я дескать, говорю, вамъ отдамъ, въ срокъ отдамъ, и что я еще до срока отдамъ, что и процентъ пусть какой угодно беретъ, и что я ей-Богу отдамъ. Я, маточка, въ это мгновеніе васъ вспомнилъ, всѣ ваши несчастія и нужды вспомнилъ, вашъ полтинничекъ вспомнилъ — да нѣтъ, говоритъ, что проценты, вотъ еслибъ закладъ! А то у меня денегъ нѣтъ, ей-Богу нѣтъ; я бы, го-

воритъ съ удовольствіемъ,—еще и побожился, разбойникъ!

Ну, тутъ ужь, родная моя, я и не помню какъ вышелъ, какъ прошелъ Выборгскую, какъ на Воскресенскій мостъ попалъ, усталъ ужасно, прозябъ, продрогъ и только въ десять часовъ въ должность успѣлъ явиться. Хотѣлъ-было себя пообчистить отъ грязи, да Снегиревъ сторожъ сказалъ, что нельзя что щетку испортишь, а щетка, говоритъ, баринъ, казенная. Вотъ они какъ теперь, маточка, такъ что я и у этихъ господъ чуть ли не хуже ветошки, объ которую ноги обтираютъ. Вѣдь меня что, Варинька, убиваетъ?—Не деньги меня убиваютъ, а всѣ эти тревоги житейскія, всѣ эти шопоты, улыбочки, шуточки. Его превосходительство невзначай какъ-нибудь могутъ отнестись на мой счетъ — охъ, маточка, времена-то мои прошли золотыя! Сегодня перечиталъ я всѣ ваши письма; грустно, маточка! Прощайте, родная, Господь васъ храни!

М. Дѣвушкинъ.

P. S. Горе-то мое, Варинька, хотѣлъ я вамъ описать пополамъ съ шуточкой, только видно она не дается мнѣ, шуточка-то. Вамъ хотѣлось угодить.—Я къ вамъ зайду, маточка, непремѣнно зайду, завтра зайду.

Августа 11-го.

Варвара Алексѣевна! голубчикъ мой, маточка! Пропалъ я, пропали мы оба, оба вмѣстѣ, безвозвратно пропали. Моя репутація, амбиція—все потеряно! Я погибъ, и вы погибли, маточка, и вы, вмѣстѣ со мной, безвозвратно погибли! Это я, я васъ въ погибель ввелъ! Меня гонятъ, маточка, презираютъ, на смѣхъ подымаютъ, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня

сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила. А вечеромъ у Ратазяева кто-то изъ нихъ сталъ вслухъ читать одно письмо черновое, которое я вамъ написалъ, да выронилъ невзначай изъ кармана. Матушка моя, какую они насмѣшку подняли! Величали, величали насъ, хохотали, хохотали, предатели! Я вошелъ къ нимъ и уличилъ Ратазяева въ вѣроломствѣ; сказалъ ему, что онъ предатель! А Ратазяевъ отвѣчалъ мнѣ, что я самъ предатель, что я конкетами разными занимаюсь; говоритъ, — вы скрывались отъ насъ, вы дескать Ловеласъ; и теперь всѣ меня Ловеласомъ зовутъ, и имени другаго нѣтъ у меня! Слышите ли ангельчикъ мой, слышите ли — они теперь все знаютъ, обо всемъ извѣстны, и объ васъ, родная моя, знаютъ и обо всемъ, что ни есть у васъ, обо всемъ знаютъ! Да чего! и Фальдони туда же, и онъ заодно съ ними; послалъ я его сегодня въ колбасную, такъ, принести кой-чего; не идетъ да и только, дѣло есть говоритъ! Да вѣдь ты жь обязанъ,—я говорю.— «Да нѣтъ же, говоритъ, не обязанъ, вы вонъ моей барынѣ денегъ не платите, такъ я вамъ и не обязанъ.» Я не вытерпѣлъ отъ него, отъ необразованнаго мужика, оскорбленія, да и сказалъ ему дуракъ, а онъ мнѣ — «отъ дурака слышалъ». Я думаю, что онъ съ пьяныхъ глазъ мнѣ такую грубость сказалъ — да и говорю, ты, дескать, пьянъ, мужикъ ты этакой! а онъ мнѣ:—«вы что ли мнѣ поднесли-то? У самихъ-то есть-ли на что опохмѣлиться; сами у какой-то по гривенничку христарадничаете, да еще прибавилъ:—эхъ, дескать, а еще баринъ!» Вотъ, маточка, вотъ до чего дошло дѣло! Жить, Варинька, совѣстно! точно оглашенный какой-нибудь; хуже чѣмъ безпаспортному бродягѣ какому-нибудь. Бѣдствія тяжкія!—погибъ я, просто погибъ! безвозвратно погибъ.

М. Д.

Августа 13.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Надъ нами все бѣды да бѣды, я ужь и сама не знаю, что дѣлать! Что съ вами-то будетъ теперь, а на меня надежда плохая; я сегодня обожгла себѣ утюгомъ лѣвую руку; уронила нечаянно, и ушибла, и обожгла, все вмѣстѣ. Работать никакъ нельзя, а Ѳедора ужь третій день хвораетъ. Я въ мучительномъ безпокойствѣ. Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; это почти все послѣднее наше, а я, Богъ видитъ, какъ желала бы вамъ помочь теперь въ вашихъ нуждахъ. До слезъ досадно! Прощайте, другъ мой! Весьма бы вы утѣшили меня, еслибъ пришли къ намъ сегодня.

В. Д.

Августа 14.

Макаръ Алексѣевичъ! что это съ вами? Бога вы не боитесь вѣрно! Вы меня просто съ ума сведете. Не стыдно ли вамъ! Вы себя губите, вы подумайте только о своей репутаціи! Вы человѣкъ честный, благородный, амбиціонный—ну, какъ всѣ узнаютъ про васъ! Да вы просто со стыда должны будете умереть! Или не жаль вамъ сѣдыхъ волосъ вашихъ? Ну, боитесь ли вы Бога! Ѳедора сказала, что уже теперь не будетъ вамъ болѣе помогать, да и я тоже вамъ денегъ давать не буду. — До чего вы меня довели, Макаръ Алексѣевичъ! Вы думаете вѣрно, что мнѣ ничего, что вы такъ дурно ведете себя; вы еще не знаете, что я изъ-за васъ терплю! Мнѣ по вашей лѣстницѣ и пройдти нельзя: всѣ на меня смотрятъ, пальцемъ на меня указываютъ, и такія страшныя вещи говорятъ; — да, прямо говорятъ, что *связалась я съ пьяницей.* Каково это слышать! Когда васъ привозятъ, то на васъ всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ:

вотъ, говорятъ, того чиновника привезли. А мнѣ-то за васъ мочи нѣтъ, какъ совѣстно. Клянусь вамъ, что я переѣду отсюда. Пойду куда нибудь въ горничныя, въ прачки, а здѣсь не останусь. Я вамъ писала, чтобъ вы зашли ко мнѣ, а вы не зашли. Знать вамъ ничего мои слезы и просьбы, Макаръ Алексѣевичъ! И откуда вы денегъ достали? Ради Создателя поберегитесь! Вѣдь пропадете, ни за что пропадете! И стыдъ-то и срамъ-то какой! Васъ хозяйка и впустить вчера не хотѣла, вы въ сѣняхъ ночевали: я все знаю. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело было, когда я все это узнала. Приходите ко мнѣ, вамъ будетъ у насъ весело: мы будемъ вмѣстѣ читать, будемъ старое вспоминать. Ѳедора о своихъ богомольныхъ странствіяхъ разсказывать будетъ. Ради меня, голубчикъ мой, не губите себя и меня не губите. Вѣдь я для васъ одного и живу, для васъ и остаюсь съ вами. Такъ-то вы теперь! Будьте благороднымъ человѣкомъ, твердымъ въ несчастіяхъ; помните, что бѣдность не порокъ. Да и чего отчаяваться: это все временное! Дастъ Богъ — все поправится, только вы-то удержитесь теперь. Посылаю вамъ двугривенный, купите себѣ табаку, или всего, что вамъ захочется, только ради Бога на дурное не тратьте. Приходите къ намъ, непремѣнно приходите. Вамъ, можетъ быть, какъ и прежде, стыдно будетъ, но вы не стыдитесь: это ложный стыдъ. Только бы вы искреннее раскаяніе принесли. Надѣйтесь на Бога. Онъ все устроитъ къ лучшему.

В. Д.

Августа 19.

Варвара Алексѣевна, маточка!

Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣевна, совсѣмъ застыдился. Впрочемъ, что жъ тутъ та-

кого. маточка, особеннаго? Отъ чего же сердца своего не поразвеселить? Я тогда про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздоръ, и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги тоже вздоръ! — И мудрецы греческіе безъ сапогъ хаживали, такъ чего же нашему-то брату съ такимъ недостойнымъ предметомъ няньчиться? За что жъ обижать, за что жъ презирать меня въ такомъ случаѣ? Эхъ! маточка, маточка, нашли что писать! А Ѳедорѣ скажите, что она баба вздорная, безпокойная, буйная, и въ добавокъ глупая, невыразимо-глупая! Что же касается до сѣдины моей, то и въ этомъ вы ошибаетесь, родная моя, потому что я вовсе не такой старикъ, какъ вы думаете. Емеля вамъ кланяется. Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вамъ пишу, что я тоже сокрушался и плакалъ. Въ заключеніе, желаю вамъ всякаго здоровья и благополучія, а что до меня касается, то я тоже здоровъ и благополученъ и пребываю вашимъ, ангельчикъ мой, другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Августа 21.

Милостивая государыня и любезный другъ Варвара Алексѣевна!

Чувствую, что я виноватъ, чувствую, что я провинился предъ вами, да, и по моему, выгоды-то изъ этого нѣтъ никакой, маточка, что я все это чувствую, ужь что вы тамъ ни говорите. Я и прежде поступка моего все это чувствовалъ, но вотъ упалъ же духомъ, съ сознаніемъ вины упалъ. Маточка моя, я не золъ и не жестокосерденъ; а для того, чтобы растерзать сердечко ваше, голубка моя, нужно быть ни болѣе ни менѣе, какъ крово-

жаднымъ тигромъ, ну, а у меня сердце овечье, и я, какъ и вамъ извѣстно, не имѣю позыва къ кровожадности; слѣдственно, ангельчикъ мой, я и не совсѣмъ виноватъ въ проступкѣ моемъ, такъ же какъ и ни сердце, ни мысли мои не виноваты; а ужь такъ я и не знаю что виновато. Ужь такое дѣло темное, маточка! Тридцать копѣекъ серебромъ мнѣ прислали, а потомъ прислали двугривенничекъ; у меня сердце и заныло, глядя на ваши сиротскія денежки. Сами ручку свою обожгли, голодать скоро будете, а пишете, чтобъ я табаку купилъ. Ну какъ же мнѣ было поступить, въ такомъ случаѣ? Или ужь такъ, безъ зазрѣнія совѣсти, подобно разбойнику, васъ сироточку начать грабить! Тутъ-то я и упалъ духомъ, маточка, т. е. сначала, чувствуя по неволѣ, что никуда не гожусь и что я самъ немногимъ развѣ получше подошвы своей, счелъ неприличнымъ принимать себя за что-нибудь значущее; а напротивъ, самого себя сталъ считать чѣмъ-то неприличнымъ и въ нѣкоторой степени неблагопристойнымъ. Ну, а какъ потерялъ къ себѣ самому уваженіе, какъ предался отрицанію добрыхъ качествъ своихъ и своего достоинства, такъ ужь тутъ и все пропадай, тутъ ужь и паденіе! Это такъ уже судьбою опредѣлено, и я въ этомъ не виноватъ. Я сначала вышелъ немножко поосвѣжиться. Тутъ ужь все пришло одно къ одному: и природа была такая слезливая, а погода холодная, и дождь, ну и Емеля тутъ же случился. Онъ, Варинька, уже все заложилъ, что имѣлъ, все у него пошло въ свое мѣсто, и какъ я его встрѣтилъ, такъ онъ уже двое сутокъ маковой росинки во рту не видалъ, такъ что ужь хотѣлъ такое закладывать, чего никакъ и заложить нельзя, затѣмъ, что и закладовъ такихъ не бываетъ. Ну, что же, Варинька, уступилъ я болѣе изъ сострада-

нія къ человѣчеству, чѣмъ по собственному влеченію. Такъ вотъ какъ грѣхъ этотъ произошелъ, маточка! Мы ужь какъ вмѣстѣ съ нимъ плакали! Васъ вспоминали. Онъ предобрый, онъ очень добрый человѣкъ, и весьма чувствительный человѣкъ. Я, маточка, самъ все это чувствую; со мной потому и случается-то все такое, что я очень все это чувствую. Я знаю, чѣмъ я вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ! Узнавъ васъ, я сталъ во-первыхъ и самого-себя лучше знать, и васъ сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Они злодѣи-то мои, говорили, что даже и фигура моя неприличная, и гнушались мною, ну и я сталъ гнушаться собою; говорили, что я тупъ, я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я тупъ, а какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную, такъ что и сердце и душа моя освѣтились, и я обрелъ душевный покой, и узналъ, что и я не хуже другихъ, что только такъ, не блещу ничѣмъ, лоску нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ. Ну, а теперь, почувствовалъ, что я гонимъ судьбою, что, униженный ею, предался отрицанію собственнаго своего достоинства, я, удрученный моими бѣдствіями, я упалъ духомъ. И такъ, какъ вы теперь все знаете, маточка, то я умоляю васъ слезно не любопытствовать болѣе объ этой матеріи, ибо сердце мое разрывается и горько, тягостно.

Свидѣтельствую, маточка, вамъ почтеніе мое и пребываю вашимъ вѣрнымъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Сентября 3.

Я не докончила прошлаго письма, Макаръ Алек-

сѣевичъ, потому что мнѣ было тяжело писать. Иногда бываютъ со мной минуты, когда я рада быть одной, одной грустить, одной тосковать, безъ раздѣла, и такія минуты начинаютъ находить на меня все чаще и чаще. Въ воспоминаніяхъ моихъ есть что-то такое необъяснимое для меня, что увлекаетъ меня такъ безотчетно, такъ сильно, что я по нѣскольку часовъ бываю безчувственна ко всему меня окружающему и забываю все, все настоящее. И нѣтъ впечатлѣнія въ теперешней жизни моей, пріятнаго ль, тяжелаго, грустнаго, которое бы не напоминало мнѣ чего нибудь подобнаго же въ прошедшемъ моемъ, и чаще всего мое дѣдство, мое золотое дѣтство! Но мнѣ становится всегда тяжело послѣ подобныхъ мгновеній. Я какъ-то слабѣю, моя мечтательность изнуряетъ меня, а здоровье мое и безъ того все хуже и хуже становится.

Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, какихъ мало здѣсь осенью, оживило меня, и я радостно его встрѣтила. И такъ, у насъ уже осень! Какъ я любила осень въ деревнѣ. Я еще ребенкомъ была, но и тогда уже много чувствовала. Осенній вечеръ я любила больше, чѣмъ утро. Я помню, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, подъ горой, было озеро. Это озеро—я какъ будто вижу его теперь, — это озеро было такое широкое, свѣтлое, чистое какъ хрусталь! Бывало, если вечеръ тихъ—озеро покойно; на деревахъ, что по берегу росли, не шелохнетъ, вода неподвижна, словно зеркало. Свѣжо! холодно! Падаетъ роса на траву, въ избахъ на берегу засвѣтятся огоньки, стадо пригонятъ—тутъ-то я и ускользну тихонько изъ дому, чтобы посмотрѣть на мое озеро, и засмотрюсь бывало. Какая нибудь вязанка хворосту горитъ у рыбаковъ у самой воды, и свѣтъ далеко-далеко по водѣ льется. Небо такое холодное, синее, и по краямъ

разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все блѣднѣе и блѣднѣе становятся; выходитъ мѣсяцъ; воздухъ такой звонкій, порхнетъ ли испуганная пташка, камышъ ли зазвенитъ отъ легонькаго вѣтерка, или рыба всплеснется въ водѣ,—все бывало слышно. По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій, прозрачный. Даль темнѣетъ; все какъ-то тонетъ въ туманѣ, а вблизи такъ все рѣзко обточено, словно рѣзцомъ обрѣзано—лодка, берегъ, острова;—бочка какая нибудь, брошенная, забытая у самаго берега, чуть-чуть колышется на водѣ, вѣтка ракитовая съ пожелтѣлыми листьями путается въ комышѣ,—вспорхнетъ чайка запоздалая, то окунется въ холодной водѣ, то опять вспорхнетъ и утонетъ въ туманѣ. Я засматривалась, заслушивалась, — чудно мнѣ! А я еще была ребенкомъ, дитя!...

Я такъ любила осень, — позднюю осень, когда уже уберутъ хлѣба, окончатъ всѣ работы, когда уже въ избахъ начнутся посидѣлки, когда уже всѣ ждутъ зимы. Тогда все становится мрачнѣе, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краямъ обнаженнаго лѣса, а лѣсъ синѣетъ, чернѣетъ,—особенно вечеромъ, когда спустится сырой туманъ, и деревья мелькаютъ изъ тумана какъ великаны, какъ безобразныя, страшныя привидѣнія. Запоздаешь бывало на прогулкѣ, отстанешь отъ другихъ, идешь одна, спѣшишь,—жутко! Сама дрожишь какъ листъ; вотъ, думаешь, того и гляди, выглянетъ кто нибудь страшный изъ-за этого дупла; между тѣмъ вѣтеръ пронесется по лѣсу, загудитъ, зашумитъ, завоетъ такъ жалобно, сорветъ тучу листьевъ съ чахлыхъ вѣтокъ, закрутитъ ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей, съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ, пронесутся птицы, такъ что

небо чернѣетъ, и все застилается ими. Страшно станетъ, а тутъ, точно какъ будто заслышишь кого-то, — чей-то голосъ, какъ будто кто-то шепчетъ:—«бѣги, бѣги, дитя, не опаздывай; страшно здѣсь будетъ тотчасъ, бѣги дитя!» — ужасъ пройдетъ по сердцу, и бѣжишь-бѣжишь такъ, что духъ занимается. Прибѣжишь запыхавшись домой; дома шумно, весело; раздадутъ намъ всѣмъ дѣтямъ работу: горохъ или макъ щелушить. Сырыя дрова трещатъ въ печи; матушка весело смотритъ за нашей веселой работой; старая няня, Ульяна, разсказываетъ про старое время, или страшныя сказки про колдуновъ и мертвецовъ. Мы, дѣти, жмемся подружка къ подружкѣ, а улыбка у всѣхъ на губахъ. Вотъ, вдругъ замолчимъ разомъ... чу! шумъ! какъ будто кто-то стучитъ! — Ничего не бывало; это гудитъ самопрялка у старой Фроловны; сколько смѣху бывало! А потомъ ночью не спимъ отъ страха; находятъ такіе страшные сны. Проснешься бывало, шевельнуться не смѣешь и до разсвѣта дрогнешь подъ одѣяломъ. Утромъ встанешь свѣжа какъ цвѣточекъ. Посмотришь въ окно: морозомъ прохватило все поле; тонкій осенній иней повисъ на обнаженныхъ сучьяхъ; тонкимъ какъ листъ льдомъ подернулось озеро; встаетъ бѣлый паръ по озеру; кричатъ веселыя птицы. Солнце свѣтитъ кругомъ яркими лучами, и лучи разбиваютъ какъ стекло тонкій ледъ. Свѣтло, ярко, весело! Въ печкѣ опять трещитъ огонь; подсядемъ всѣ къ самовару, а въ окна посматриваетъ, продрогшая ночью, черная наша собака Полканъ и привѣтливо махаетъ хвостомъ. Мужичекъ проѣдетъ мимо оконъ на бодрой лошадкѣ въ лѣсъ за дровами. Всѣ такъ довольны, такъ веселы!.. Ахъ какое золотое было дѣтство мое!..

Вотъ я и расплакалась теперь какъ дитя, увле-

каясь моими воспоминаніями. Я такъ живо, такъ живо все припомнила, такъ ярко стало передо мною все прошедшее, а настоящее такъ тускло, такъ темно!.. Чѣмъ это кончится, чѣмъ это все кончится? Знаете ли, у меня есть какое-то убѣжденіе, какая-то увѣренность, что я умру нынче осенью. Я очень, очень больна. Я часто думаю о томъ, что умру, но все бы мнѣ не хотѣлось такъ умереть,— въ здѣшней землѣ лежать. Можетъ быть, я опять слягу въ постель, какъ и тогда, весной, а я еще оправиться не успѣла. Вотъ и теперь мнѣ очень тяжело. Ѳедора сегодня ушла куда-то на цѣлый день, и я сижу одна. А съ нѣкотораго времени я боюсь оставаться одной; мнѣ все кажется, что со мной въ комнатѣ кто-то бываетъ другой, что кто-то со мной говоритъ; особенно, когда я объ чемъ нибудь задумаюсь и вдругъ очнусь отъ задумчивости, такъ что мнѣ страшно становится. Вотъ почему я вамъ такое письмо написала; когда я пишу, это проходитъ. Прощайте; кончаю письмо, потому что и бумаги и времени нѣтъ. Изъ вырученныхъ денегъ за платья мои да за шляпку остался у меня только рубль серебромъ. Вы дали хозяйкѣ два рубля серебромъ; это очень хорошо; она замолчитъ теперь на время.

Поправьте себѣ какъ нибудь платье. Прощайте; я такъ устала; не понимаю, отчего я становлюсь такая слабая; малѣйшее занятіе меня утомляетъ. Случится работа — какъ работать? Вотъ это-то и убиваетъ меня.

В. Д

Сентября 5-го.

Голубчикъ мой, Варинька!

Я сегодня, ангельчикъ мой, много испыталъ впечатлѣній. Во-первыхъ, у меня голова цѣлый день

болѣла. Чтобы какъ нибудь освѣжиться, вышелъ я походить по Фонтанкѣ. Вечеръ былъ такой темный, сырой. Въ шестомъ часу ужь смеркается, — вотъ какъ теперь! Дождя не было, за то былъ туманъ, не хуже добраго дождя. По небу ходили длинными широкими полосами тучи. Народу ходила бездна по набережной, и народъ-то какъ нарочно былъ съ такими страшными, уныніе наводящими, лицами, пьяные мужики, курносыя бабы-чухонки, въ сапогахъ и простоволосыя, артельщики, извощики, нашъ братъ по какой нибудь надобности; мальчишки, какой нибудь слесарскій ученикъ въ полосатомъ халатѣ, испитой, чахлый, съ лицомъ выкупаннымъ въ копченомъ маслѣ, съ замкомъ въ рукѣ; солдатъ оставной въ сажень ростомъ,—вотъ какова была публика. Часъ-то видно былъ такой, что другой публики и быть не могло. Судоходный каналъ Фонтанка! Барокъ такая бездна, что не понимаешь, гдѣ все это могло помѣститься. На мостахъ сидятъ бабы съ мокрыми пряниками да съ гнилыми яблоками, и все такія грязныя, мокрыя бабы. Скучно по Фонтанкѣ гулять! Мокрый гранитъ подъ ногами, по бокамъ дома высокіе, черные, закоптѣлые; подъ ногами туманъ, надъ головой тоже туманъ. Такой грустный, такой темный былъ вечеръ сегодня.

Когда я поворотилъ въ Гороховую, такъ ужь смерклось совсѣмъ и газъ зажигать стали. Я давненько-таки не былъ въ Гороховой, — не удавалось. Шумная улица! Какія лавки, магазины богатые; все такъ и блеститъ и горитъ, матерія, цвѣты подъ стеклами, разныя шляпки съ лентами. Подумаешь, что это все такъ, для красы разложено— такъ нѣтъ же: вѣдь есть люди, что все это покупаютъ и своимъ женамъ дарятъ.—Богатая улица! Нѣмецкихъ булочниковъ очень много живетъ

въ Гороховой; тоже должно быть народъ весьма достаточный. Сколько каретъ поминутно ѣздитъ; какъ это все мостовая выноситъ! Пышные экипажи такіе, стекла какъ зеркало, внутри бархатъ и шелкъ, лакеи дворянскіе, въ эполетахъ, при шпагѣ. Я во всѣ кареты заглядывалъ, все дамы сидятъ, такія разодѣтыя, можетъ быть, и княжны и графини. Вѣрно часъ былъ такой, что всѣ на балы и въ собранія спѣшили. Любопытно увидѣть княгиню и вообще знатную даму вблизи; должно быть очень хорошо; я никогда не видалъ; развѣ вотъ такъ, какъ теперь въ карету заглянешь. Про васъ я тутъ вспомнилъ. — Ахъ, голубчикъ мой, родная моя! какъ вспомню теперь про васъ, такъ все сердце изнываетъ! Отчего вы, Варинька, такая несчастная? Ангельчикъ мой! да чѣмъ же вы-то хуже ихъ всѣхъ? Вы у меня добрая, прекрасная, ученая; отчего же вамъ такая злая судьба выпадаетъ на долю? Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ - истинѣ, зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ по неволѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ. Ѣздили бы и вы въ каретѣ такой же, родная моя, ясочка. Взгляда благосклоннаго вашего генералы ловили

бы,—не то что нашъ братъ; ходили бы вы не въ холстинковомъ, ветхомъ платьицѣ, а въ шелку да въ золотѣ. Были бы вы не худенькія, не чахленькія какъ теперь, а, какъ фигурка сахарная, свѣженькая, румяная, полная. А ужь я бы тогда и тѣмъ однимъ счастливъ былъ, что хоть бы съ улицы на васъ въ ярко освѣщенныя окна взглянулъ, что хоть бы тѣнь вашу увидалъ; отъ одной мысли, что вамъ тамъ счастливо и весело, птичка вы моя хорошенькая, и я бы повеселѣлъ. А теперь что! Мало того, что злые люди васъ погубили, какая нибудь тамъ дрянь, забулдыга васъ обижаетъ. Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, такъ ужь ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужь и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! Полно, такъ ли, голубчики! А отъ чего же это все? А оттого, что вы сирота, оттого что вы беззащитная, оттого, что нѣтъ у васъ друга сильнаго, который бы вамъ опору пристойную далъ. А вѣдь, что это за человѣкъ, что это за люди, которымъ сироту оскорбить ни почемъ? Это какая-то дрянь, а не люди, просто дрянь; такъ себѣ, только числятся, а на дѣлѣ ихъ нѣтъ, и въ этомъ я увѣренъ. Вотъ они каковы эти люди! А по моему, родная моя, вотъ тотъ шарманщикъ, котораго я сегодня въ Гороховой встрѣтилъ, скорѣе къ себѣ почтеніе внушитъ, чѣмъ они. Онъ хоть цѣлый день ходитъ да мается, ждетъ залежалаго, негоднаго гроша на пропитаніе, да за то онъ самъ себѣ господинъ, самъ себя кормитъ. Онъ милостыни просить не хочетъ; за то онъ для удовольствія людскаго трудится, какъ заведенная машина—вотъ, дескать, чѣмъ могу, принесу удовольствіе. Нищій, нищій онъ, правда, все тотъ же нищій; но за то благородный ни-

щій; онъ усталъ, онъ прозябъ, но все трудится, хоть по своему, а все-таки трудится. И много есть честныхъ людей, маточка, которые хоть не много заработываютъ по мѣрѣ и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлѣба не просятъ. Вотъ и я точно также, какъ и этотъ шарманщикъ, т. е. я не то, вовсе не такъ какъ онъ, но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, въ дворянскомъ-то отношеніи точно также какъ и онъ, по мѣрѣ силъ тружусь, чѣмъ могу, дескать. Большаго нѣтъ отъ меня; ну, да на нѣтъ и суда нѣтъ.

Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ, маточка, что случилось мнѣ бѣдность свою вдвойнѣ испытать сегодня. Остановился я посмотрѣть на шарманщика. Мысли такія лѣзли въ голову;— такъ я, чтобы разсѣяться, остановился. Стою я, стоятъ извощики, дѣвка какая-то, да еще маленькая дѣвочка, вся такая запачканная. Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ десяти; былъ бы хорошенькой, да на видъ больной такой, чахленькой, въ одной рубашонкѣ, да еще въ чемъ-то, чуть ли не босой стоитъ, разиня ротъ музыку слушаетъ; — дѣтскій возрастъ! заглядѣлся какъ у нѣмца куклы танцуютъ, а у самаго и руки и ноги окоченѣли, дрожитъ да кончикъ рукава грызетъ. Примѣчаю, что въ рукахъ у него бумажечка какая-то. Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала въ тотъ ящикъ съ огородочкой, въ которомъ представленъ французъ, танцующій съ дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчикъ, робко осмотрѣлся кругомъ, да видно на меня подумалъ, что я деньги далъ. Подбѣжалъ онъ ко мнѣ, ручонки дрожатъ у него,

голосенокъ дрожитъ, протянулъ онъ ко мнѣ бумажку и говоритъ:—записка! Развернулъ я записку—ну что, все извѣстное:—дескать, благодѣтели мои, мать у дѣтей умираетъ, трое дѣтей голодаютъ, такъ вы намъ теперь помогите; а вотъ какъ я умру, такъ за то, что птенцовъ моихъ теперь не забыли, на томъ свѣтѣ васъ, благодѣтели мои, не забуду.—Ну, что тутъ; дѣло ясное, дѣло житейское, а что мнѣ имъ дать? Ну, и не далъ ему ничего. А какъ было жаль! Мальчикъ бѣдненькій, посинѣлый отъ холода, можетъ быть и голодный, и не вретъ, ей-ей не вретъ; я это дѣло знаю. Но только то дурно, что зачѣмъ эти гадкія матери дѣтей не берегутъ и полуголыхъ съ записками на такой холодъ посылаютъ. Она, можетъ быть, глупая баба, характера не имѣетъ; да за нее и постараться, можетъ быть, некому, такъ она и сидитъ, поджавъ ноги, можетъ быть, и въ правду больная. Ну, да все обратиться бы куда слѣдуетъ; а впрочемъ, можетъ быть и просто мошенница, нарочно голоднаго и чахлаго ребенка обманывать народъ посылаетъ, на болѣзнь наводитъ. И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ, проситъ. Ходятъ люди да некогда имъ. Сердца у нихъ каменныя; слова ихъ жестокія. Прочь! убирайся! шалишь! — Вотъ что слышитъ онъ отъ всѣхъ, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ, словно птенчикъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнутъ у него руки и ноги; духъ занимается. Посмотришь, вотъ онъ ужь и кашляетъ; тутъ не далеко ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый, заползетъ ему въ грудь, а тамъ, глядишь, и смерть ужь стоитъ надъ нимъ, гдѣ нибудь въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помо-

щи—вотъ и вся его жизнь! Вотъ какова она, жизнь-то бываетъ! Охъ, Варинька, мучительно слышать Христа-ради, и мимо пройдти и не дать ничего, сказать ему: «Богъ подастъ». Иное Христа-ради еще ничего. (И Христа-ради-то разныя бываютъ, маточка). Иное долгое, протяжное, привычное, заученое, прямо нищенское; этому еще не такъ мучительно не подать, это долгій нищій, давнишній, по ремеслу нищій, этотъ привыкъ, думаешь, онъ переможетъ и знаетъ какъ перемочь. А иное Христа-ради непривычное, грубое, страшное, — вотъ какъ сегодня, когда я было отъ мальчика записку взялъ, тутъ же у забора какой-то стоялъ, не у всѣхъ и просилъ, говоритъ мнѣ: «Дай, баринъ, грошъ, ради Христа!» да такимъ, грубымъ голосомъ, что я вздрогнулъ отъ какого-то страшнаго чувства, а не далъ гроша: не было. А еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались—дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы! Да и всегда бѣдность назойлива;— спать что ли мѣшаютъ ихъ стоны голодные!

Признательно вамъ сказать, родная моя, началъ я вамъ описывать это все, частію, чтобъ сердце отвести, а болѣе для того, чтобъ вамъ образецъ хорошаго слогу моихъ сочиненій показать. Потому-что вы вѣрно сами сознаетесь, маточка, что у меня съ недавняго времени слогъ формируется. Но теперь на меня такая тоска нашла, что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная моя, часто самаго себя, безовсякой причины, уничтожаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А

если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ-быть, отъ-того происходитъ, что я самъ запуганъ и загнанъ, какъ хоть бы и этотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ. Теперь я вамъ, примѣрно, иносказательно буду говорить, маточка: вотъ послушайте-ка меня: случается мнѣ, моя родная, рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда такъ передъ такимъ зрѣлищемъ умалишься, что какъ-будто бы щелчокъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному носу, да и поплетешься тише воды, ниже травы своею дорогою, и рукой махнешь! Теперь же разглядите-ка, что въ этихъ черныхъ, закоптѣлыхъ, большихъ капитальныхъ домахъ дѣлается, вникните въ это, и тогда сами разсудите, справедливо ли было безъ толку сортировать себя и въ недостойное смущеніе входить. Замѣтьте, Варинька, что я иносказательно говорю, не въ прямомъ смыслѣ. Ну, посмотримъ, что тамъ такое въ этихъ домахъ? Тамъ въ какомъ-нибудь дымномъ углу, въ конурѣ сырой какой-нибудь, которая, по нуждѣ, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера онъ подрѣзалъ нечаянно, какъ-будто именно такая дрянь и должна человѣку сниться! Ну, да вѣдь онъ мастеровой, онъ сапожникъ: ему простительно все объ одномъ предметѣ своемъ думать. У него тамъ дѣти пищатъ и жена голодная; и не одни сапожники встаютъ иногда такъ, родная моя. Это бы и ничего, и писать бы объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство, маточка; тутъ же, въ этомъ же домѣ, этажемъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ, и богатѣйшему лицу все

тѣ же сапоги, можетъ-быть, ночью снились, то есть надругой манеръ сапоги, фасона другаго, но все-таки сапоги, ибо въ смыслѣ-то здѣсь мною подразумѣваемомъ, маточка, всѣ мы, родная моя, выходимъ немного сапожники. И это бы все ничего, но только то дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ ему на ухо—«что полно-дескать, о такомъ думать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить; ты, дескать, не сапожникъ, у тебя дѣти здоровы и жена ѣсть не проситъ, оглянись кругомъ, не увидишь ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго, чѣмъ свои сапоги»! Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ иносказательно, Варинька. Это, можетъ-быть, слишкомъ вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ словомъ выбивается. И потому не отъ-чего было въ грошъ себя оцѣнять, испугавшись одного шума и грома! Заключу же тѣмъ, маточка, что вы, можетъ-быть, подумаете, что я вамъ клевету говорю, или что это такъ хандра на меня нашла, или что я это изъ книжки какой выписалъ? Нѣтъ, маточка, вы разувѣрьтесь,—не то: клеветою гнушаюсь, хандра не находила, и не изъ какой книжки ничего не выписывалъ—вотъ что!

Пришелъ я въ грустномъ разположеніи духа домой, присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайникъ, да и приготовился стаканчикъ-другой чайку хлѣбнуть. Вдругъ смотритъ ко мнѣ Горшковъ, нашъ бѣдный постоялецъ. Я еще утромъ замѣтилъ, что онъ все что-то около жильцевъ шныряетъ, и ко мнѣ хотѣлъ подойти. А мимоходомъ скажу, маточка, что ихъ житье-бытье не въ примѣръ моего хуже. Куда! жена, дѣти!—Такъ, что еслибы я былъ Горшковъ, такъ ужь я не знаю, что бы я

на его мѣстѣ сдѣлалъ! Ну, такъ вотъ вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него, какъ и всегда, на рѣсницахъ гноится, шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда на изломанный, да другаго не было. Чайку предложилъ. Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ однакоже взялъ стаканъ. Хотѣлъ-было безъ сахару пить, началъ опять извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что нужно взять сахару; долго спорилъ, отказываясь, наконецъ положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Экъ, до уничиженія какого доводитъ людей нищета! — «Ну, какъ же, что батюшка?» сказалъ я ему.—Да вотъ такъ и такъ, дескать, благодѣтель вы мой, Макаръ Алексѣевичъ, явите милость Господню, окажите помощь семейству несчастному; дѣти и жена, ѣсть нечего; отцу-то, мнѣ-то, говоритъ, каково! Я было хотѣлъ говорить, да онъ меня прервалъ: я, дескать, всѣхъ боюсь здѣсь, Макаръ Алексѣевичъ, то-есть не то, что боюсь, а такъ, знаете, совѣстно; люди-то они все гордые и кичливые. Я бы, говоритъ, васъ, батюшка и благодѣтель мой, и утруждать бы не сталъ: знаю, что у васъ самихъ непріятности были, знаю, что вы многаго и не можете дать, но хоть что-нибудь взаймы одолжите; и потому, говоритъ, просить васъ осмѣлился, что знаю ваше доброе сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бѣдствія испытываете,—и что сердце-то ваше потому и чувствуетъ состраданіе. — Заключилъ же онъ тѣмъ, что, дескать, простите мою дерзость и мое неприличіе, Макаръ Алексѣевичъ.— Я отвѣчаю ему, что радъ бы душой, да что нѣтъ у меня ничего, ровно нѣтъ ничего. — Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, говоритъ онъ мнѣ, я мно-

гаго и не прошу, а вотъ такъ и такъ—(тутъ онъ весь покраснѣлъ) — жена, говоритъ, дѣти, голодно—хоть гривенничикъ какой-нибудь. Ну, тутъ ужь мнѣ самому сердце защемило. Куда, думаю, меня перещеголяли! А всего-то у меня и оставалось двадцать копѣекъ, да я на нихъ разсчитывалъ: хотѣлъ завтра на свои крайнія нужды истратить.—Нѣтъ, голубчикъ мой, не могу; вотъ такъ и такъ говорю.—Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, хоть что хотите, говоритъ, хоть десять копѣечекъ. Ну, я ему и вынулъ изъ ящика и отдалъ свои двадцать копѣекъ, маточка, все доброе дѣло! Экъ нищета-то! Разговорился я съ нимъ: да какъ же вы, батюшка, спрашиваю, такъ зануждались, да еще при такихъ нуждахъ комнату въ пять рублей серебромъ нанимаете? Объяснилъ онъ мнѣ, что полгода назадъ нанялъ, и деньги внесъ впередъ за три мѣсяца; да потомъ обстоятельства такія сошлись, что ни туда, ни сюда ему бѣдному. Ждалъ онъ, что дѣло его къ этому времени кончится. А дѣло у него непріятное. Онъ, видите ли, Варинька, за что-то передъ судомъ въ отвѣтѣ находится. Тягается онъ съ купцомъ какимъ-то, который сплутовалъ подрядомъ съ казною; обманъ открыли, купца подъ судъ, а онъ въ дѣло-то свое разбойничье и Горшкова запуталъ, который тутъ какъ-то также случился. А по правдѣ-то Горшковъ виновенъ только въ нерадѣніи, въ неосмотрительности и въ непростительномъ упущеніи изъ вида казеннаго интереса. Ужь нѣсколько лѣтъ дѣло идетъ: все препятствія разныя встрѣчаются противъ Горшкова.—Въ безчестіи же, на меня взводимомъ, говоритъ мнѣ Горшковъ, неповиненъ, нисколько неповиненъ, въ плутовствѣ и грабежѣ неповиненъ. Дѣло это его замарало немного; его исключили изъ службы, и хотя не нашли, что онъ

капитально виновенъ, но, до совершеннаго своего оправданія, онъ, до сихъ-поръ, не можетъ выправить съ купца какой-то знатной суммы денегъ, ему слѣдуемой, и передъ судомъ у него оспариваемой. Я ему вѣрю, да судъ-то ему на-слово не вѣритъ; дѣло-то оно такое, что все въ крючкахъ да въ узлахъ такихъ, что во сто лѣтъ не распутаешь. Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючекъ да еще крючекъ. Я принимаю сердечное участіе въ Горшковѣ, родная моя, соболѣзную ему. Человѣкъ безъ должности; за ненадежность никуда не принимается; что было запасу, проѣли; дѣло запутано, а междутѣмъ ни съ того, ни съ сего, совершенно не-кстати, ребенокъ родился, — ну вотъ издержки; сынъ заболѣлъ—издержки, умеръ—издержки; жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то: однимъ словомъ пострадалъ, вполнѣ пострадалъ. Впрочемъ, говоритъ, что ждетъ на дняхъ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла, и что ужь въ этомъ теперь и сомнѣнія нѣтъ никакого. Жаль, жаль, очень жаль его, маточка! Я его обласкалъ. Человѣкъ-то онъ затерянный, запутанный; покровительства ищетъ, такъ вотъ я его и обласкалъ. Ну, прощайте же, маточка, Христосъ съ вами, будьте здоровы. Голубчикъ вы мой! Какъ вспомню объ васъ, такъ точно лекарство приложу къ больной душѣ моей, и хоть страдаю за васъ, но и страдать за васъ мнѣ легко.

Вашъ истинный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 9.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Пишу вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кру-

гомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я разскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ, я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу! Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось!—Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимоѳей Ивановичъ, и лично изволитъ наказывать, что—вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ. — Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужь не знаю какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было, или просто такъ должно было сдѣлаться:— только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я, съ недавняго времени, сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ

стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужь я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что̀, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у? да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужь, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужь обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу—не обманываются ли уши мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужь самъ незнаю чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу, — и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали, ближе и ближе. Вотъ, ужь надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: Макаръ Алексѣевичъ къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали! Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужь просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Ото-

ропѣлъ такъ, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во первыхъ, совѣстно; я взглянулъ на право въ зеркало, такъ просто было отъ чего съ ума сойдти отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ-будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ, что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ-быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣнье! неосмотрительность! Вводите въ непріятности! — Я раскрылъ-было ротъ для чего-то. Хотѣлъ-было прощенія просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсу — пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ — вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я видно задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо проклятая къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи лов-

кости отличился. Тутъ ужь я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужь все, все потеряю! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужь коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же: началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно отъ-того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули— слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: какъ же?.. посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!..какъ онъ!.. что онъ!..— Ахъ родная моя, что ужь тутъ—какъ онъ? Да что онъ? отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ—не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу... Ну, облегчить его какъ-нибудь, говоритъ его превосходительство. Выдать ему впередъ... Да забралъ, говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ.— Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ!—Ну, говорятъ его превосходительство громко, переписать же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте: тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую, вотъ, говорятъ они—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было-схватить ихъ ручку хотѣлъ. А

онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ ужь тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же какъ самъ генералу. Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ по поламъ.

Теперь, маточка, вотъ какъ я рѣшилъ: васъ и Ѳедору, прошу, и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣть, чтобы Богу молились, то-есть вотъ какъ: за роднаго отца не молились бы, а за его превосходительство каждодневно и вѣчно бы молились! Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю — слушайте меня, маточка, хорошенько— клянусь, что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, не смотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому-себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще на вѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..

Маточка! Я теперь въ душевномъ разстройствѣ ужасномъ, въ волненіи ужасномъ! Мое сердце бьется, хочетъ изъ груди выпрыгнуть. И я самъ, такъ-то весь, какъ-будто ослабъ.—Посылаю вамъ 45 руб. ассигнац., 20 рублей хозяйкѣ даю, у себя 35 оставляю; на 20 платье поправлю, а 15 оставлю на житье-бытье. А только теперь всѣ эти впечатлѣнія-то утреннія потрясли все существованіе мое. Я прилягу. Мнѣ, впрочемъ, покойно, очень покой-

но. Только душу ломитъ, и слышно тамъ, въ глубинѣ, душа моя дрожитъ, трепещетъ, шевелится.— Я приду къ вамъ; а теперь я просто хмѣленъ отъ всѣхъ ощущеній этихъ... Богъ видитъ все, маточка вы моя, голубушка вы моя безцѣнная!

Вашъ достойный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 10.

Любезный мой Макаръ Алексѣевичъ!

Я несказанно рада вашему счастію и умѣю цѣнить добродѣтели вашего начальника, другъ мой. И такъ теперь вы отдохнете отъ горя! Но только ради Бога не тратьте опять денегъ попусту. Живите тихонько, какъ можно скромнѣе, и съ этого же дня начинайте всегда хоть что-нибудь откладывать, чтобъ несчастія не застали васъ опять внезапно. Объ насъ, ради Бога, не безпокойтесь. Мы съ Ѳедорой кое-какъ проживемъ. Къ чему вы намъ денегъ столько прислали, Макаръ Алексѣевичъ? Намъ вовсе не нужно. Мы довольны и тѣмъ, что есть у насъ. Правда, намъ скоро понадобятся деньги на переѣздъ съ этой квартиры, но Ѳедора надѣется получить съ кого-то давнишній, старый долгъ. Оставляю, впрочемъ, себѣ двадцать рублей на крайнія надобности. Остальное посылаю вамъ назадъ. Берегите, пожалуйста, деньги, Макаръ Алексѣевичъ. Прощайте. Живите теперь покойно, будьте здоровы и веселы. Я писала бы вамъ болѣе, но чувствую ужасную усталость, вчера я цѣлый день не вставала съ постели. Хорошо сдѣлали, что обѣщались зайдти. Навѣстите меня, пожалуйста, Макаръ Алексѣевичъ.

В. Д.

Сентября 11.

Милая моя Варвара Алексѣевна!

Умоляю васъ, родная моя, не разлучайтесь со мною теперь, теперь, когда я совершенно счастливъ и всѣмъ доволенъ. Голубчикъ мой! Вы Ѳедору не слушайте, а я буду все, что вамъ угодно дѣлать; буду вести себя хорошо, изъ одного уваженія къ его превосходительству, буду вести себя хорошо и отчетливо; мы опять будемъ писать другъ-другу счастливыя письма, будемъ повѣрять другъ-другу наши мысли, наши радости, наши заботы, если будутъ заботы; будемъ жить вдвоемъ согласно и счастливо. Займемся литературою... Ангельчикъ мой! Въ моей судьбѣ все перемѣнилось и все къ лучшему перемѣнилось. Хозяйка стала сговорчивѣе, Тереза умнѣе, даже самъ Фальдони сталъ какой-то проворный. Съ Ратазяевымъ я помирился. Самъ, на радостяхъ, пошелъ къ нему. Онъ, право, добрый малый, маточка, и что про него говорили дурнаго, то все это былъ вздоръ. Я открылъ теперь, что все это была гнусная клевета. Онъ вовсе и не думалъ насъ описывать: онъ мнѣ это самъ говорилъ. Читалъ мнѣ новое сочиненіе. А что тогда Ловласомъ-то онъ меня назвалъ, такъ это все не брань, или названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснилъ. Это слово въ слово съ иностраннаго взято и значитъ *проворный малой*, и если покрасивѣе сказать, по литературнѣе, такъ значитъ *парень плохо не клади* — вотъ! а не что-нибудь тамъ такое. Шутка невинная была, ангельчикъ мой. Я-то неучъ съ дуру и обидѣлся. Да ужь я теперь передъ нимъ извинился... И погода-то такая замѣчательная сегодня, Варинька, хорошая такая. Правда, утромъ была небольшая изморозь, какъ-будто сквозь сито сѣяло. Ничего!

За то воздухъ сталъ посвѣжѣе немножко. Ходилъ я покупать сапоги, и купилъ удивительные сапоги. Прошелся по Невскому. Пчелку прочелъ. Да! про главное я и забываю вамъ разсказать:

Видите-ли что:

Сегодня поутру разговорился я съ Емельяномъ Ивановичемъ и съ Аксентіемъ Михайловичемъ объ его превосходительствѣ. Да, Варинька, они не съ однимъ мною такъ обошлись милостиво. Они не одного меня облагодѣтельствовали, и добротою сердца своего всему свѣту извѣстны. Изъ многихъ мѣстъ въ честь ему хвалы возсылаются, и слезы благодарности льются. У нихъ сирота одна воспитывалась. Изволили пристроить ее: выдали за человѣка извѣстнаго, за чиновника одного, который по особымъ порученіямъ при нихъ же превосходительствѣ находился. Сына одной вдовы въ какую-то канцелярію пристроили, и много еще благодѣяній разныхъ оказали. Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ же и мою лепту положить, всѣмъ во всеуслышаніе поступокъ его превосходительства разсказалъ; я все имъ разсказалъ и ничего не утаилъ. Я стыдъ-то въ карманъ спряталъ. Какой тутъ стыдъ, что за амбиція такая при такомъ обстоятельствѣ! Такъ-таки въ слухъ—да будутъ славны дѣла его превосходительства! Я говорилъ увлекательно, съ жаромъ говорилъ и не краснѣлъ, напротивъ гордился, что пришлось такое разсказывать. Я про все разсказалъ (про васъ только благоразумно умолчалъ, маточка), а про хозяйку мою, и про Фальдони, и про Ратазяева, и про сапоги, и про Маркова, все разсказалъ. Кое-кто тамъ пересмѣивались, да, правда, и всѣ они пересмѣивались. Только это въ моей фигурѣ вѣрно они что-нибудь смѣшное нашли, или насчетъ сапоговъ моихъ—именно насчетъ сапоговъ.

А съ дурнымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Это такъ, молодость, или отъ-того, что они люди богатые, но съ дурнымъ, съ злымъ намѣреніемъ они никакъ не могли мою рѣчь, осмѣивать. То-есть что-нибудь насчетъ его превосходительства — этого они никакъ не могли сдѣлать. Не правда-ли, Варинька?

Я все до-сихъ-поръ не могу какъ-то опомниться, маточка. Всѣ эти происшествія такъ смутили меня! Есть ли у васъ дрова? Не простудитесь, Варинька; долго ли простудиться. Охъ, маточка моя, вы съ вашими грустными мыслями меня убиваете. Я ужь Бога молю, какъ молю его за васъ, маточка! Напримѣръ, есть ли у васъ шерстяныя чулочки, или, такъ, изъ одежды что-нибудь потеплѣе. Смотрите, голубчикъ мой. Если вамъ что-нибудь, тамъ, нужно будетъ, такъ ужь вы, ради Создателя, старика не обижайте. Такъ-таки прямо и ступайте ко мнѣ. Теперь дурныя времена прошли. Насчетъ меня вы не безпокойтесь. Впереди все такъ свѣтло, хорошо!

А грустное было время, Варинька! Ну да ужь все равно, прошло! Года пройдутъ, такъ и про это время вздохнемъ. Помню я свои молодые годы. Куда! Копѣйки иной разъ не бывало. Холодно, голодно, а весело да и только. Утромъ пройдешься по Невскому, личико встрѣтишь хорошенькое, и на цѣлый день счастливъ. Славное, славное было время, маточка! Хорошо жить на свѣтѣ, Варинька! Особенно въ Петербургѣ. Я со слезами на глазахъ вчера каялся передъ Господомъ Богомъ, чтобы простилъ мнѣ Господь всѣ грѣхи мои въ это грустное время: ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ. Объ васъ вспоминалъ съ умиленіемъ въ молитвѣ. Вы однѣ, ангельчикъ, укрѣпляли меня, вы однѣ утѣшали меня, напутствовали совѣтами благими и наставленіями. Я этого, маточка, никогда забыть

не могу. Ваши записочки всѣ перецаловалъ сегодня, голубчикъ мой! Ну, прощайте, маточка. Говорятъ, есть гдѣ-то здѣсь недалеко платье продажное. Такъ вотъ я немножко навѣдаюсь. Прощайте же, ангельчикъ. Прощайте!

Вамъ душевно преданный

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 15.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Я вся въ ужасномъ волненіи. Послушайте-ка, что у насъ было. Я что-то роковое предчувствую. Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ: господинъ Быковъ въ Петербургѣ. Ѳедора его встрѣтила. Онъ ѣхалъ, приказалъ остановить дрожки, подошелъ самъ къ Ѳедорѣ и сталъ навѣдываться, гдѣ она живетъ. Та сначала не сказывала. Потомъ онъ сказалъ, усмѣхаясь, что онъ знаетъ, кто у ней живетъ. (Видно Анна Ѳедоровна все ему разсказала). Тогда Ѳедора не вытерпѣла, и тутъ же на улицѣ стала его упрекать, укорять, сказала ему, что онъ человѣкъ безнравственный, что онъ причина всѣхъ несчастій моихъ. Онъ отвѣчалъ, что когда гроша нѣтъ, такъ разумѣется человѣкъ несчастливъ. Ѳедора сказала ему, что я бы съумѣла прожить работою, могла бы выйдти замужъ, а не то такъ сыскать мѣсто какое-нибудь, а что теперь счастіе мое навсегда потеряно, что я къ тому же больна и скоро умру. На это онъ замѣтилъ, что я еще слишкомъ молода, что у меня еще въ головѣ бродитъ, и *что и наши добродѣтели потускнѣли* (его слова). Мы съ Ѳедорой думали, что онъ не знаетъ нашей квартиры, какъ вдругъ, вчера,

только что я вышла для закупокъ въ Гостинный дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату; ему, кажется не хотѣлось застать меня дома. Онъ долго разспрашивалъ Ѳедору о нашемъ житьѣ-бытьѣ; все разсматривалъ у насъ; мою работу смотрѣлъ, наконецъ спросилъ:—какой же это чиновникъ, который съ вами знакомъ? На ту пору вы чрезъ дворъ проходили; Ѳедора ему указала на васъ; онъ взглянулъ и усмѣхнулся. Ѳедора упрашивала его уйдти, сказала ему, что я и такъ уже нездорова отъ огорченій, и что видѣть его у насъ мнѣ будетъ весьма непріятно. Онъ промолчалъ; сказалъ, что онъ такъ приходилъ отъ нечего дѣлать, и хотѣлъ дать Ѳедорѣ 25 рублей; та, разумѣется, не взяла. — Что бы это значило? Зачѣмъ это онъ приходилъ къ намъ? Я понять не могу, откуда онъ все про насъ знаетъ! Я теряюсь въ догадкахъ. Ѳедора говоритъ, что Аксинья, ея золовка, которая ходитъ къ намъ, знакома съ прачкой Настасьей, а Настасьинъ двоюродный братъ сторожемъ въ томъ департаментѣ, гдѣ служитъ знакомый племянника Анны Ѳедоровны, такъ вотъ не переползла ли какъ нибудь сплетня? Впрочемъ, очень можетъ-быть, что Ѳедора и ошибается; мы не знаемъ, что придумать. Неужели онъ къ намъ опять придетъ! Одна мысль эта ужасаетъ меня! Когда Ѳедора разсказала все это вчера, такъ я такъ испугалась, что чуть было въ обморокъ не упала отъ страха. Чего еще имъ надобно? Я теперь ихъ знать не хочу! Что имъ за дѣло до меня, бѣдной! Ахъ! въ какомъ я страхѣ теперь: такъ вотъ и думаю, что войдетъ сію минуту Быковъ. Что со мною будетъ! Что еще мнѣ готовитъ судьба? Ради-Христа, зайдите ко мнѣ теперь же, Макаръ Алексѣевичъ. Зайдите, ради Бога, зайдите.

Сентября 18.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Сего числа случилось у насъ въ квартирѣ донельзя горестное, ни чѣмъ не объяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (замѣтить вамъ нужно маточка) совершенно оправдался. Рѣшеніе-то ужь давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо кончилось. Какая тамъ была вина на немъ за нерадѣніе и неосмотрительность — на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоятельствами-то сильно поправился, да и честь-то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше,— однимъ словомъ, вышло самое исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается—обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбою ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждаго изъ насъ руку по нѣскольку разъ. Мнѣ даже показалось, что онъ и выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него и слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный. Двухъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять; бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ Богъ-знаетъ, что такое—говоритъ: «честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои»—и какъ говорилъ-то! даже заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезились. Ратазяевъ видно хотѣлъ его ободрить и сказалъ—«что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть; деньги, батюшка,

деньги главное; вотъ за что Бога благодарите!»— и тутъ же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, т. е. не то, чтобы прямо неудовольствіе высказалъ, а только посмотрѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ. А прежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ характеры.—Вотъ я, напримѣръ, на такихъ радостяхъ гордецомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и униженіе изъявляешь, не отъ чего инаго, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца.... но впрочемъ не во мнѣ тутъ и дѣло!— Да, говоритъ, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!... и потомъ все время, какъ мы у него были, твердилъ: слава Богу, слава Богу!... Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе, и по обильнѣе. Хозяйка наша сама для нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда, Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты, звали ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ, скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего не скажетъ—и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ, поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода, и бросилъ играть. Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я, говоритъ, это только такъ—и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ корридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно; пожалъ мнѣ руку и отошелъ и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно улыбаясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ все у нихъ было, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ послѣ обѣда онъ и говоритъ женѣ:—«По-

слушайте, душенька, вотъ я немного прилягу»— да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго, долго гладилъ по головѣ ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ: а что жь Петинька? Петя нашъ, говоритъ, Петинька?... Жена перекрестилась да и отвѣчаетъ, что вѣдь онъ же умеръ.—Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ.— Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно, и говоритъ ему—вы бы, душенька, заснули.—Да, хорошо, я сейчасъ.... я немножко,—тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ сказать что-то. Жена не разслышала, спросила его— что мой другъ? А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала немножко—ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени воротилась—видитъ, мужъ еще не проснулся и лежитъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то. Она разсказываетъ, что она съ полчаса и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже не помнитъ о чемъ она думала, говоритъ только, что она позабыла объ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого то тревожнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ — а ужь онъ холодехонекъ— умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до-сихъ-поръ опомниться не могу. Не вѣриться что-то, что бы такъ просто могъ умереть человѣкъ. Этакой бѣдняга, горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ, судьба то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ

уголъ забилась. У нихъ такъ суматоха такая идетъ; слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать.... ужь не могу вамъ на вѣрно сказать. Только жалко, охъ какъ жалко! Грустно подумать, что этакъ въ самомъ-дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь.... Погибаешь этакъ ни за что....

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 19.

Милостивая Государыня,

Варвара Алексѣевна!

Спѣшу васъ увѣдомить, другъ мой, что Ратазяевъ нашелъ мнѣ работу у одного сочинителя. — Пріѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ къ нему такую толстую рукопись — слава Богу, много работы. Только ужь такъ неразборчиво писано, что не знаю какъ и за дѣло приняться: требуютъ поскорѣе. Что-то все объ такомъ писано, что какъ-будто и непонимаешь.... По 40 коп. съ листа уговорились. Я къ тому все это пишу вамъ, родная моя, что будутъ теперь постороннія деньги.—Ну, а теперь прощайте, маточка. Я ужь прямо и за работу.

Вашъ вѣрный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 23.

Дорогой другъ мой

Макаръ Алексѣевичъ!

Я вамъ уже третій день, мой другъ, ничего не писала, а у меня было много, много заботъ, много тревоги.

Третьяго дня былъ у меня Быковъ. Я была одна, Ѳедора куда-то ходила. Я отворила ему и такъ испугалась, когда его увидѣла, что не могла тронуться съ мѣста. Я чувствовала, что я поблѣднѣла. Онъ вошелъ по своему обыкновенію съ громкимъ смѣхомъ, взялъ стулъ и сѣлъ. Я долго не могла опомниться, наконецъ сѣла въ уголъ за работу. Онъ скоро пересталъ смѣяться. Кажется, мой видъ поразилъ его. Я такъ похудѣла въ послѣднее время; щеки и глаза мои ввалились, я была блѣдна какъ платокъ.... дѣйствительно, меня трудно узнать тому, кто зналъ меня годъ тому назадъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, наконецъ опять развеселился. Сказалъ что-то такое; я не помню, что отвѣчала ему, и онъ опять засмѣялся. Онъ сидѣлъ у меня цѣлый часъ; долго говорилъ со мной; кой о чемъ распрашивалъ. Наконецъ, передъ прощаніемъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ (я вамъ пишу отъ слова и до слова): «Варвара Алексѣевна! Между нами сказать, Анна Ѳедоровна, ваша родственница, а моя короткая знакомая и пріятельница, преподлая женщина.» (Тутъ онъ еще назвалъ ее однимъ неприличнымъ словомъ). «Совратила она и двоюродную вашу сестрицу съ пути и васъ погубила. Съ моей стороны, и я въ этомъ случаѣ подлецомъ оказался, да вѣдь что, дѣло житейское.» Тутъ онъ захохоталъ что есть мочи. Потомъ замѣтилъ, что онъ красно говорить не мастеръ, и что главное, что объяснить было нужно, и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему умалчивать, ужь онъ объявилъ, и что въ короткихъ словахъ приступаетъ къ остальному. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что ищетъ руки моей, что долгомъ своимъ почитаетъ возвратить мнѣ честь, что онъ богатъ, что онъ увезетъ меня послѣ свадьбы въ свою степ-

ную деревню, что онъ хочетъ тамъ зайцевъ травить; что онъ болѣе въ Петербургъ никогда не пріѣдетъ, потому-что въ Петербургѣ гадко, что у него есть здѣсь въ Петербургѣ, какъ онъ самъ выразился, негодный племянникъ, котораго онъ присягнулъ лишить наслѣдства и собственно для этого случая, т. е., желая имѣть законныхъ наслѣдниковъ, ищетъ руки моей, что эта главная причина его сватовства. Потомъ онъ замѣтилъ, что я весьма бѣдно живу, что не диво, если я больна, проживая въ такой лачугѣ, предрекъ мнѣ неминуемую смерть, если я хоть мѣсяцъ такъ останусь; сказалъ, что въ Петербургѣ квартиры гадкія, и, наконецъ, что не надо ли мнѣ чего?

Я такъ была поражена его предложеніемъ, что сама не знаю отъ-чего заплакала. Онъ принялъ мои слезы за благодарность и сказалъ мнѣ, что онъ всегда былъ увѣренъ, что я добрая, чувствительная и ученая дѣвица, но что онъ не прежде впрочемъ рѣшился на сію мѣру, какъ разузнавъ со всею подробностію о моемъ теперешнемъ поведеніи. Тутъ онъ разспрашивалъ о васъ, сказалъ, что про все слышалъ, что вы благородныхъ правилъ человѣкъ, что онъ съ своей стороны не хочетъ быть у васъ въ долгу и что довольно ли вамъ будетъ 500 руб. за все, что вы для меня сдѣлали? Когда же я ему объяснила, что вы для меня то сдѣлали, чего никакими деньгами не заплатишь, то онъ сказалъ мнѣ, что все вздоръ: что все это романы, что я еще молода и стихи читаю, что романы губятъ молодыхъ дѣвушекъ, что книги только нравственность портятъ, и что онъ терпѣть не можетъ никакихъ книгъ; совѣтовалъ прожить его годы и тогда объ людяхъ говорить; «тогда», прибавилъ онъ, «и людей узнаете.» Потомъ онъ сказалъ, чтобы я поразмы-

слила объ его предложеніяхъ, что ему весьма будетъ непріятно, если я такой важный шагъ сдѣлаю необдуманно, прибавилъ, что необдуманность и увлеченіе губятъ юность неопытную, но что онъ чрезвычайно желаетъ съ моей стороны благопріятнаго отвѣта, что, наконецъ, въ противномъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому-что, говоритъ онъ, я присягнулъ негодяя-племянника лишить наслѣдства. Онъ оставилъ насильно у меня на пяльцахъ пять сотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфекты; сказалъ, что въ деревнѣ я растолстѣю, какъ лепешка, что буду у него какъ сыръ въ маслѣ кататься, что у него теперь ужасно много хлопотъ, что онъ цѣлый день по дѣламъ протаскался, и что теперь между дѣломъ забѣжалъ ко мнѣ. Тутъ онъ ушелъ. Я долго думала, я много передумала, я мучилась, думая, другъ мой, наконецъ я рѣшилась. Другъ мой, я выйду за него, я должна согласиться на его предложеніе. Если кто можетъ избавить меня отъ моего позора, возвратить мнѣ честное имя, отвратить отъ меня бѣдность, лишенія и несчастія въ будущемъ, такъ это единственно онъ. Чего же мнѣ ожидать отъ грядущаго, чего еще спрашивать у судьбы? Ѳедора говоритъ, что своего счастія терять не нужно; говоритъ—что же въ такомъ случаѣ и называется счастіемъ? Я по крайней мѣрѣ, не нахожу другаго пути для себя, безцѣнный другъ мой. Что мнѣ дѣлать? Работою я и такъ все здоровье испортила; работать постоянно я не могу. Въ люди идти?—я съ тоски изчахну, къ тому же, я никому не угожу. Я хвóрая отъ природы, и потому всегда буду бременемъ на чужихъ рукахъ. Конечно, я и теперь не въ рай иду, но что же мнѣ дѣлать, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? Изъ чего выбирать мнѣ?

Я не просила у васъ совѣтовъ. Я хотѣла обдумать одна. Рѣшеніе, которое вы прочли сейчасъ, неизмѣнно, и я немедленно объявляю его Быкову, который и безъ того торопитъ меня окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ сказалъ, что у него дѣла не ждутъ, что ему нужно ѣхать, и что не откладывать же ихъ изъ-за пустяковъ. Знаетъ Богъ буду ли я счастлива, въ Его святой, неисповѣдимой власти судьбы мои, но я рѣшилась. Говорятъ, что Быковъ человѣкъ добрый: онъ будетъ уважать меня; можетъ-быть, и я также буду уважать его. Чего же ждать болѣе отъ нашего брака?

Увѣдомляю васъ обо всемъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я увѣрена, вы поймете всю тоску мою. Не отвлекайте меня отъ моего намѣренія. Усилія ваши будутъ тщетны. Взвѣсьте въ своемъ собственномъ сердцѣ все, что принудило меня такъ поступить. Я очень тревожилась сначала, но теперь я спокойнѣе. Что впереди, я не знаю. Что будетъ, то будетъ; какъ Богъ пошлетъ!...

Пришелъ Быковъ; я бросаю письмо неоконченнымъ. Много еще хотѣла сказать вамъ. Быковъ ужь здѣсь!

Сентября 23-го.

Маточка Варвара Алексѣевна!

Я, маточка, спѣшу вамъ отвѣчать; я, маточка, спѣшу вамъ объявить, что я изумленъ. Все это какъ-то не того.... Вчера мы похоронили Горшкова. Да, это такъ, Варинька, это такъ; Быковъ поступилъ благородно; только вотъ видите ли, родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Конечно, во всемъ воля Божія; это такъ, это непремѣнно должно быть такъ, т. е. тутъ воля-то Божія непремѣн-

но должна быть; и промыслъ Творца небеснаго конечно и благъ и неисповѣдимъ, и судьбы тоже, и они то же самое.—Ѳедора тоже въ васъ участіе принимаетъ. Конечно, вы счастливы теперь будете, маточка, въ довольствѣ будете, моя голубочка, ясочка моя, ненаглядная вы моя, ангельчикъ мой, — только вотъ видите ли, Варинька, какъ же это такъ скоро?... Да, дѣла... у г-на Быкова есть дѣла—конечно, у кого нѣтъ дѣлъ, и у него тоже они могутъ случиться... видѣлъ я его, какъ онъ отъ васъ выходилъ. Видный, видный мужчина; даже ужь и очень видный мужчина. Только все это какъ-то не такъ, дѣло-то не въ томъ именно, что онъ видный мужчина, да я-то теперь какъ-то самъ не свой. Только вотъ какъ же мы будемъ теперь письма-то другъ къ другу писать? Я-то, я-то какъ же одинъ останусь. Я, ангельчикъ мой, все взвѣшиваю, все взвѣшиваю, какъ вы писали-то мнѣ тамъ, въ сердцѣ-то моемъ все это взвѣшиваю, причины-то эти. Я уже двадцатый листъ оканчивалъ переписывать, а между-тѣмъ эти происшествія-то нашли! Маточка, вѣдь вотъ вы ѣдете, такъ и закупки-то вамъ различныя сдѣлать нужно, башмачки разные, платьице, а вотъ у меня кстати и магазинъ есть знакомый въ Гороховой; помните, какъ я вамъ еще его все описывалъ.—Да нѣтъ же! Какъ же вы, маточка, что вы! вѣдь вамъ нельзя теперь ѣхать, совершенно невозможно, никакъ невозможно. Вѣдь вамъ нужно покупки большія дѣлать, да и экипажъ заводить. Къ тому же и погода теперь дурная; вы посмотрите-ка, дождь какъ изъ ведра льетъ, и такой мокрый дождь, да еще... еще то, что вамъ холодно будетъ, мой ангельчикъ; сердечку-то вашему будетъ холодно! Вѣдь вотъ вы боитесь чужаго человѣка, а ѣдете. А я-то на кого здѣсь одинъ останусь? Да вотъ

Ѳедора говоритъ, что васъ счастіе ожидаетъ большое... да вѣдь она баба буйная и меня погубить желаетъ. Пойдете ли вы ко всенощной сегодня, маточка? Я бы васъ пошелъ посмотрѣть. Оно правда, маточка, совершенная правда, что вы дѣвица ученая, добродѣтельная и чувствительная, только пусть ужь онъ лучше женится на купчихѣ! Какъ вы думаете маточка? пусть ужь лучше на купчихѣ-то женится!—Я къ вамъ, Варинька вы моя, какъ смеркнется, такъ и забѣгу на часокъ. Ныньче вѣдь рано смеркается, такъ я и забѣгу. Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочикъ приду сегодня. Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда... Вотъ подождите, маточка, я забѣгу...

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября, 27-го.

Другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Господинъ Быковъ сказалъ, что у меня непремѣнно должно быть на три дюжины рубашекъ голландскаго полотна: Такъ нужно какъ можно скорѣе пріискать бѣлошвеекъ для двухъ дюжинъ, а времени у насъ очень мало. Господинъ Быковъ сердится, говоритъ, что съ этими тряпками ужасно много возни. Свадьба наша черезъ пять дней, а на другой день послѣ свадьбы мы ѣдемъ. Господинъ Быковъ торопится, говоритъ, что на вздоръ много времени не нужно терять. Я измучилась отъ хлопотъ и чуть на ногахъ стою. Дѣла страшная куча, а право лучше, еслибъ этого ничего не было. Да еще: у насъ не достаетъ блондъ и кружева, такъ вотъ нужно бы прикупить; потому-что господинъ Быковъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы жена его какъ кухарка ходила, и что я непре-

мѣнно должна «утереть носъ всѣмъ помѣщицамъ». Такъ онъ самъ говоритъ. Такъ вотъ, Макаръ Алексѣевичъ, адресуйтесь, пожалуйста къ мадамъ Шифонъ въ Гороховую, и попросите, во первыхъ, прислать кѣ намъ бѣлошвеекъ, а во-вторыхъ, чтобъ и сама потрудилась заѣхать. Я сегодня больна. На новой квартирѣ у насъ такъ холодно и безпорядки ужасные. Тетушка господина Быкова чуть-чуть дышетъ отъ старости. Я боюсь, чтобы не умерла до нашего отъѣзда, но господинъ Быковъ говоритъ, что ничего, очнется. Въ домѣ у насъ безпорядки ужасные. Господинъ Быковъ съ нами не живетъ, такъ люди всѣ разбѣгаются, Богъ знаетъ куда. Случается, что одна Ѳедора намъ прислуживаетъ: а камердинеръ господина Быкова, который смотритъ за всѣмъ, уже третій день неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. Господинъ Быковъ заѣзжаетъ каждое утро, все сердится и вчера побилъ прикащика дома, за что имѣлъ непріятности съ полиціей... Не съ кѣмъ было къ вамъ и письма-то послать. Пишу по городской почтѣ. Да! Чуть-было не забыла самаго важнаго. Скажите мадамъ Шифонъ, чтобы блонды она непремѣнно перемѣнила, сообразуясь со вчерашнимъ образчикомъ, и чтобы сама заѣхала ко мнѣ показать новый выборъ. Да скажите еще, что я раздумала на счетъ канзу; что его нужно вышивать крошью. Да еще: буквы для вензелей на платкахъ вышивать тамбуромъ; слышите ли? тамбуромъ, а не гладью. Смотрите же, не забудьте, что тамбуромъ! Вотъ еще чуть было не забыла! Передайте ей, ради Бога, чтобы листики на пелеринѣ шить возвышенно, усики и шипы кордонне, а потомъ обшить воротникъ кружевомъ или широкой фальбалой. Пожалуйста, передайте, Макаръ Алексѣевичъ.

Ваша

В. Д.

P. S. Мнѣ такъ совѣстно, что все васъ мучаю моими коммиссіями. Вотъ и третьяго дня вы цѣлое утро бѣгали. Но что дѣлать! У насъ въ домѣ нѣтъ никакого порядка, а я сама нездорова. Такъ не досадуйте на меня, Макаръ Алексѣевичъ. Такая тоска! Ахъ, что это будетъ, другъ мой, милый мой, добрый мой Макаръ Алексѣевичъ! Я и заглянуть боюсь въ мое будущее. Я все что-то предчувствую и точно въ чаду въ какомъ-то живу.

P. S. Ради Бога, мой другъ, не позабудьте чего-нибудь изъ того, что я вамъ теперь говорила. Я все боюсь, чтобы вы какъ нибудь не ошиблись. Помните же, тамбуромъ а не гладью.

В. Д.

Сентября 27.

Милостивая государыня

Варвара Алексѣевна!

Коммиссіи ваши всѣ исполнилъ рачительно. Мадамъ Шифонъ говоритъ, что она уже сама думала обшивать тамбуромъ; что это приличнѣе что ли, ужь не знаю, въ толкъ не взялъ хорошенько. Да еще, вы тамъ фальбалу написали, такъ она и про фальбалу говорила. Только я, маточка, и позабылъ, что она мнѣ про фальбалу говорила. Только помню, очень много говорила; такая скверная баба! Что-бишь такое? Да вотъ она вамъ сама все разскажетъ. Я, маточка моя, совсѣмъ замотался. Сегодня я и въ должность не ходилъ. Только вы-то, родная моя, напрасно отчаяваетесь. Для вашего спокойствія я готовъ всѣ магазины обѣгать. Вы пишите, что въ будущее заглянуть боитесь. Да

вѣдь сегодня въ седьмомъ часу все узнаете. Мадамъ Шифонъ сама къ вамъ пріѣдетъ. Такъ вы и не отчаявайтесь; надѣйтесь, маточка; авось и все-то устроится къ лучшему—вотъ. Такъ того-то, я все фальбалу-то проклятую — эхъ, мнѣ эта фальбала—фальбала! Я бы къ вамъ забѣжалъ, ангельчикъ, забѣжалъ бы, непремѣнно бы забѣжалъ; я ужь и такъ къ воротамъ вашего дома раза два подходилъ. Да все Быковъ, то-есть, я хочу сказать, что господинъ Быковъ все сердитый такой, такъ вотъ оно и не того... Ну, да ужь что!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 28.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога бѣгите сейчасъ къ брильянтщику. Скажите ему, что серьги съ жемчугомъ и изумрудами дѣлать не нужно. Господинъ Быковъ говоритъ, что слишкомъ богато, что это кусается. Онъ сердится; говоритъ, что ему и такъ въ карманъ стало, и что мы его грабимъ, а вчера сказалъ, что если бы впередъ зналъ да вѣдалъ про такіе расходы, такъ и не связывался бы. Говоритъ, что только насъ повѣнчаютъ, такъ сейчасъ и уѣдемъ, что гостей не будетъ, и чтобы я вертѣться и плясать не надѣялась, что еще далеко до праздниковъ. Вотъ онъ какъ говоритъ! А Богъ видитъ нужно ли мнѣ все это! Самъ же господинъ Быковъ все заказывалъ. Я и отвѣчать ему ничего не смѣю: онъ горячій такой. Что со мною будетъ!

В. Д.

Сентября 28.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Я—то-есть, брильянтщикъ говоритъ—хорошо; а я про себя хотѣлъ сначала сказать, что я заболѣлъ и встать не могу съ постели. Вотъ теперь, какъ время пришло хлопотливое, нужное, такъ и простуды напали, врагъ ихъ возьми! Тоже увѣдомляю васъ, что къ довершенію несчастій моихъ и его превосходительство изволили быть строгими, и на Емельяна Ивановича много сердились и кричали, и подъ конецъ совсѣмъ измучились, бѣдненькіе. Вотъ я васъ и увѣдомляю обо всемъ. Да еще хотѣлъ вамъ написать что-нибудь, только васъ утруждать боюсь. Вѣдь я, маточка, человѣкъ глупый, простой, пишу себѣ что ни попало, такъ можетъ быть вы тамъ чего нибудь и такого—ну, да ужь что!

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 29-го.

Варвара Алексѣевна, родная моя!

Я сегодня Ѳедору видѣлъ, голубчикъ мой. Она говоритъ, что васъ уже завтра вѣнчаютъ, а послѣ завтра вы ѣдете, и что господинъ Быковъ уже лошадей нанимаетъ. На счетъ его превосходительства я уже увѣдомлялъ васъ, маточка. Да еще:—счеты изъ магазина я въ Гороховой провѣрилъ; все вѣрно, да только очень дорого. Только за что же господинъ-то Быковъ на васъ сердится? Ну, будьте счастливы, маточка! Я радъ; да я буду радъ, если вы будете счастливы. Я бы пришелъ въ церковь, маточка, да не могу, болитъ поясница. Такъ вотъ я все насчетъ писемъ: вѣдь вотъ кто

же теперь ихъ передавать-то намъ будетъ, маточка? Да! Вы Ѳедору-то облагодѣтельствовали, родная моя! Это доброе дѣло вы сдѣлали, другъ мой; это вы очень хорошо сдѣлали. Доброе дѣло! А за каждое доброе дѣло васъ Господь благословлять будетъ.—Добрыя дѣла не остаются безъ награды, и добродѣтель всегда будетъ увѣнчана вѣнцомъ справедливости Божіей, рано ли, поздно ли. Маточка! Я бы вамъ много хотѣлъ написать такъ, каждый часъ, каждую минуту все бы писалъ, все бы писалъ! У меня еще ваша книжка осталась одна, *Бѣлкина повѣсти*, такъ вы ее, знаете, маточка, не берите ее у меня, подарите ее мнѣ, мой голубчикъ. Это не потому, что ужь мнѣ такъ ее читать хочется. Но сами вы знаете, маточка, подходитъ зима; вечера будутъ длинные; грустно будетъ, такъ вотъ бы и почитать. Я, маточка, переѣду съ моей квартиры на вашу старую, и буду нанимать у Ѳедоры. Я съ этой честной женщиной теперь ни за что не разстанусь; къ тому же, она такая работящая. Я вашу квартиру опустѣвшую вчера подробно осматривалъ. Тамъ, какъ были ваши пялечки, а на нихъ шитье, такъ они и остались нетронутые: въ углу стоятъ. Я ваше шитье разсматривалъ. Остались еще тутъ лоскуточки разные. На одно письмецо мое, вы ниточки начали было наматывать. Въ столикѣ нашелъ бумажки листочикъ, а на бумажкѣ написано — «*Милостивый государь, Макаръ Алексѣевичъ, «Спѣшу»* — и только. Видно васъ кто нибудь прервалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Въ углу за ширмочками ваша кроватка стоитъ... Голубчикъ вы мой!!! Ну, прощайте, прощайте; ради Бога отвѣчайте мнѣ что нибудь на это письмецо поскорѣе.

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 30.

Безцѣнный другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Все совершилось! Выпалъ мой жребій; не знаю какой, но я волѣ Господа покорна. Завтра мы ѣдемъ. Прощаюсь съ вами въ послѣдній разъ, безцѣнный мой, другъ мой, благодѣтель мой, родной мой! Не горюйте обо мнѣ, живите счастливо, помните обо мнѣ и да снизойдетъ на васъ благословеніе Божіе! Я буду вспоминать васъ часто въ мысляхъ моихъ, въ молитвахъ моихъ. — Вотъ и кончилось это время! Я мало отраднаго унесу въ новую жизнь изъ воспоминаній прошедшаго; тѣмъ драгоцѣннѣе будетъ воспоминаніе объ васъ, тѣмъ драгоцѣннѣе будете вы моему сердцу. Вы единственный другъ мой; вы только одни здѣсь любили меня. Вѣдь я все видѣла, я вѣдь знала какъ вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего. Вамъ нужно будетъ теперь отвыкать отъ меня! Какъ вы одни здѣсь останетесь! На кого вы здѣсь останетесь, добрый, безцѣнный, единственный другъ мой! Оставляю вамъ книжку, пяльцы, начатое письмо; когда будете смотрѣть на эти начатыя строчки, то мыслями читайте дальше все, что бы хотѣлось вамъ услышать или прочесть отъ меня, все, что я ни написала бы вамъ; а чего бы я не написала теперь! Вспоминайте о бѣдной вашей Варинькѣ, которая васъ такъ крѣпко любила. Всѣ ваши письма остались въ коммодѣ у Ѳедоры, въ верхнемъ ящикѣ. Вы пишите, что вы больны, а господинъ Быковъ меня сегодня никуда не пускаетъ. Я буду вамъ писать, другъ мой, я обѣщаюсь, но вѣдь одинъ Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Итакъ, простимся теперь навсегда, другъ мой, голубчикъ мой, родной мой, навсегда!.. Охъ, какъ бы я те-

перь обняла васъ! Прощайте, мой другъ, прощайте, прощайте. Живите счастливо; будьте здоровы. Моя молитва будетъ вѣчно объ васъ. О! какъ мнѣ грустно, какъ давитъ всю мою душу. Господинъ Быковъ зоветъ меня. Васъ вѣчно любящая

В.

P. S. Моя душа такъ полна, такъ полна теперь слезами...

Слезы тѣснятъ меня, рвутъ меня. Прощайте. Боже! какъ грустно!

Помните, помните вашу бѣдную Вариньку!

Маточка, Варинька, голубчикъ мой, безцѣнная моя. Васъ увозятъ, вы ѣдете! Да, теперь лучше бы сердце они изъ груди моей вырвали, чѣмъ васъ у меня! Какъ же вы это! — Вотъ, вы плачете и вы ѣдете?! Вотъ я отъ васъ письмецо сейчасъ получилъ, все слезами закапанное. Стало быть, вамъ не хочется ѣхать; стало быть, васъ насильно увозятъ, стало быть, вамъ жаль меня, стало быть, вы меня любите! Да какъ же, съ кѣмъ же вы теперь будете? Тамъ вашему сердечку будетъ грустно, тошно и холодно. Тоска его высосетъ, грусть его пополамъ разорветъ. Вы тамъ умрете, васъ тамъ въ сыру землю положатъ; объ васъ и поплакать будетъ некому тамъ! Г-нъ Быковъ будетъ все зайцевъ травить... Ахъ, маточка, маточка! на что же вы это рѣшились, какъ же вы на такую мѣру рѣшиться могли? Что вы сдѣлали, что вы сдѣлали, что вы надъ собой сдѣлали! Вѣдь васъ тамъ въ гробъ сведутъ; они заморятъ васъ тамъ, ангельчикъ. Вѣдь вы, маточка, какъ перышко слабенькія! И я-то гдѣ былъ? Чего я тутъ дуракъ, глазѣлъ! Вижу дитя блажитъ, у дитяти просто головка болитъ! Чѣмъ бы тутъ по просту — такъ

нѣтъ же, дуракъ дуракомъ, и не думаю ничего, и не вижу ничего, какъ-будто и правъ, какъ-будто и дѣло до меня не касается; и еще за фальбалой бѣгалъ!.. Нѣтъ, я, Варинька, встану; я къ завтрашнему дню, можетъ-быть, выздоровлю, такъ вотъ я и встану!.. Я, маточка, подъ колеса брошусь; я васъ не пущу уѣзжать! Да нѣтъ, что же это въ самомъ дѣлѣ такое? По какому праву все это дѣлается? Я съ вами уѣду; я за каретой вашей побѣгу, если меня не возьмете, и буду бѣжать что есть мочи, покамѣстъ духъ изъ меня выйдетъ. Да вы знаете ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете-то, маточка? Вы, можетъ-быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, голая степь; вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразованный, пьяница ходитъ. Тамъ теперь листья съ деревъ осыпались, тамъ дожди, тамъ холодно,—а вы туда ѣдете! Ну, господину Быкову тамъ есть занятіе: онъ тамъ будетъ съ зайцами; а вы что? Вы помѣщицей хотите быть, маточка? Но, херувимчикъ вы мой! вы поглядите-ка на себя, похожи ли вы на помѣщицу?.. Да какъ же можетъ быть такое, Варинька! Къ кому же я письма буду писать, маточка? Да! вотъ вы возьмите-ка въ соображеніе, маточка,—дескать, къ кому же онъ письма будетъ писать? Кого же я маточкой называть буду; именемъ-то, любезнымъ такимъ кого называть буду? Гдѣ мнѣ васъ найдти потомъ, ангельчикъ мой? Я умру, Варинька, непремѣнно умру; не перенесетъ мое сердце такого несчастія! Я васъ какъ свѣтъ Господень любилъ, какъ дочку родную любилъ, я все въ васъ любилъ, маточка, родная моя! и самъ для васъ только и жилъ однѣхъ! Я и работалъ, и бумаги писалъ, и ходилъ, и гулялъ, и наблюденія мои бумагѣ пере-

давалъ въ видѣ дружескихъ писемъ, все оттого, что вы, маточка, здѣсь, напротивъ, по близости жили. Вы, можетъ быть, этого и не знали, а это все было именно такъ! Да, послушайте, маточка, вы разсудите, голубчикъ мой миленькой, какъ же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали? Родная моя, вѣдь вамъ ѣхать нельзя, невозможно; просто, рѣшительно никакой возможности нѣтъ! Вѣдь вотъ дождь идетъ, а вы слабенькія, вы простудитесь. Ваша карета промокнетъ; она непремѣнно промокнетъ. Она, только-что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается. Вѣдь здѣсь въ Петербургѣ прескверно кареты дѣлаютъ! Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю; они только, чтобъ фасончикъ, игрушечку тамъ какую-нибудь смастерить; а не прочно! присягну, что не прочно дѣлаютъ! Я, маточка, на колѣни передъ господиномъ Быковымъ брошусь; я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резономъ докажите ему! Скажите, что вы остаетесь и что вы не можете ѣхать!.. Ахъ, зачѣмъ это онъ въ Москвѣ на купчихѣ не женился? Ужь пусть бы онъ тамъ на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; ужь это я знаю почему! А я бы васъ здѣсь у себя держалъ. Да что онъ вамъ-то, маточка, Быковъ-то? Чѣмъ онъ для васъ вдругъ милъ сдѣлался? Вы, можетъ-быть, оттого, что онъ вамъ фальбалу-то все закупаетъ, вы, можетъ-быть, отъ этого! Да вѣдь что же фальбала? зачѣмъ фальбала? Вѣдь она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а вѣдь она, маточка, тряпка фальбала; она, маточка, фальбала-то тряпица. Да я вотъ вамъ самъ, вотъ только-что жалованье получу, фальбалы накуплю; я вамъ ее накуплю, маточка; у меня тамъ вотъ и магазинчикъ знакомый есть; вотъ только жалованья дайте

дождаться мнѣ, херувимчикъ мой, Варинька! Ахъ, Господи, Господи! Такъ вы это непремѣнно въ степь съ господиномъ Быковымъ уѣзжаете, безвозвратно уѣзжаете! Ахъ, маточка!.. Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите обо всемъ, и когда уѣдете, такъ и оттуда письмо напишите. А то вѣдь, ангелъ небесный мой, это будетъ послѣднее письмо; а вѣдь никакъ не можетъ такъ быть, чтобы письмо это было послѣднее. Вѣдь вотъ какъ же, такъ вдругъ, именно, непремѣнно послѣднее! Да нѣтъ же, я буду писать, да и вы-то пишите... А то у меня и слогъ теперь формируется... Ахъ, родная моя, что слогъ! Вѣдь вотъ я теперь и не знаю, что это я пишу, никакъ не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вамъ написать побольше... Голубчикъ мой, родная моя, маточка вы моя!

КОНЕЦЪ.

ВЪ МАГАЗИНѢ Ѳ. СТЕЛЛОВСКАГО.

Поставщика **Его Императорскаго Величества**, въ Большой Морской, въ С. Петербургѣ, продаются слѣдующія книги:

Бѣлыя ночи. Романъ *Ѳ. Достоевскаго.* . . . . . — 40
Богатый женихъ. Романъ *А. Писемскаго.* . . . . . 1 —
Бѣдность не порокъ. Комедія въ 3 д., *А. Островскаго* . — 75
Валенштейновъ лагерь. Поэма *Шиллера*, пер. *Л. Мея.* — 60
Виновата ли она? Повѣсть *А. Писемскаго.* . . . . — 50
Гамлетъ. Трагедія въ 5 д., пер. съ англ., *М. Загуляева.* 1 —
Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Комедія *И. Тургенева* . — 60
Горькая судьбина. Драма въ 4 д., *А. Писемскаго.* . — 75
Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго.* . — 30
Ветеранъ и Новобранецъ. Драмат. случай *Писемскаго.* — 30
Димитрій самозванецъ. Траг. *Шиллера*, пер. *Л. Мея.* 1 —
Завтракъ у предводителя. Комедія *И. Тургенева.* . — 50
Записки изъ мертваго дома. *Ѳ. Достоевскаго* . . 1 50
Испорченная жизнь. Комедія въ 5 д., *И. Чернышева.* 1 —
Князь Холмскій. Драма *Н. Кукольника* . . . . . — 75
Комикъ. Разсказъ *А. Писемскаго* . . . . . — 50
Мазепа. Поэма *Байрона*, переводъ *И. Гогніева* . . . — 30
Лѣшій. Повѣсть *А. Писемскаго* . . . . . — 50
Мишура. Комедія въ 4 д., *А. Потѣхина* . . . . . — 75
Не въ свои сани не садись. Комедія *А. Островскаго.* — 75
Новѣйшій оракулъ. Комедія въ 4 д., *А. Потѣхина* . — 50
Ночное. Лѣтняя сцена изъ русск. быта, *М. Стаховича.* — 50
Отецъ семейства. Драма въ 4 д., *И. Чернышева* . . — 75
Питерщикъ. Разсказъ *А. Писемскаго* . . . . . — 30
Плотничья артель. Романъ *А. Писемскаго* . . . . — 75
Провинціалка. Комедія въ 1 д., *И. Тургенева* . . . — 50
Псковитянка. Драма въ 5 д., въ стихахъ, *Л. Мея.* . 1 —
Раздѣлъ. Комедія въ 1 д., *А. Писемскаго.* . . . . . — 50
Святки. Зимняя сцена изъ русскаго быта, *Стаховича.* — 40
Сервилія. Драма въ 5 д., въ стихахъ *Л. Мея* . . . 1 —
Слабое сердце. Повѣсть *Ѳ. Достоевскаго.* . . . . . — 30
Сонъ въ лѣтнюю ночь. Комедія въ 5 д., *Шекспира.* — 75
Старая барыня. Романъ *А. Писемскаго* . . . . . — 75
Старческій грѣхъ. Повѣсть *А. Писемскаго* . . . . — 75
Тысяча душъ. Романъ *А. Писемскаго.* . . . . . 2 —
Тюфякъ. Повѣсть *А. Писемскаго.* . . . . . 1 —
Фанфаронъ. Повѣсть *А. Писемскаго* . . . . . — 50
Хозяйка. Повѣсть *Ѳ. Достоевскаго* . . . . . — 50
Холостякъ. Комедія въ 3 д., *И. Тургенева* . . . . — 75
Царская Невѣста. Драма въ 3 д., *Л. Мея* . . . . 1 —
Честный воръ. Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго* . . . . — 30

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS

00025306417